

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН
БОХТАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ НОСИРА ХУСРАВА**

На правах рукописи

ШАРИПОВ БАХРОМ АБДУАЛИЕВИЧ

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ
СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РАЗНОСИСТЕМНЫХ
ЯЗЫКАХ**

**Специальность: 10.02.20 - сравнительно-историческое,
типологическое и сопоставительное языкознание**

**ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

**Научный руководитель: доктор
филологических наук, профессор
Джамshedов Парвонахон**

Душанбе-2019

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3-13
Глава I. Теоретические основы исследования проблемы модальности в лингвистической науке.....	14-60
1.1. Исследования категории модальности в русском, таджикском и английском языках.....	14-41
1.2. Ирреальность как универсальная функционально-семантическая категория в русском, таджикском и английском языках.....	41-48
1.3. Категория объективной и субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках.....	48-57
Выводы по первой главе.....	57-60
Глава II. Средства и способы выражения субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках.....	61-170
2.1. Категория наклонения как средство выражения субъективной модальности	61-75
2.2. Модальные слова как средство выражения субъективной модальности.....	75-91
2.3. Модальные глаголы как средство выражения субъективной модальности.....	93-101
2.4. Фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности.....	101-108
2.5. Частицы как средство выражения субъективной модальности.....	108-115
2.6. Союзы как средство выражения субъективной модальности.....	115-121
2.7. Междометия как средство выражения субъективной модальности.....	121-127
Выводы по второй главе.....	127-131
Заключение.....	132-135
Библиографический список литературы	136-159
Приложение (трехязычный словарь)	160-170

ВВЕДЕНИЕ

Язык не может находиться в состоянии покоя. Он, как и все в природе и обществе, постоянно развивается. Одним из основных и важнейших законов развития языка является закон постепенного перехода языка от одного качества к другому. При этом элементы нового качества медленно накапливаются, а элементы старого качества медленно отмирают.

В конце XX века в языкознании начали рассматривать «язык не как знаковую, а как антропоцентрическую систему, целью изучения которой является речемыслительная деятельность человека». Это содействовало появлению массы различных направлений в науке, таких как: когнитивная лингвистика, лингвокультурология, этнопсихолингвистика, психолингвистика, межкультурная коммуникация и другие.

Чтобы понять современное состояние языка, его грамматические формы, его фонетический строй, структуру его словарного состава, необходимо рассматривать каждое явление современного языка как известный результат длительного исторического развития, как итог целого ряда изменений и превращений, имевших место в течение более или менее длительных промежутков времени.

Особую значимость на современном этапе развития лингвистики приобретает проблема эволюции модальности в различных языках, например сопоставление категории субъективной модальности и средств его выражения в трех языках: русского, таджикского и английского. Имея общую генетическую связь, они принадлежат к разным группам индоевропейской языковой семьи: славянской, германской и иранской. Степень родства у сравниваемых языков относительна: они не являются близкородственными, хотя русский, таджикский и английский языки характеризуются как языки одной индоевропейской лингвистической макросемьи.

В лингвистике «модальность» рассматривается как «сложная функционально-семантическая категория, которая имеет отношение к действитель-

ности и к мнению говорящего». Таким образом, данная категория представляет большой интерес в лингвистике, так как каждый язык индивидуален и имеет свои определенные грамматические и лексические единицы, выражающие модальность.

Актуальность темы исследования. На современном этапе развития лингвистики особую значимость приобретает эволюция модальности в различных языках, поскольку модальность является центральной языковой категорией и носит универсальный характер.

Изучение модальности имеет давнюю традицию, так как она является одним из наиболее сложных и противоречивых понятий, имеющих множество различных трактовок.

Категориальная сущность модальности с давних пор является объектом дискуссий учёных-лингвистов и философов. В частности, Иммануил Кант отмечает: «Категория модальности имеют ту особенность, что как определение объекта они нисколько не расширяют понятия, которому служат предикатами, а выражают только отношение к познавательной способности. Основные положения о модальности содержат не что иное, как разъяснение понятий возможности, действительности и необходимости в их эмпирическом применении и тем самым также ограничение всех категорий чисто эмпирическим применением, не допускающее и не разрешающее трансцендентального применения их» [45, 281]. Модальность – явление многоаспектное и поэтому в лингвистических исследованиях содержится большое количество различных суждений и подходов к интерпретации сущности данной категории языка. Все приведенные лингвистические направления ставят одну цель – выявить те ментально-психологические процессы, результатом которых и является речь человека. Эти ментальные процессы неразрывно связаны с модальностью. Способы и средство выражения категории модальности в различных языках весьма многочисленны и разнообразны. В связи с множеством подходов к категории

модальности, тема настоящей научной работы представляется актуальной для раскрытия особенностей и структуры того или иного языка.

Прежде всего, выбор темы научной работы, обусловлен тем, что одним из основных способов выражения модальности в русском, таджикском и английском языках считаются модальные глаголы, выражающей связь между субъектом и действием, т.е. отношения сообщаемого к действительности. Подобное определение свидетельствует, о том, что объективная модальность так же выражена модальными глаголами, как и наклонениями.

Однако тип модальности, выражающийся модальными глаголами в противоположность модальности, которая выражается наклонением, является субъективным. Многими учеными выявлен тот факт, что модальные глаголы показывают реальную действительность, при том, что вводные слова – субъективную.

Способы и средства выражения категории модальности в различных языках весьма многочисленны и разнообразны. В связи с множеством подходов к категории модальности, тема настоящей научной работы представляется актуальной для раскрытия особенностей и структуры того или иного языка.

Повышенный исследовательский интерес к категории лингвистической модальности, особенно в сопоставительном аспекте, определяет **актуальность** настоящего исследования.

Степень изученности темы. Исследование категории модальности и способов её выражения тесно связано со многими проблемами. Это вопросы предикативности, логического воззрения, смысловой структуры предложения, наклонений, модальных глаголов, модальных слов, частиц, отличия от эмоциональности и их возможных перекрещивании. Концептуальные положения относительно категории модальности содержатся в трудах известных зарубежных В. Дайвера, Е. Хакутани, Р. Лакоффа, А.И. Смирницкого, М.А. Марино и русских ученых – лингвистов, в числе которых Ш. Балли, В.В. Виноградов, Л.В. Щерба, А.Х. Востоков, Н.М. Шанский, О.А.

Ахманова, А.М. Пешковский и др. Несмотря на различные подходы к трактовке рассматриваемой лингвистикой, все исследователи единогласно признают, что категория модальности включает выражение реальности / нереальности высказывания.

Вопрос модальности вызывала интерес среди ученых различных эпох и направлений научных исследований. В современной науке термином «модальность» широко оперируют философия, логика, лингвистика. О.С. Ахманова в словаре «Словарь лингвистических терминов», термин модальности интерпретирует как «понятийная категория со значением отношения говорящего к содержанию высказывания и отношения содержания высказывания к действительности (отношения сообщённого к его реальному осуществлению), выражаемая грамматическими и лексическими средствами, такими, как формы наклонения, модальные глаголы, интонация и т.п.» [179, 237-238].

По этому поводу Ш. Балли пишет: «Модус (наклонение) представляющий собой «главную часть предложения», без которого не может быть предложения. И далее, развивая эту мысль, он определяет следующее: «... мыслить - значит вынести суждение есть ли вещь или её нет, либо определить, желательна ли она или не желательна, либо, наконец, выразить пожелание, чтобы она была или не была... В первом случае выражается суждение о факте, а во втором - суждение о ценности факта, в третьем - проявление воли» [4, 33-34].

Академик Л.В. Щерба отмечает, что «в родном языке нечего подмечать: в нём всё просто и само собой понятно и ничто не возбуждает никаких сомнений, однако второй или третий язык, изучаемый в сопоставительном плане, помогает вскрыть разнообразные средства выражения и в родном языке» [91, 44].

Как известно, «грамматический статус и объём содержания категории модальности», трактуются в специальной литературе неоднозначно. Обычно модальность определяется как ФСК (функционально-семантическая катего-

рия), выражающая разные отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого» [182, 304 с.].

Главным образом в основу данного определения расположено отражение семантической роли модальности. В.В. Виноградов также рассматривал «модальность» как семантическую категорию, имеющую разнородный лексико-грамматический характер. Тем не менее, установление модальности до сих пор остаётся одной из самых спорных и широко дискутируемых тем современного языковедения.

Данные вопросы, как в плане синхронии, так и в плане диахронии, особенно в таджикском языке, остаются непонятными и спорными, потому что в современном таджикском литературном языке категория модальности до сих пор не достаточно изучена, хотя в существующей научной и учебной литературе в данное время имеются работы таджикских учёных-лингвистов: С.И. Баевский, Б. Ниёзмухамедов, А.Х. Халилов, М. Ибрагимова, Н. Маъсуми, А.З. Розенфельд, Д.С. Негматова, Ш. Рустамов, Ф.Х. Носирова и др.

В русской лингвистике основная роль в изучении и научном обосновании категории модальности принадлежит академику В.В. Виноградову. В.В. Виноградов в своей книге «Исследования по русской грамматике» придерживался концепции о том, что «предложения, отражая действительность в её практическом общественном осознании, выражает отнесенность (отношение) к действительности, поэтому с предложением, с разнообразием его типов тесно связана категория модальности. Всякое предложение включает в себе как существенный конструктивный признак модальное значение, т.е. содержит в себе указание на отношение к действительности. Он считал, что «категория модальности принадлежит к числу основных, центральных языковых категорий, в разных формах, обнаруживающихся в языках разных систем» [18, 57 с.].

Подобным образом, анализируя научную литературу, можно сказать, что «в лингвистике понятие модальности имеет многогранную интерпре-

тацию, требующую глубокого изучения». Так как категория модальности признается очень сложной, отношение к ней неоднозначное, т.е. единого мнения относительно её природы нет. В частности, одни ученые рассматривают её как «гносеологическое понятие, не связанное с личностной оценкой предмета мысли, другие же считают, что в этой категории проявляется субъектно-оценочное отношение». Вместе с тем всеми признается, что категория модальности включает выражение реальности / нереальности высказывания.

Цель и задачи исследования заключается в комплексном изучении и описании средств и способов выражения категории субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках в сравнительном аспекте, а также в установлении основных типов модальных значений и их функционировании в рассматриваемых языках.

Для достижения поставленной цели в настоящей работе решались следующие **задачи**:

- рассмотреть существующие в современном языкознании концепции сущности категории модальности в русском, таджикском и английском языках;
- установить семантический диапазон модальных единиц;
- раскрыть средства выражения субъективной модальности с точки зрения их семантических и универсальных особенностей в русском, таджикском и английском языках;
- выявить общие и специфические особенности и различия в средствах выражения модальности в сопоставляемых языках.

Объектом исследования является средства и способы выражения категории субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках, структурно-семантические особенности, морфологические и функционально-семантические типы и способы репрезентации модальности в изучаемых языках

Предметом исследования является категория субъективной модальности, её общие, частные и специфические особенности в русском, таджикском и английском языках.

Научная новизна исследования заключается в том, что в ней:

- предпринят комплексный сравнительный анализ модальных слов с учётом их структурно-семантических и функциональных особенностей в современном русском, таджикском и английском языках;

- описаны структурные, семантические и функциональные особенности средств выражения модальности в сопоставляемых языках;

- проведено сопоставление разнообразных типологических признаков, экспликация оснований вывода о феномене категории модальности в лингвистическом плане.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Модальность – функционально-семантическая категория, выражающая разные типы отношения высказывания к действительности, а также субъективную оценку сообщаемого.

2. Субъективная модальность показывает отношение говорящего к сообщаемому и является факультативным признаком высказывания. Значения, составляющие содержание категории субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках неоднородны, выражают многообразные виды эмоциональной (иррациональной) оценки и реакции.

3. План содержания субъективной модальности, как категории оценочности, составляют субъективно-модальные выражения уверенности/неуверенности в достоверности высказывания, в реальности/ирреальности сообщаемого события, с различными оттенками значений: возможности, желательности, предположительности и т.д., образующие соответствующие модальные микрополя.

4. На лексико-грамматическом уровне осуществление субъективно-модальных значений в русском, таджикском и английском языках

происходит посредством модальных слов, модальных глаголов, фразеологических оборотов, модальных частиц и модальных междометий.

5. В сопоставляемых языках (русский, таджикский и английский языки) некоторые лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности имеют типологическое сходство, но вместе с тем наблюдаются и расхождения, связанные с особенностями грамматической структуры рассматриваемых языков.

Исходя из цели и задач работы, в исследование применены следующие **методы исследования:**

- сопоставительный анализ аналогичных лингвистических конструкций, применяемых в русском, таджикском и английском языках;
- метод описательного характера включающее в себе приёмы наблюдения;
- методы компонентного и контекстуального анализа, необходимые для разработки классификации языкового материала;
- метод сравнения с целью выявления семантических отношений в выражении субъективной модальности в трех языках – русском, таджикском и английском.

Рабочая гипотеза строится вокруг следующей концепции: в сравниваемых языках субъективная модальность выражает отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности, также является факультативным признаком высказывания, имеющая соответствующее семантическое наполнение, способы и средства выражения в русском, таджикском и английском языках.

Теоретико-методологическая база данного исследования послужили теоретические и методологические исследования российских, таджикских и английских учёных - лингвистов таких как: Ш. Балли, Й. Вахек, Г.А. Вейхман, В.А. Богородицкий, В.В. Виноградов, А.Х. Востоков, Е.М. Галкина-Федорук, А.А. Потемня, А.М. Пешковский, А.А. Шахматов, Н.М. Шанский Б. Ниёзмухамедов, Н. Маъсуми, М.Н. Касымова, М. Исматуллоева,

Ф. Зикриёев, В.С. Расторгуева, А.З. Розенфельд, М. Ибрагимова, А. Халилов, Д.С. Негматова и др. В трудах вышеназванных русских, таджикских и английских учёных категория модальности исследована как функционально-семантическая категория с точки зрения языковых средств и способов выражения данной категории в целом.

Материалом для исследования (источником иллюстративного материала) послужили примеры, взятые из произведений русской, таджикской и английской художественной литературы на языке оригинала и в переводе: И.С. Тургенев «Записки охотника»; М.А. Булгаков «Мастер и Маргарита»; Ф.М. Достоевский «Униженные и оскорблённые»; А.Н. Толстой «Хождение по мукам»; А.П. Чехов «Рассказы»; Р. Чалил «Ҳамида»; П.Толис «Ҳикояҳо»; Ф. Мухаммадиев «Палатаи кунҷакӣ»; Х. Назаров «Мирзо Ризо»; М. Твен «Саргузашти Том Сойер»; Ф. Ниязи «Верность», «Вафо»; Ю.К. Олеша «Ни дня без строчки» Ч. Икромӣ, «Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро»; С. Айни «Асарҳои мунтахаб» и др.

В диссертации использованы также словари русского, таджикского и английского языков, толковые и двуязычные словари: Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева; Г.Д. Томахин, Лингвострановедческий словарь, С.И. Ожегов, Ю.Н. Шведова; Толковый словарь русского языка; Таджикско-русский словарь // Под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской; Фарҳанги забони тоҷикӣ ба англисӣ / Под ред. П. Джамшедова и др.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что её результаты вносят значительный вклад в структурно-семантический анализ субъективной модальности в сравниваемых языках, выявлении особенностей их употребления в речевом акте, расширении представления о лексико-грамматических компонентах и средствах выражения категории модальности в русском, таджикском и английском языках.

Нами предпринята попытка систематизирования модальных единиц, их семантики в сравнительном аспекте. В работе конкретизирована суть языковой модальности, структура и семантика модальных единиц.

Практическая значимость исследования состоит в том, что её результаты могут широко употребляться в процессе преподавания определенных разделов практической и теоретической грамматики русского, таджикского и английского языков в сравнительном аспекте, при разработке спецкурса по функциональной грамматике русского, таджикского и английского языков, в теории и практике перевода.

Апробация работы. Основные положения диссертационного исследования излагались на ежегодных научно-практических конференциях профессорско-преподавательского состава университета имени Носира Хусрава (2017-2019 гг.). Материалы исследования также обсуждались на методических, теоретических семинарах и заседаниях кафедры теории и типологии английского языка, на курсах повышения квалификации учителей и преподавателей Института повышения квалификации учителей Хатлонской области и на республиканских научно-практических конференциях (2017-2019 гг.). Диссертация обсуждена и рекомендована к защите, на расширенном заседании кафедры теории и типологии английского языка Бохтарского государственного университета имени Носира Хусрава (протокол №9 от 18 апреля 2019 г.). Основные положения диссертации нашли отражение в 6 научных статьях, из них 4 - статьи в изданиях, рекомендованных ВАК Российской Федерации и ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка использованной научной и художественной литературы и приложение в виде трехязычного словаря модальных глаголов.

Во **введении** аргументируется актуальность избранной темы, определяются цели, задачи и методы исследования. В первой главе

рассматриваются теоретические основы исследования, представлен обзор многочисленных работ русских, таджикских и английских учёных, исследовавших понятие «модальность», и различных концепций, посвященных изучению данной темы. Во второй главе рассматриваются лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках в сопоставительном аспекте. В заключении содержатся выводы.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ МОДАЛЬНОСТИ В ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

1.1. Исследования категории модальности в русском, таджикском и английском языках.

Проблемы модальности и средств её выражения была и остаётся в числе приоритетных вопросов в современной лингвистике. Модальность является сложной категорией с точки зрения её языковой реализации, круга входящих в неё значений и характера взаимодействия с другими языковыми категориями.

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» приводится следующая формулировка модальности: «Модальность – (от ср. лат. **modalis** – «модальный»; лат. **Modus** – «мера», «способ») – функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого». Как отметил М.В. Ляпон, «Модальность является языковой универсалией, она принадлежит к числу основных категорий естественного языка» [183, 303].

Великий академик В.В. Виноградов изрек всестороннюю характеристику модальности которых можно найти в его трудах. Им прослежена история изучения данной категории, очерчен круг средств выражения модальности, выявлены её объем и конкретное содержание. Он считает, что каждое предложение содержит в себе указание на отношение к действительности.

Стоит отметить, что такого же мнения и другой отечественный языковед И.Р. Гальперин, рассматривающий «модальность как категорию, присущую языку в действительности, т.е. речи, и поэтому являющуюся самой сущностью коммуникативного процесса».

Тем не менее, один из современных ученых В.З. Панфилов, выдвигает более узкое понимание модальности, которые определяют модальность как отнесенность содержания предложения к действительности с точки зрения

говорящего. Однако, Г.А. Золотова, понимает модальность как «противопоставленность реального/ирреального отношения высказывания к действительности». Также широко распространяется точка зрения Данг Тхи Шам, согласно которой «инвариантным значением модальности является отнесенность содержания высказывания к действительности, т.е. модальность распространяется на отношение субъекта высказывания к действию и отношение говорящего к достоверности содержания высказывания». При таком подходе многие разновидности и средства выражения модальности объявляются второстепенными или вовсе оставляются вне этой многосторонней, но вместе с тем цельной категории. Подобная точка зрения изречена в работах А.В. Бондарко, М. Грепла, Г.А. Золотовой, В.З. Панфилова и некоторых других лингвистов.

Э.Н. Алиева, указывает на то, что природу проявления категории модальности можно увидеть и в том, что данная категория является постоянно действующим, конституирующим признаком предложения; функционирует на логико-грамматическом уровне порождения предложения; расчленяется на объективную, субъективную модальности, выражающие различные модальные значения от простого повествования до эмоционально-экспрессивного; и, наконец, модальность в одинаковой степени обслуживает и грамматическое предложение, и логическое суждение в процессе их порождения».

Объективная модальность - обязательный признак любого высказывания. По мнению В.З. Панфилову, «объективная модальность отражает характер объективных связей, наличных в той или иной ситуации, на который направлен познавательный акт, а именно взаимоотношения возможные, действительные и необходимые. Субъективная модальность выражает оценку со стороны говорящего степени познания этих связей, т.е. она указывает на степень достоверности мысли, отражающей данную ситуацию, и включает проблематическую, простую и категорическую достоверности» [161, 38].

Однако, с категорией модальности соприкасаются и частично переплетаются разные виды и типы эмоциональной экспрессии т.е. возмущение, восхищение, угроза и т.п. Академик В.В. Виноградов, указывает на необходимость проведения принципиальную четкую грань между разными эмоциональными формами выражения реакций на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности, хотя обе эти сферы речевых явлений имеют самое тесное взаимодействие. Он считал, что «модальные значения расширяются в сторону выражения разных логически-оценочных и эмоционально оценочных значений и стилистической квалификации речи, которые передаются в предложении с помощью различных вводно-модальных образований» [18, 282].

По мнению Н.Ю. Шведовой эмоциональное отношение квалифицируется как модальное, к сообщаемому. Но вместе с этим развивается мнение, в котором эмоционально-экспрессивные отношения исключаются из разряда модальных слов. Понятие модальности трактуется Г.А. Золотовой, как «выражение отношения в плане достоверности / недостоверности, и выделяет три типа отношений: во-первых, это отношение содержания высказывания (как предикативного признака) к действительности с точки зрения говорящего; во-вторых, отношение к содержанию высказывания; в-третьих, отношение между субъектом — носителем признака и предикативным признаком» [149, 69].

В истолковании Ш. Балли модальность представляется как синтаксическая категория, в выражении которой основную роль играют модальные глаголы, обозначающие суждение говорящего о предмете речи. Ш. Балли считал модальность душой предложения, как сторонник широкого понимания модальности и в число модальных значений включал самые различные нюансы суждения, чувства или воли, которые выражаются модальными глаголами, наклонениями, интонацией, формами вопроса, приказаниями, модальными жестами, мимикой лица, междометиями и

другими приемами, с помощью которых пробуждается и поддерживается внимание собеседника.

Позднее базируясь на концепцию Ш. Балли, ряд отечественных и зарубежных ученых в качестве основной составляющей модального значения стали выделять коммуникативную форму высказывания. Если Т.Б. Алисова различает коммуникативную и субъективнооценочную модальность, то Э. Бенвенист считает, что связанные с общением функции речи запечатлены в формах модальности предложения, т.е. утвердительные, вопросительные и повелительные типы предложений отражают основные позиции говорящего, который воздействует на собеседника своей речью: говорящий либо хочет передать собеседнику элементы знания, либо получить от него информацию, либо — приказать что-то сделать. Подомним образом, проанализировав научную литературу, можно сказать, что понятие модальности имеет в лингвистике многостороннее истолкование, требующее глубокого изучения. Так как «категория модальности признается очень сложной, отношение к ней неоднозначное, единого мнения относительно её природы нет». Так, одни ученые рассматривают её как гносеологическое понятие, не связанное с личностной оценкой предмета мысли, другие же считают, что в этой категории проявляется субъектно-оценочное отношение. Вместе с тем всеми признается, что категория модальности включает выражение реальности/нереальности высказывания.

Несмотря на огромное количество исследований лингвистов, посвященных анализу категории модальности, её грамматической сущности, объектом споров и разногласий среди них все ещё продолжают оставаться такие вопросы, как определение содержания понятия «модальность», средства и способов её выражения в разных языках и др.

Весьма продуктивно и интересно наблюдать способы проявления модальности в рамках одного из языков, где выявляются очевидные отличия её применения в той или иной форме – при использовании богатого словарного запаса, изменении тональности высказывания или на грамматическом уровне.

Но при сравнительном анализе этих проявлений в различных языках их спектр представляет широкое поле варьирования и даёт богатейший материал для изучения, так как модальность в разных языках обнаруживается неоднозначно. Это можно, например, наблюдать в процессе использования модальных глаголов (например, в русском: **может, должен**; в таджикском – *тавонистан, боистан*; в английском-**must, have to**). Имеются различия от применения других модальных слов (например, в русском языке: **кажется, пожалуй**; в таджикском – *ба хаёлам, мумкин*; в английском – **may be, rather**).

При изучении специальной литературы, в которой анализируется категория модальности, обращает на себя внимание следующий парадокс: в то время как одни авторы предлагают расширять количество модальных значений, другие, наоборот, являются сторонниками их сокращения. По сути, только академик В.В. Виноградов и его последователи придерживаются взгляда о достаточно широком диапазоне этого явления в языке. Это характеризует анализируемый в реферируемой работе вопрос как один из основных и дискуссионных в лингвистике и призывает к дальнейшему, более углубленному его изучению.

В своём исследовании мы постараемся проанализировать существующие концепции модальности, обобщить представленные в русистике, англистике и в таджикском языкознании точки зрения учёных на данную категорию, определить её семантический диапазон, сопоставить средства выражения субъективной модальности (персуазивности) в русском, таджикском и английском языках.

В предоставленной работе при описании категории модальности мы исходим из понимания модальности как функционально-семантической категории, выражающей: 1) отношение содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего – объективная модальность со значением реальности и ирреальности; 2) отношение говорящего к содержанию высказывания – субъективная модальность; 3) средство

выражении обозначающие различное отношение говорящего к тому, что говорится.

По нашим рассуждениям, функция категории модальности состоит в том, что модальность даёт определённую характеристику высказыванию (речи). А выражается эта функция посредством семантики лексических и грамматических средств.

Метод функционально-семантического подхода состоит в общем интересе к смысловой стороне языковых явлений, идёт поиск связи между смыслом и формой, причём функциональная грамматика берёт смысловой элемент в качестве основного. Представление функционально-семантического подхода является одним из центральных в функциональной грамматике. Оно определяется как явление, базирующееся на определенной семантической категории и представляющее собой единство грамматических и лексических единиц, а также различных комбинированных средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций.

В частности, восприятием модальности как универсальной семантической категории требует учёта антропоцентрического фактора в языке, поведения человеческой личности в процессе коммуникации (коммуникативные установки и эмоциональное состояние автора речи, условия речевого общения, способы воздействия на адресата речи и т.п.), так как категория модальности выражает отношение говорящего к объективной действительности.

К проблеме языковой модальности находит отражение в большом количестве исследований, как русских, так и таджикских и английских лингвистов, касающихся её сущности, разновидности модальной семантики, структуры модальных средств (В.В. Виноградов, И.Р. Гальперин, Г. Л. Золотова, П.А. Лекант, М.В. Ляпон, С.С. Ваулина, Б. Ниёзмухамедов, Н. Маъсуми, А.З. Розенфельд, М. Ибрагимова, А. Халилов, Д.С. Негматова, Д. Лайонз, Р. Кверк и многие другие). При этом важно заметить, что развитие новых направлений изучения в современной лингвистике (разработка

функциональной грамматики, социолингвистики, лингвистической прагматики и др.) нашло закономерное выражение в характере изучения данной категории.

Академик В.В. Виноградов в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» классифицировал средства выражения модальности и наметил их функциональную иерархию. Он отметил: «Так как предложение, отражая действительность в ее практическом общественном сознании, естественно отражает отнесенность (отношение) содержания речи к действительности, то с предложением, с разнообразием его типов тесно связана категория модальности» [18, 53]. Таким образом, данную категорию учёный включает в сферу синтаксиса, где она устанавливает позицию говорящего по отношению к действительности. В.В. Виноградов использует как синонимы термины «модальные значения», «модальные оттенки», «экспрессивно-модальные оттенки», к которым причисляет «всё то, что связано с отношением говорящего к действительности».

Модальными признаются:

- значения желания, намерения, стремления произвести или производить какое-нибудь действие;
- изъявление воли к осуществлению какого-нибудь действия, просьба, повеление, приказание;
- эмоциональное отношение, эмоциональная характеристика, морально-этическая оценка, эмоционально-волевая квалификация действия;
- значения ирреальности (гипотетичности);
- значения уступки, допущения, обобщения, заключения;
- количественная и качественная оценка отдельных мыслей из состава сообщения [18, 58].

В первую очередь, при определении данной категории следует, анализировать значение лексем и способы их функционирования в языке. Вслед за тем – оценочное отношение реального объекта действительности и субъективного способа его выражения.

Языковые единицы, относящиеся к категории модальности, помогают человеку оформить ясное, логичное по смыслу и существу высказывание в точном соответствии с семантикой и грамматикой языка. Причём высказываемая фраза может иметь разное построение и значение.

Например, говорящий может зафиксировать любой реально существующий факт:

- Сегодня утро очень холодное [разг. речь]. - *Имрӯз субҳ хеле сард аст.* - *This morning is very cold.* [перевод информантов]

- Надвигаются чёрные тучи [разг. речь]. - *Абрҳои сиёҳ меоянд.* - *Black clouds are coming.* [перевод информантов]

В выражении также может быть обнаружена яркая экспрессия:

- Не люблю такую погоду! [разг. речь]. - *Ин хел ҳаворо дӯст намедорам!* - *I don't like such likes of weather* [перевод информантов].

- Опять пойдёт дождь! [разг. речь]. - *Боз борон меборад!* - *It rains again!* [перевод информантов].

В то же время в высказывании, построенном из аналогичных языковых единиц, могут содержаться другие эмоции, например:

- Как жаль, что сегодня утро холодное [разг. речь]. - *Афсӯс, ки имрӯз субҳ сард аст.* - *It's a pity that this morning is cold* [перевод информантов].

- Дождь – это не так уж и плохо [разг. речь]. - *Борон ҳам он қадар бад нест.* - *Rain is not so bad* [перевод информантов].

Мы видим, что смысл каждого высказывания и её грамматическое оформление продиктованы индивидуальным отношением к реальному явлению или событию. Отсюда можно сделать вывод, что семантическое содержание высказывания определяется особенностями мышления и восприятия действительности индивидуально каждым говорящим.

При таком подходе анализ языковых явлений направлен «как от семантики к средствам, так и от формы к функциям» [8, 4].

Функциональный подход к языку основывается на понятие языковой системы «как инструмента мысли и коммуникации», «как системе средств,

служащей какой-то определенной цели» [15, 100]. При функциональном подходе в основе выделения единиц лежит семантическое тождество, базирующееся на общности выполняемой коммуникативной функции. Такой подход воплощает семантико-функциональный принцип рассмотрения модальных слов с опорой не на формальные или релятивные ее свойства, а на значение и функционирование в речи.

Т.Б. Алисова в своём труде «Дополнительные отношения модуса и диктума» отмечает: «Рассматривая модальность предложений различных по коммуникативной направленности, следует отметить их специфическую структуру, их многослойность. При этом обнаруживается определённая связь между модальностью и целевой установкой говорящего, или коммуникативной функцией высказывания» [131, 56].

Учёный определила, что при общении двух субъектов возникает формирование фразы, которая может содержать в себе констатацию факта, вопрос или побуждение. Например:

- **Сегодня очень жарко** (констатация факта); - *Имрӯз ҳаво хело тафсон аст.* - **Today is very hot** [перевод информантов];

- **А у вас на юге сейчас очень жарко?**(вопрос); - *Оё дар ҷануб хеле гарм аст ҳоло?* - **Is it hot in the south now?** [перевод информантов];

- **Дождёмся и мы тёплой погоды** (побудительный стимул). - *Мо низ ба ҳавои гарм мерасем.* - **We'll have a warm weather** [перевод информантов].

Попытки объединить различные уровни языка проводились разными лингвистами, в частности, А.М. Пешковским, Л.В. Щербой, В.В. Виноградовым, и многими другими, положившими начало разработке учения о понятийных категориях. К данному времени обозначилось два основных подхода к категории модальности: “узкий и широкий”; или “формальный” (осуществляемый в направлении от формы к содержанию) и “семантический” (от содержания предложения - к формам его выражения). В нашем исследовании мы отталкиваемся от широкого понимания категории модальности, принимая за основу грамматическую концепцию В.В.

Виноградова, в которой представлен путь от семантического содержания к различным грамматическим и лексическим средствам его выражения.

Несмотря на множество концепций в понимании модальности, все они единодушны в признании основного (инвариантного) модального противопоставления - противопоставления реальности / действительности ирреальности / недействительности. На эти основные значения могут наращиваться частные модальные смыслы. Г.А. Золотова называет их «вторичными видами модальных характеристик» [149, 140].

Что же касается взглядов лингвистов то здесь, их мнение расходятся при уточнении типов частных модальных значений. «Сторонники логико-понятийного подхода к модальности различают лишь значения возможности и невозможности [160, 39; 134, 75], а сторонники коммуникативного подхода говорят о большом числе модальных значений и среди них даже о таких, как боязнь, надежда, ожидание» [61, 82; 4, 55].

В современном таджикском языкознании проблемой специфики функционирования языковой модальности, её внутреннего членения и соотношения с другими категориями были посвящены труды ученых-лингвистов таких как, Б. Ниёзмухамадова, Н. Маъсуми, Ш. Рустамова, М.Н. Касымовой, Ф. Зикриёева, В.С. Расторгуевой, А.З. Розенфельда, Б. Сиёева, М. Ибрагимовой, А.Х. Халилова и многих др., хотя, повторимся, эта проблематика до сих пор мало изучена.

Для выделения категории модальности, исследователям пришлось более глубоко изучить множество способов объективного и субъективного формирования смысла речи. И если с объективным содержанием выражения учёные сходятся во мнениях – речь идёт о реальном факте действительности, то с субъективным - дело обстоит сложнее. Дело в том, что каждый человек по-своему оценивает продукт собственного высказывания (речи).

Анализируя модальность в таджикском языке на основании фактического материала, значение и способы их выражения как синтаксической категории, выражающей отношение высказывания к действительности, с

точки зрения говорящего, можно присоединиться к широко распространенному мнению о выделении трех аспектов модальности в речи [Ломтев Т.П., Золотова Г.А., Фозилов М., Лившиц В.А.], которые заключаются в следующем: 1) «объективная модальность, выражающая отношение высказывания к действительности в плане реальности». Эти значения обычно выражаются формами предложения; 2) «субъективная модальность, выражающая отношение говорящего к действительности, истинности сообщения». Этот способ выражается в основном лексико-грамматическими средствами или содержится в структуре предложения имплицитно; 3) «вторичная модальность, которая выражает связь между субъектом и предикатом в ее отношении к действительности». Эти значения выражаются, как правило, лексическим значением слов различных частей речи в составе сказуемого и главного члена предложения.

Модальность, впервые был введен Аристотелем и интерпретировался как способ существования какого-либо объекта или реализации какого-либо явления.

Средневековые формалисты также высказывали различные суждения по поводу модальности.

Также Иммануил Кант изучал модальность и описывал ее признаки, как: «по суждению действительности; по суждению необходимости и возможности». Уже в современной логике модальность рассматривается как определение видов суждения, для которых используются следующие термины: ассерторический вид суждения, отражающий реальность; аподиктический вид суждения, выражающий необходимость; проблематический вид суждения, определяющий возможность. Позднее в XIX - XX вв., модальность, как одна из важнейших характеристик системы языка, не переставала привлекать внимание лингвистов.

Также Ф. Брюно выделял три группы модальности: «модальность суждения, чувства и воли». Он отмечал, что «в каждом из этих случаев различаются две категории: действительное и возможное». Однако можно

заметить, что выделенные Брюном группы интерпретируют понятие модальности, предложенные классической логикой.

Английские грамматисты, такие как Д. Лайонз, Р. Кверк, не дают определения категории и рассматривают ее как данность, ограничиваясь указанием форм, в которых заложена модальность [22, 113].

Англоязычные лингвистические издания дают лишь философское описание модальности и не определяют ее как грамматическую категорию. «Modality: ... Logic. The classification of propositions according to whether they are contingently true or false, possible, impossible, or necessary» т.е. «Модальность... Логика. Классификация предложений в зависимости от того, являются ли они в действительности истинными или ложными, возможными, невозможными или необходимыми» [202, 1235].

Принимая во внимание точки зрения различных ученых, которые изучали понятие модальности, все-таки можно дать общее определение данной грамматической категории, полагаясь на философию. С этой точки зрения модальность есть «способ существования какого-либо объекта или протекания какого-либо явления или же способ понимания суждения об объекте, явлении или событии» [196, 373].

Как в русском, английском, так и в таджикском языкознании представляется несомненным наличие следующих взаимодействующих способов выражения модальности:

а) морфологические — особые формы глагола, т.е. наклонения; модальные значения глагольных форм;

б) синтаксические — порядок слов и модальные значения, обнаруживаемые в разных типах структуры предложения;

в) лексические значения модальных слов, словосочетаний, модальных глаголов, союзов, частиц, междометий и т.д.

г) просодические - модальные значения интонации (мелодика речи, логическое ударение, интенсивность, темп, такт), выражающие - на уровне предложения - различные синтаксические значения, а также экспрессивные и

эмоциональные оттенки, дополняющие основное значение передаваемой мысли (см. подробно во 2 главе).

Сразу же хотим отметить, что ввиду обширности данной темы, мы исследовали только морфологический и лексический способы и средства выражения категории субъективной модальности.

Многие исследователи склонны считать, что модальность, выражаемая модальными словами, носит несколько иной характер, чем модальность, обозначаемая формами наклонения. Модальные слова передают модальные отношения более тонко, дифференцированно и отчётливо, чем наклонения глагола. Категория наклонения как морфологическая категория вне конкретного содержания предложения выражает обобщённое отношение к действительности самого глагольного действия.

Однако такое богатство тончайших оттенков модальных значений, какие выражают модальные слова, формы наклонения выразить не могут.

Говоря о грамматической природе модальных слов, А.М. Бордович указывает на переход знаменательных частей речи в разряд модальных. Более того, он подчёркивает, что «модальные слова - сравнительно новая категория, сформировавшаяся в результате морфолого-синтаксического или синтактико-морфологического словообразования» [136, 331]. При этом им отмечаются два основных пути формирования модальных слов:

1. Из сказуемого главного предложения в составе сложноподчинённого в результате утраты данным сказуемым предикативной функции.

2. Из наречий-обстоятельств в результате утраты обстоятельственной функции.

Первый путь образования модальных слов - это качественное преобразование структуры отдельных сложноподчинённых предложений в простые. Например, в разных по структуре предложениях: «**Возможно, что** мещани об этом и не забывают» и «**Возможно, мещане** об этом и не забывают» - в последнем из них слово «**ВОЗМОЖНО**» потеряло свою лексическую и синтаксическую значимость и выражает модальное значение

предположения с оттенком возможности при сказуемом бывшего придаточного предложения. Похожий путь образования модальных слов свойственен большинству слов, соотносительных по форме с глаголами, краткими прилагательными среднего рода, наречиями. Примечательно, что общим для них является способность выступать в функции сказуемого.

Второй путь возникновения модальных слов связан с утратой наречиями обстоятельственной функции. Например: «*Это уже, наверное – деревня*» и «*Это уже, наверное, деревня*». В первом предложении «*наверное*» - наречие; во втором - модальное слово, выражающее предположение с оттенком вероятности.

Не менее важным является и вопрос о том, можно ли уже говорить о сформировавшейся особой части речи - модальных словах, или же следует констатировать, что эта категория ещё не сформировалась, что к ней тяготеет значительное число слов, представляющих разные части речи, что они ещё не оторвались от соответствующих лексико-грамматических категорий и т.п.

Модальные слова в современном таджикском языке рассматриваются как «особая лексико-грамматическая категория с присущими ей морфологическими, синтаксическими, семантическими и стилистическими признаками, возникновение и развитие которых связано с утратой основного первоначального конкретного лексического значения и приобретением ими с течением времени разнообразных смысловых модальных оттенков». Иначе говоря, модальные слова занимают одно из специфических мест, являясь средством выражения категории модальности.

Выделение разряда модальных слов как особой части речи в таджикском языке сталкивается на значительные трудности, связанные, прежде всего, со сложностью разграничения синтаксической функции вводных членов предложения и грамматическим обособлением слов и выражений, семантика которых способствует наиболее частому их употреблению в этой функции.

В русском языкознании взгляды лингвистов относительно происхождения модальных слов совпадают. Возьмём за основу классификацию В.В. Виноградова. Он подразделяет модальные слова на следующие группы:

Отглагольные: «кажется» - *аз афтаиш, ...барин* - **it feels, it seems**; «значит» - *яъне, нас* - **so, that means**; «видишь ли» - *оё медонӣ* - **you see, things is**, и т.д.

Наречные: «решительно» – *қатъиян* - **decidedly**, «бесспорно» - *бебахс, бешак* - **indubitably**, «конечно» – *албатта* - **of course** и т.д.

Отыменные: «правда» - *ҳақиқатан, ростӣ*-really, «словом» - *алқисса, хулласи калом* - **in a word**, «в частности»-*чунончи, аз ҷумла*-**particularly** и т.д.

Рассмотрим более детально те разряды слов, которые заслуживают статуса модальных слов, и постараемся выяснить степень их лексико-грамматической обособленности.

Прежде всего, отметим, что происхождение модальных слов, переход различных частей речи в разряд модальных единиц, а также заимствование лексических элементов из других языков в состав модальных слов таджикского языка - всё это представляет собой существенный эволюционный путь, где устаревшие полнозначные слова с течением времени начали терять свои основные конкретные лексические значения и постепенно стали приобретать новые значения и смысловые оттенки. Так происходила динамика преобразования слов различных частей речи и переход их в категорию модальных слов.

Происхождение модальных слов в таджикском языкознании исследовал Ш. Рустамов. В работе «Классификация частей речи и место имени существительного в их системе» Ш. Рустамов исследовал происхождение (соотносимость) модальных слов и разделил их на следующие группы: от имени существительного (*илоҳӣ* - бог, божество - **the God, deity**, *эхтимол*-возможно-**perhaps**, *ростӣ* - по правде - **really**, *афсӯс* - к сожалению-**unfortunately**, *аз афтаиш*-очевидно-**obviously**, *хулоса* - в

итоге - eventually, *халос* – вот и всё – that’s all, *хайф* – жаль - pity, *дарез* – увы - alas, *хайрият* – наконец то - finally); от прилагательного (*хайр* - так - so, *хуб* - хорошо - okay, *хуш* – ну - well, *бешубҳа* – несомненно - certainly, *безумон* – достоверно - credibly, *дуруст* - правильно - rightly, *рост* - верно - right); от глагола (*бошад* - а, но - and, *шояд* – возможно - may be, *бигузор* - путь - let, *биё* - давай - let’s, *мон* - оставь - drop, *рафту* - как бы – as if, *раваду* – вдруг - suddenly); от наречия (*воқеан*-действительно - actually, *зоҳиран* - повидимому - apparently, *тахминан* – приблизительно - roughly, *ҳақиқатан* - на самом деле - in actual fact, *одатан* – обычно - usually, *шахсан* - лично - personally, *хусусан* - особенно - specially, *махсусан* – исключительно - exceptionally, *аслан* – по существу - intrinsically, *зотан* – естественно - naturally, *тақрибан* – приблизительно - approximately, *табиатан* – по природе – by nature, *инсофан* – по совести – in all conscience, *ҳаётан* – жизненно - vitally, *расман* - официально - officially, *нисбатан* - относительно - relatively, *зимнан* - между прочим – by the way, *ҳатман* – обязательно - obligatorily и др.) [127, 73-86].

Например: – *Жаль*, я не умею летать как птицы [6 231, 54]. - *Афсӯс*, ки ман паррандагон барин парвоз карда наметавонам. – *It’s a pity*, I can’t fly as birds [перевод информантов]. - *Очевидно*, мы и сегодня не сможем выйти в поле [232, 65]. - *Аз афти кор*, мо имрӯз ҳам ба сахро рафта наметавонем. - *Obviously*, we can’t go into the field today as well [перевод информантов].

Конкретнее, источники и пути пополнения состава модальных единиц таджикского языка представляются следующими:

1. За счёт различных лексических единиц самого словарного фонда таджикского языка. Этот процесс также можно считать длительным и довольно непростым. В частности:

а) слова, которые перешли в разряд модальных слов без фонетических изменений: *афсӯс* - к сожалению - unfortunately, *бас* - довольно - enough,

дарез – увы - alas, кошки - если бы - as if, ҳаргиз – никогда - never (как жаль, и всё, увы, правильно, если бы, никак).

б) многозначные слова, имеющие двойкий характер, т.е. выступающие в речи как полнозначные (как член предложения), так и как модальные единицы речи в соответствующих выражениях. К этой группе относятся, в основном, слова глагольного происхождения: *рост, дуруст, нагз, биё, биёед, бошад, набошад, мон, монед, раве, раведе, исто, исто ки* и пр.

в) впоследствии перехода аффиксальных слов, образованных с помощью суффиксов, префиксов, союзов, словообразовательных частиц, местоименных суффиксов, которые стали составной частью этих элементов. Например:

- словообразовательными суффиксами *-и, -о*: *ростӣ* (правда, на самом деле – *truly, honestly*); *мабодо* (как бы, не дай бог, в случае – *that way*), *дарезо* (жаль, как жаль, увы - *alas*);

- в сочетании с соединительным союзом *-у*: *рафту, раваду* (как бы, вдруг);

- в сочетании с отрицательными частицами *ма, на-*: *магар* (возможно, разве только, разве), *мабодо* (не дай бог, как бы); *набошад* (в таком случае, если так, а не то), *наход* (неужели).

- в сочетании с глагольной приставкой *-би*: *бифармод* (прошу вас);

- в сочетании с соединительным союзом *ва* и отрицательной частицей *-на*: *ва + гар + на = вагарна* (а то, а не то, иначе, в противном случае);

- в сочетании с предлогом *ба*: *ба рости* (в самом деле);

- в сочетании с подчинительным союзом *ки*: *наход ки* (неужели), *гӯё, ки* (будто, будто бы, как будто, якобы), *истед, ки* (подождите-ка), *афсӯс, ки* (как жаль).

г) переход фразеологических сочетаний: *аз афташ, аз афти кор* (повидимому, как видно, очевидно), *аз ду сар* (обязательно), *на ин ки* (не только, неужели, не то что), *ба ҳамин тарик*, (таким образом) и пр.

2. За счёт заимствованных лексем из других языков, в частности, узбекского языка. Например, служебные слова *ана, мана* (вот, вон, эта - **this is**), *тўғри* - (правильно, хорошо - **right, good**), которые закрепились в словарном фонде таджикского языка: *ана халос* (вот тебе на - **here's to you**), *ана ҳамин тавр* (вот таким образом - **in this way**), *ана аз ҳамин сабаб* (вот по этой причине - **for this reason**), *ана гану мана ган* (вот тебе и раз - **here you are**) и т.д., в которых *ана* является составной частью этих сочетаний.

3. Переход слов, заимствованных из арабского языка, в разряд модальных слов таджикского языка. Этот процесс имеет глубокую историю - сотни арабских слов, начиная с 7 века, ассимилировались в словарный состав таджикского языка. Часть из них сохранила своё лексическое значение, часть потеряла свой конкретный лексический смысл и приобрела новые смысловые оттенки, аффиксировалась, изменилась и по форме. Как отмечает А.Х. Халилов, среди подобных модальных слов выделяются следующие группы:

а) слова, перешедшие без изменения: *ачиб, ачаб* (удивительно - **wonderful**), *тавба* (раскаяние), *хайр* (ладно), *маъкул* (благоразумно, приемлемо), *ҳайф* (жалко, как жаль, увы) и др.

б) слова, перешедшие с арабским суффиксом **-ан**: *зоҳиран* (вероятно, по-видимому, очевидно - **probably apparently obvious**), *аслан* (по сути дела, на самом деле, по существу - **in fact, in fact, essentially**), *нисбатан* (сравнительно - **comparably**), *табиатан* (естественно - **naturally**), *хақиқатан* (поистине, действительно, подлинно - **truly**) и т.п.

в) слова, перешедшие с суффиксами **-ат, -ят, -от, -ёт**: *ниҳоят* (наконец, в конце концов – **finally, in the end**), *хайрият* (добро, хорошо **Ok, good**) и др.

г) некоторые арабские слова с таджикским словообразовательным суффиксом **-и**: *илоҳи* (как бы, если бы, дай бог, только бы - **as if, God forbid, if only**).

д) слова с таджикским суффиксом **-о**: *ачабо* (странно, удивительно, поразительно – **strange, amazing**), *ҳайфо* (жаль, жалко, как жаль – **sorry**,

what a pity), илоҳо (как бы, только бы - as if only), ҳаққо (несомненно, правда – undoubtedly, true).

е) арабские слова, принявшие таджикский местоименный суффикс **-аш** (-ат, -атон, -ашон): **аслаш (в самом деле - Indeed), майлаш (ладно, хорошо – Ok, well)** и др.

ё) арабские слова в сочетании с таджикским предлогом **дар: дар воқеъ (между прочим - by the way), дар ҳақиқат (на самом деле, действительно - really)** и др.

ж) арабские слова в сочетании с таджикским предлогом **ба: бахайр (хорошо, ладно - well okay - выражения согласия, одобрения).**

з) арабские слова в сочетании с предлогом **бе: бешубҳа, бешак (несомненно, бесспорно, безусловно - undoubtedly, certainly).**

и) арабские слова в сочетании с подчинительным союзом **ки: хайрият ки, модом ки, хусусан ки** и т.д. [82, 40-46].

Ещё раз следует подчеркнуть, что все перечисленные слова, как таджикские по происхождению, так и заимствованные из других языков, перешли в категорию модальных слов уже в оформленном виде. Они не подвергались преобразованиям и имеют первоначальную, исконно неизменяемую форму, носят падежно-предложный и разного рода аффиксальный характер. Аффиксы, способствовавшие в своё время образованию новых форм, теперь являются составной частью этих элементов и изменению не подлежат. По неизменяемости формы они очень сходны с наречиями, однако резко отличаются от них своими синтаксическими особенностями.

В качестве модальных единиц также употребляются и целые сложные словосочетания (составные), воспринимаемые как лексические единицы. Например: **аз ду сар, бе шубҳа (несомненно), эҳтимол дорад (может быть).**

К таким средствам в современном английском языкознании лингвисты относят различные модальные слова типа **certainly - (албатта-конечно), obviously - (аён аст - очевидно), probably - (эҳтимол - вероятно),**

модальные частицы типа **hardly** – (ба зӯр - едва), **scarcely** – (ба гумон аст - врядли), модальные словосочетания типа **of course**, **in fact**, модальные глаголы **may**, **must**, **should** и т.п., конструкции с прилагательными типа **it is certain**, **obvious**. Также конструкции с переходными глаголами **to think**, **believe**, **suppose**, **guess** и вводно-модальные предложения. Англо-английские словари, изданные за рубежом, а также англо-русские и англо-таджикские словари, изданные в нашей и Российской стране различий между модальными словами, модальными частицами и наречиями не делают, рассматривая все их в классе последних хотя некоторые англисты в своих работах данное различие проводят [140, 118-125; 161, 102-103; 154, 102] и др.

Так, как решение проблемы классификации слов на части речи не входит в задачи этого исследования, будем называть модальные слова, модальные частицы и модальные словосочетания «неименными модальными модификаторами», исходя из того, что все они выступают в функции модифицирующего компонента головного члена структур модификации. А.И. Смирницкий называет такие структуры «построениями с атрибутивной связью» [73, 174], где термин «атрибут» понимается широко и включает в себя адвербиальные обстоятельства. Именно в таком широком смысле понимает структуру модификации У. Фрэнсис [92, 292].

Компоненты этих сочетаний принадлежат к различным частям речи. При образовании таких фразеологизированных сочетаний их компоненты теряют своё конкретное лексическое значение и в целом приобретают новые модальные значения и оттенки.

При переходе полнозначных слов в категорию модальных, отмечает Н.М. Шанский, «они наравне с изменением своих значений приобретают характер омонимов» [85, 6]. К категории таких лексем в таджикском языке относятся слова *рост*, *дуруст*, *мон*, *рав*, *биё* и ряд других, которые имеют двоякое значение. Ср.: «*Ман рохро ба ту нишон додам, ту акнун рост рав*» [220, 66]. – **Я дорогу тебе показал, ты теперь прямо иди. - I showed you the way, you go straight now** [перевод информантов].

- Рост, ман ҳам шоҳиди ин ҳодиса будам [221, 87]. – Правильно, я тоже был свидетелем этой истории. - Right, I was a witness of this story as well [перевод информантов].

В первом предложении слово «рост» является наречием и выполняет функцию обстоятельства. Во втором – слово «рост» является модальным словом, подтверждающим высказывание субъекта речи.

В таджикском языке имеется ряд модальных единиц, перешедших из разряда глаголов, которые в процессе своего развития языка приобрели новые функции, связанные с утратой тех или иных грамматических значений и развитием модальных оттенков. К этой группе можно отнести слова: *басхватить-enough*, *бигзор (бигузор)-пусть-let*, *биё-давай-common*, *бифармоед-пожалуйста-please*, *бояд (мебоист)-должен-must*, *бошад-хотя-although*, *гардам, гӯё-будто-as if*, *исто-стой-stop*, *мабодо-в случае, агар - if*, *мон-брось-drop it*, *рафту-вдруг-suddenly*, *наход-неужели-is it really*, *хоҳишмандам-прошу-prithee*, *шояд-может быть-may be* и другие. Эти, в основном препозитивные, побудительные модальные единицы, выступающие при формах повелительного наклонения и аориста, употребляются для выражения повеления, побуждения, дозволения или приглашения к совершению действия.

З.А. Ализаде отмечает, что «модальные слова, транспонирующие из класса глаголов, отходят от системы прежних форм и превращаются в самостоятельные слова, передающие значения: предположения, сомнения, вероятности, заключения, вывода, согласия, сравнения, конкретизации, противоположительности, возражения, возможности и др.» [111, 13].

На наш взгляд, глаголы, перешедшие в категорию модальных слов, принимают характер служебных слов, которые употребляются в неизменной форме, и их выбор при употреблении принадлежит автору.

В современном таджикском языке в составе модальных слов глагольного происхождения нет заимствованных, все они принадлежат данному языку и имеют двузначный характер: употребляются и как члены

предложения (в качестве полнозначного глагола), и в качестве модальных слов.

Например: Ср.: - *Ман бошам, бо онҳо алоқаи зайрирасмӣ мекардам* [204, 98]. - **Я же с ними имел неофициальную связь. - I had an informal relation to them** [перевод информантов].

- *Бисёр мехоҳам, ки дар он ҷо бошам* [217, 93]. - **Очень хочу там быть. - I want to be there very much** [перевод информантов].

В первом предложении глагол *бошад* выступает в функции частицы (же), во втором – как полнозначный глагол.

Исследуя категорию субъективной модальности в русском, таджикском и английском языкознании, мы выявили некоторые расхождения во взглядах русских, таджикских и английских учёных-лингвистов с точки зрения семантического выражения модальных единиц.

В русском языкознании нет единого мнения относительно принципов классификации модальных слов по значению. Одни исследователи выделяют 4 группы модальных слов по значению (В.В. Виноградов, А.Н. Гвоздев), другие (в учебнике «Грамматика русского языка» (для вузов)) – делят их на 2 группы (Е.М. Галкина-Федорук, Н.М. Шанский, К.В. Горшкова) (подробно см. 2 главу).

В.В. Виноградов, анализируя смысловую структуру слова, выделяет четыре основных грамматико-семантических категорий слов. «Модальные слова не выражают связей и отношений между членами предложения. Они как бы вклиниваются в предложение или же присоединяются к нему. Они выражают модальность сообщения о действительности или являются субъективно-стилистическим ключом речи (*верно-содиқона, ай ростӣ-right, правда-ҳақиқатан-is it true; по преданию-аз рӯи ривоят-according to legend, по слухам-овоза, хабар-hearing; к сожалению-афсӯс-unfortunately; к счастью-хушбахтона-to happiness* и т.д.) [18, 41-42].

По мнению В.В. Виноградова, функционально к модальным словам можно отнести всё, что в том или ином виде выступает в предложении с

оттенком индивидуальной характеристики высказывания или эмоциональной экспрессии, и в таком случае объём этого класса возрастает до необычайных размеров.

Таким образом, в русском языкознании нет единого мнения о количестве и категориях слов и сочетаний, относимых к модальным словам (модальным единицам). Наблюдаются два взгляда: включение в категорию модальных слов многих групп лексики, а также экспрессивно-эмоциональную лексику (В.В. Виноградова). В противоположность такому подходу, Е.М. Галкина-Федорук выделяет только две группы модальных слов: а) слова, обозначающие “уверенность”, “несомненность”; б) слова, обозначающие “возможность” и “предположение” [21, 57].

В таджикском языкознании также нет единого мнения по этому вопросу. Например, в таджикском языкознании одни исследователи делят модальные слова по семантическим признакам на 11 групп [80, 68], другие – на 3 группы [104, 49].

Следует отметить, что точка зрения, которой придерживается Ибрагимов М. относительно деления модальных слов по семантическим признакам, почти аналогична взглядам авторов, изложенным в учебниках по грамматике русского языка (для вузов).

На основании исследуемого языкового материала М. Ибрагимов предлагает следующее деление модальных слов по семантике:

1. Выражающие уверенность, утверждение действительности: *албатта, ростӣ, ба ростӣ, ҳақиқатан, дар воқеъ* и т.д.

- Ман, *албатта*, ваъдаи додагиамро ичро мекунам [220, 326]. – Я, *несомненно*, выполню своё обещание. - *No doubt, I'll fulfill my promise* [перевод информантов].

Ҳақиқатан, шумо одами зиндадил будаед [223, 241]. – *Действительно*, вы оказались весёлым человеком. – *Indeed, you are funny man* [перевод информантов].

2. Выражающие неуверенность, предположение, возможность, сомнение: *бояд, мебоист, шояд, зоҳиран, ҳамоно, мумкин, эҳтимол, аз афти кор* и т.д.

Например: - *Эҳтимол, ман шуморо сахт ранҷонда бошам, узр мехоҳам* [218, 43]. – *Вероятно, я вас сильно обидел, прошу прощения.* – *Probably I've offended you hard, I beg your pardon* [перевод информантов].

- *Шояд, бачаҳо ба чангал рафта бошанд* [216, 134]. – *Может быть, ребята ушли в лес.* *May be, the children went to the wood* [перевод информантов].

3. Выражающие вежливое обращение, просьбу: *марҳамат, марҳамат карда, илтифоте кунед, лутфан, хоҳишмандам, бифармоед* и др. [150, 1-22]

Например:

- *Марҳамат, ба шумо сухан дода шуд, гӯш мекунем* [217, 39]. – *Пожалуйста, вам дано слово, слушаем вас.* - *Please, you are given a word, we are listening you* [перевод информантов].

- *Хоҳишмандам, пагоҳ аллбатта ба хонаи мо биёед* [213, 284]. – *Прошу Вас, завтра обязательно приходите к нам.* - *I beg you, come to our place by all means* [перевод информантов].

Эта работа Ибрагимовой вносит в таджикское языкознание определенный вклад в исследовании вопроса о семантической классификации модальных единиц. В работе сделан вывод о том, что «к модальным словам можно отнести группу лексем, выражающих отношение говорящего к действительности и утративших связь с теми частями речи, к которым они ранее относились».

В «Грамматике современного таджикского языка» отмечается, что модальные слова придают высказыванию различные оттенки субъективного характера: совет, колебание, недоумение, иронию, удивление, недоверие и др. [31, 123].

К вопросу о модальных частицах следует отметить, что среди учёных, как русских, английских, так и таджикских нет единого мнения о составе модальных частиц. По классификации И.П. Распопова и А.М. Ломова модальные частицы русского языка подразделяются на 2 основных разряда: частицы с рациональной семантикой; частицы с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой. Но, при сопоставлении модальных частиц русского, таджикского, и английского языков, мы обнаружили, что они в большинстве случаев эквивалентны.

Например: - **Ман айнан ҳамин хел китобро дида будам** [211, 94]. - **Я видел точно такую же книгу.** - **I've seen the same book** [перевод информантов].

- **Хуш, маслихати мо ин тавр набуд** [220, 118]. - **Так, мы с вами не так договаривались.** - **So, we didn't agree with you this way** [перевод информантов].

В таджикском языкознании модальные частицы исследованы М. Ибрагимовой. В своих работах она освещает вопрос пополнении разряда таджикских модальных частиц за счет других частей речи. М. Ибрагимова, проанализировав состав модальных частиц по происхождению, делит их на 5 групп: а) соотносимые с наречиями (*кани, низ, боз, фақат, танҳо*); б) именного происхождения (*ҳамту, ҳамин тавр, хайр, майлаш, хуб, хӯш, дуруст, охир*); в) соотносительные с глагольными формами (*мон, монед, биё, биёед, бигзор, мабодо, нахонд, рафтун, равадан, гӯё*); г) соотносимые с местоимениями (*чи, худ, як*); д) соотносимые с союзами (*ки, магар, ҳатто, балки, ки, ва, аммо*). Это первая попытка классификации модальных частиц и довольно подробная.

Например: - **Магар ту дирӯз дар назди донишгоҳи мо набудӣ?** [218, 3]. - **Разве ты вчера не был у нашего университета?** - **Were not you really at our university yesterday?** [перевод информантов].

- **Бигзор, ин гуфтаи ту рост бошад, аммо онҳо бовар накарданд-ку** [221,98]. - **Предположим, что ты говорил правду, но они ведь не**

поверили. – *I suppose, you told the truth, but they just didn't believe* [перевод информантов].

Исследования В.С. Расторгуевой внесли прояснение в проблему способов выражения модальности, а именно грамматического способа - наклонения. Она детально описывает систему таджикского глагола и отличает основные модальные значения, выражаемые формами наклонения [65, 16].

С.И. Баевский исследовал модальные глаголы персидского языка *хостан, тавонистан, шоистан, боистан* [99, 21] (см. 2 главу).

Сравнительный анализ модальных глаголов в сопоставляемых нами языках показал, что в русском, таджикском и английском языках выявлено множество идентичных модальных глаголов: *хотеть-хостан-to want* (субъективно-модальное значение желаемости действия), *может быть – шояд - may be* (субъективно-модальное значение предположения) и др., Например: - *Шояд, ту ба мо дар бораи конференсия сухан мекуни? – Может быть, ты расскажешь нам о конференции? - May be, you will tell us about conference?* [перевод информантов].

А.Х. Халилов исследовал категорию субъективной модальности и средства её выражения в современном таджикском литературном языке. В его работе содержится анализ и оценка категории модальности с учетом степени изученности этой категории в современном таджикском языке. Он подробно описал субъективно-модальные значения модальных единиц таджикского языка [80, 1-106].

Что касается фразеологических единиц, то в русском, таджикском и английском языке они могут выражать как аналогичные субъективно-модальные значения (эквивалентные ФЕ), так и совершенно разные по значению выражения, которые присуще только данному народу (безэквивалентные ФЕ). Это связано с природой самих фразеологизмов. Как известно, значение фразеологических единиц не выводимо из семантики их

состава. Они употребляются в переносном значении в определенных ситуациях.

Выражение модальными фразеологизмами разного рода субъективно-модальных отношений обуславливает своеобразие их функционирования в речи по сравнению с фразеологизмами других семантико-грамматических классов.

Например: - *К счастью, мы вовремя успели сдать экзамены* [236, 188]. - *Хушбахтона, мо сари вақт имтиҳонхоро супурдем. - Fortunately, we could pass our exams in time* (выражение радости) [перевод информантов]. - *Чёрта с два! Я вам ничего не расскажу!* [230, 69]. - *Like hell! I'll tell you nothing!* – *Сабил монад! Ман чизе ба шумо намеғӯям!* (выражение негодования) [перевод информантов].

Фразеологические единицы, выражающие разнообразные субъективно-модальные значения, очень широко используются и в современном таджикском литературном языке.

Например: «*По-видимому, мы завтра не сможем начать работу из-за дождя*» [231,98]. - *Аз афти кор, мо пагоҳ корро оғоз намекунем, чунки борон меборад. - It seems we can't begin our work tomorrow, because of rain* [перевод информантов].

– «*Несомненно, ты идёшь с нами, быстрее собирайся*» [231, 214]. - *Бешубҳа, ту ҳамроҳи мо меравӣ, тезтар тайёр шав. Certainly, you'll go with us, be quick* [перевод информантов].

В этих исследованиях заметно стремление всесторонне - в формальном, содержательном и функциональном планах - исследовать категорию модальности с учётом особенностей его проявления в троих языках (русском, таджикском и английском).

Обзор лингвистического материала показывает, что на современном этапе развития языкознания (преимущественно российского) модальность определяется как универсальная функционально-семантическая категория. «Языковая модальность – обширное и сложнейшее языковое явление, ее

признаки не умещаются в рамках одноплановой операции деления как какой-нибудь конкретной грамматической категории, хотя она традиционно называется категорией. Модальность – это целый класс, система систем грамматических значений, проявляющихся на разных уровнях языка и речи. Широта и многоаспектная функциональная сущность модальности по праву определяют ей статус категории...» [58, 120].

1.2. Ирреальность как универсальная функционально-семантическая категория в таджикском и английском языках

Категория ирреальности является неотъемлемым компонентом процесса познания, отражением и постижением духовной культуры. На путь отождествления предложения и суждения толкает грамматиста, прежде всего, ирреальность действительно, есть соотносительность, и что такую соотносительность легко принять за тождество предложения и суждения вообще.

«Специфика вербализации ирреальности обусловлена субъективностью, присущей говорящему лицу, в интерпретации явлений окружающей действительности, что представляет несомненный интерес для лингвистики. Для выявления специфики языковой реализации ирреальности необходимо выяснение характера восприятия и интерпретации причинно - следственных связей тех явлений, детерминация которых, как известно, варьируется в каждом языковом коллективе на каждом этапе развития общества и зависит от характера его самосознания» [110, 37].

Из сказанного следует отметить, что ирреальность — это вовсе не какой-либо незаконченный или не существующий взгляд. В самом деле, если попытаться выделить, то основное, что присуще концепциям лингвистов, причисляющих себя к ирреальности, то станет очевидно, характеризуя теоретические подходы к изучению категории ирреальности, ее природу, проявление и сущностную характеристику всех основных грамматических

признаков ирреальности, выявление и установление механизма действия в процессе порождения языковых единиц.

Простые положения, о которых говорилось выше, а также некоторые связанные с ним в характеристике теоретические основы языковой категории ирреальности в современном языкознании значение приобретает изучение данной категории в направлении функционально-семантических исследований и применение метода функционально-семантического подхода исследованию категории ирреальности. Наиболее очевидно теоретические основы новых методологических исканий в области ирреальной стороны языка.

В связи с этим стоит и вопрос о применении исследования в грамматике как науке. Если грамматический строй есть система и есть теорией систем, то естественно для лингвистики всегда была важной проблемой последовательное разграничение диахронии и синхронии. «Таким образом, данный подход представляется наиболее приемлемым в исследовании категории ирреальности, так как рассматриваемое языковое явление есть сложная структура, место которой относительно других систем языка является решающим фактором в решении переводческих проблем.

Понятие функционально-семантического поля является одним из центральных в функциональной грамматике. Оно определяется как явление, базирующееся на определенной семантической категории и представляющее собой единство грамматических и «строевых» лексических единиц, а также различных комбинированных средств, взаимодействующих на основе общности их семантических функций» [110, 47].

В этимологических словарях приведено ясное противопоставление действий человека и деяний нечеловеческих, мира людей и иного (другого) мира. Исходя из этого, исследуемый термин получает название «ирреальность».

Понятия реальность и ирреальности в русском, таджикском и английском языках составляет условие взаимопонимания между говорящими, необходимое в человеческой речи, вообще независимо от того имеется,

ли в языке реальность и ирреальность, или другие средства для выражения определенности или неопределенности.

При указании условия понимание ирреальности достигается на основе синтеза смыслов всех знаков ирреальности. Такое понимание начинается с того, что «говорящий репрезентирует какой-нибудь предмет или явление в каких-то отношениях и связи с другими предметами, процессами, признаками», и в таком виде реципиент запечатляет его образ в своей памяти, которые не существуют в настоящем и не существуют в прошлом. При каждом последующем упоминании этого предмета понятие о нем воспринимается именно в данной связке и отношениях, и прямо соотносится с образом, хранящимся в его памяти обособленно.

Данные факторы выражают условия «наличия» или «отсутствия» в сознании человека изоморфного образа того предмета или явления, о котором сообщается, а не предмета вообще. Сообщается о том, что «ирреальность связана с процессом мышления и условиями взаимопонимания между коммуникантами». Поэтому представляется, что понятие ирреальности присутствуют во всех языках.

Каждый язык имеет свои средства оформления смысловых оттенков имени реальность и ирреальности, среди которых ирреальность занимает особое место, хотя их формализация может обходиться и без такого феномена, о чем свидетельствует отсутствие ирреальности. Это зависит от внутренних законов развития каждого языка, как правильно отмечает: В. А. Лившиц, «не подлежит сомнению, что процессы, происходящие в одном языке, должны отличаться от процессов и явлений, происходящих в других языках, поскольку они осуществляются в условиях разных языковых структур, пусть даже близких, как это бывает у родственных языков» [152, 88].

Лингвисты У. Фоли и Р. Ван Валин являются сторонниками уровневого представления структуры клаузы. В своей схеме они выделяют четыре категории, сферой действия которых является вся предикация.

1). - иллокутивная сила совершение действия говорящим при помощи произнесенных им слов. Примером оператора иллокутивной силы является императив;

2). - эвиденциальность-определяет истинность пропозиции в терминах того, каким именно путем говорящий получил информацию о сообщаемом факте;

3). - время-дейктическая категория, соотносящая время описываемого события с моментом речи;

4). статус - противопоставление реальных и ирреальных ситуаций.

Несколько позже Фоли определил эту категорию как, «обозначающую актуальность события, то, было оно реализовано или нет. Статус рассматривается как бинарная категория, но оговаривается, что в сфере ирреалиса многие языки проводят дальнейшие различия между ситуациями необходимыми, вероятными и возможными» [13, 33].

При этом содержание сферы ирреальности довольно многообразно. Ирреальность требует уточнения в процессе речи, или иначе самоориентации модальности по отношению к предмету речи. Специфика ирреальности заключается в том, что она выделяется не только по содержанию своего ориентирования на участника события, рассматривается как категория более низкого уровня, но и по его функции в речи. Таким образом, основание, ирреальные значения в такой трактовке, по которому выделяется ирреальность, фактически соотносятся с пропозициональными, впрочем, и здесь возможно перекрывание глагола может быть и знаменательным словом и служебным связочным и вспомогательным глаголами, то есть эпистемическими модальными значениями.

Каждый модальный глагол в сопоставляемых языках имеет собственное значение. Значение модального глагола может выражать сомнение, ирреальность или уверенность. Например, предложение: **Он**

должен сделать это [37, 102]. - Вай *бояд* инро ичро кунад. - *He should do it*. [перевод информантов], понять, как Он *обязан* сделать это или как Он, *прежде всего*, делает это [37, 102]. - Вай *вазифадор* аст, ки инро ичро кунад. - *He obliged to do it*. [перевод информантов]. - Вай *неш аз ҳама* инро ичро мекунад. - *He probably do it*. [перевод информантов]. Эти оттенки значения, выражаемые автором, выявляются из общего контекста.

Надо отметить, согласно мнению лингвистов, выявлены разные количества глаголов, принадлежащих к группе модальных глаголов, и они пополняют свои варианты. Например, Ю. Хакутиани насчитывает 19 модальных глаголов, включая в их число такие глаголы и сочетания, как **used to-привык к-одат ба**, **had better-стал лучше-беҳтар шуд**, **had best-было лучше-беҳтарин буд**, **to be going to- собирается - ният доштан**, **to be about –составляет около – ташикилдиҳӣ** [172, 13-18].

В русском, таджикском и английском языках в зависимости от характера предложения их различают три типа условия. Первый тип условия предложения это реальные, второй тип - нереальные исполнимые, третий - нереальные неисполнимые.

Черенкова Н. И. разделяет 3 способа условия предложения. Она отмечает, что «англичане в своей устной и письменной речи используют 3 способа выражения своего отношения к условиям совершения событий: реальное, маловероятное и абсолютное нереальное условие» [84, 204].

В действительных условиях в предложениях сопоставляемых языков глагол употребляется в изъявительном наклонении. «В условных предложениях первого типа, относящихся к будущему, глагол в придаточном предложении (условии) употребляется в Present Indefinite, а в главном предложении (следствии) в Future Indefinite» [47, 439]. В следующих соответствующих таджикских условных предложениях будущее время (замони оянда) используется как в главном, так и в придаточном предложении (чумлаи пайрав). Приведем примеры:

- **Если** завтра будет хорошая погода, мы поедem на дачу [47, 339]. - *Агар фардо ҳаво хуб шавад, мо берун аз шаҳр меравем.* [перевод информантов]. - **If the weather is fine tomorrow we shall go to the country**[47, 340].

- Он боялся, что я тоже выпригну в воду и действительно, когда-то был близок к этому. [209, 126]. - *Ў метарсид, ки ман ҳам худро ба об мепартоям ва ман хақиқатан ҳам як вақт ба ин қор наздик расида будам* [перевод информантов]. - **He was afraid that I would also drive into the water, and indeed I had once been close to this** [252, 69].

Предложения с реальными условиями в русском, таджикском и английском языках используют глагол в изъявительном наклонении. В них выражены реальные условия в исследуемых языках, и оно выражено в том, что пропозиция рассматривается как реальность. В следующем предложении в сопоставляемых языках условие предложением представляет условное будущее время - **Если** завтра хорошая погода [47, 339] - *Агар фардо ҳаво хуб бошад* - **If the weather is fine tomorrow** [перевод информантов] и продолжением предложения является - **мы отправимся за город** [47, 339] - *мо берун аз шаҳр меравем* - **we shall go to the country** (будущее время) [перевод информантов].

Второй тип - нереальные исполнимые. Показатели степени вероятности происшествия, не имевшие места в реальном мире, а только прогнозируемые в будущем, поэтому имеется потенциальная возможность для исполнения нереального исполнимого условия. В таджикском языке условным второго типа предложения с глаголом употребляется предположительное наклонение (сиғаи эҳтимолӣ) в настоящем или будущем времени. В связи с тем, что в русском и таджикском языке форма предположительного наклонения не показательна в плане различения времени и соответствующем придаточном часто употребляются союз, **если (агар)**, а в английском языке **if**. Примеры:

- **Если бы он** пришел сюда, они бы спросили его об этом [перевод информантов]. - *Агар ў ин ҷо меомад, онҳо ўро дар ин бора мепурсиданд.*

[перевод информантов]. - **If he had come here, they would ask him about it** [37, 101].

Если мы получим документы завтра, мы должны начать погрузку товара в понедельник [перевод информантов]. - *Агар, мо хуччатхоро нагоҳ гирем, мо бояд рӯзи Душанбе ба бор намудани молҳо шурӯъ намоем.* [перевод информантов]. - **If we receive the documents tomorrow we should start loading the goods on Monday** [47, 441].

Третий тип предложения являются нереально неисполнимые. Эти условия в сопоставляемых языках, относящиеся к прошедшему времени, являются невыполнимыми. В условиях нереально неисполнимых придаточных предложениях в английском языке употребляется форма Past Perfect, а в главном предложении сочетание **should** (с.1-м лицом ед. и мн. числа) или **would** (со 2-м и 3-м лицом ед. и мн. числа) с Perfect infinitive (без **to**). Условия предложения в третий тип соответствуют с глаголом в предположительное наклонение. Примеры:

- Если бы статья была более интересной, я бы прочитал ее вчера [перевод информантов]. - *Мақола агар каме шавқовар мебуд, эҳтимол ман онро дирӯз мехондам* [перевод информантов]. - **If the article were more interesting, I should have read it yesterday** [37, 101].

Условия относятся к настоящему, следствие к прошлому.

- Если бы я прочитал эту статью вчера, я бы мог знать ее содержание сегодня [перевод информантов]. - *Агар ман ин мақоларо дирӯз мехондам, ман имрӯз мазмунашро медонистам.* [перевод информантов]. - **If I had read this article yesterday, I should know its contents today** [37, 101].

Другие средства выражения ирреальности в русском, таджикском и английском языках являются модальные глаголы, наречия, наклонение, объективная модальность, реальная модальность, ирреальная модальность, типы условных предложений.

Итак, рассмотренные некоторые пути выражения ирреальности в сопоставляемых языках связаны с неконкретными условиями употребления

существительного в предложении для выражения отношения субъекта к объекту.

Такой объект может быть либо частью или принадлежностью определенного предмета, либо находиться с ним в относительной связи.

1.3. Категория объективной и субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках

В «Грамматике русского языка» определение модальности сводится к тому, что эта категория выражает отношение сообщения, содержащегося в высказывании к действительности. «То, что сообщается, может мыслиться говорящим как реальное, наличное в прошлом или настоящем, как реализующееся в будущем, как желательное, требуемое от кого-нибудь, как потенциальное, как недействительное и т.п.» [34, 80]. «Русская грамматика» признаёт многозначность термина «модальность», под которым понимают «разные явления, объединяемые тем признаком, что все они так или иначе – грамматически, лексически, интонационно – выражают отношение говорящего к сообщаемому или сообщаемого к действительности» [69, 214].

В соответствии с этой концепцией различаются 2 типа модальности, которые в том или ином виде, в тех или иных определениях представлены почти в каждой публикации, посвящённой проблемам описания модальных конструкций. Речь идет об известной дихотомии: **«субъективная» / «объективная»** или **«внешняя» / «внутренняя модальность»**. Роль этого противопоставления в организации категории модальности настолько бесспорна, что практически ни одно определение модальности не может обойтись без указания на существующее и часто выражаемое соответствующими средствами языка различие в значении синтаксических структур, содержащих модальные компоненты.

Объективная модальность выражает отношение высказывания к действительности с точки зрения реальности. Такая категория всегда присутствует в предложении, и она составляет ядро предикативности в речи.

Следовательно, «категории, выражающие отношение сообщения к действительности и подводимые под общее понятие «предикативности», могут быть свойственны предложению в целом - независимо от наличия глагола в его составе» [55, 78-79].

Субъективная модальность выражает отношение говорящего к достоверности высказывания, степень убежденности говорящего в реальности или ирреальности того, о чем говорится в предложении. «Она выражает лишь ту оценку адекватности этого отражения, которая даётся субъектом мысли, указывает на степень достоверности содержания предложения, с его точки зрения. Следовательно, она не является компонентом конкретного содержания предложения и выступает лишь как формально-грамматическое значение независимо от того, выражается ли она специальными морфемами или служебными словами с модальным значением. Субъективная модальность выступает как их формальная характеристика» [160, 42].

Следует отметить, что между этими двумя выражениями существует определённая взаимосвязь, которую необходимо анализировать и изучать в кругу одной грамматической категории.

То есть, во-первых, субъективное отношение к содержанию речи обуславливается связью с действительностью. Если реальному высказыванию требуется дополнительный оттенок мысли, то говорящий в соответствии с этим употребляет в речи модальные единицы, при помощи которых может выражать свою оценку речи. Например: - **На деревьях набухают почки** [разг. речь]. - *Дар дарахтон музчаҳо варам карда истодаанд.* - **The buttons of the trees are swelling** [перевод информантов]. - **На деревьях, кажется, набухают почки** [разг. речь]. - *Мисле, ки дар дарахтон музчаҳо варам карда истодаанд.* - **It seems, that the buttons of the trees are swelling** [перевод информантов].

Во-вторых, отношение говорящего к сообщаемому присуще не только субъективному выражению модальности, оно также передается и в объ-

ективном выражении формами глагольных наклонений. Если бы не было объективного выражения модальности в сообщаемой речи, не было бы основы для выражения субъективной модальности речи. Значит, объективное и субъективное выражение категории модальности в их взаимной связи создают общие модальные оттенки высказывания. Например: - **Жарко, пошёл бы дождь. Дождь, ну давай же, начинай лить!** [разг. речь]. - *Гарм аст, борон меборид. Борон, бибор охир, бибор!* - **It's hot, it would rain. Rain, come on, start pouring!** [перевод информантов].

В-третьих, отношение объективного выражения модальности (как реальное, так и нереальное) является первичным основанием модальности, а субъективное выражение модальности является, если можно так выразится, комментирующим дополнением модальных оттенков речи. На этой основе оформляется содержание и отношение объективных и субъективных высказываний речи. Например: *Праздник удался! Действительно, праздник удался!* [222, 370]. - *Чашн баргузор шуд! Дар ҳақиқат, чашн баргузор шуд!* **The holiday was a success! Indeed, the holiday was a success!** [перевод информантов].

Основным средством оформления объективной модальности является категория глагольного наклонения, а также некоторый порядок расположения главных членов предложения. Например: - «**Вчера был день открытия Международной студенческой конференции. Сегодня конференция продолжит свою работу. Завтра будет торжественное закрытие конференции**» [230, 88]. - *Дирӯз рӯзи кушодашавии конференсияи Байналхалқии донишҷӯён буд. Имрӯз конференсия кори худро идома медиҳад. Фардо маросими чамбастшавии конференсия хоҳад шуд.* - **Yesterday was the opening day of the International Student's Conference. Today the conference will continue its work. Tomorrow will be the closing ceremony of the conference** [перевод информантов].

В таджикском языке объективная модальность также выражается формами наклонений. В грамматике современного таджикского литератур-

ного языка, в отличие от русского, выделяется 4 наклонения: изъявительное, повелительное, условно-желательное и предположительное [32, 130].

Но в ряде работ некоторые авторы рассматривают, и пять наклонений - изъявительное - сифаи хабарй, повелительное - сифаи амрй, условное - сифаи шартй, желательное - сифаи хохишмандй, предположительное - сифаи эхтимолй [81, 89].

Изъявительное наклонение в речи выражает реальное отношение действия к действительности, констатацию факта, утверждение или отрицание его. Эти глаголы могут подчеркивать осуществление действия или события во всех трех временах — в настоящем, будущем и прошедшем.

Например:

а) настоящее время: *Комилов ба хонааш даромада, куртаю шими сафеди шаҳиашро пӯшид* [217, 24]. - **Камилов, войдя в комнату, надел свою белую шелковую сорочку и брюки. - Kamilov coming into his room, put on his white silk shirt and trousers** [перевод информантов].

б) будущее время: *Маълум буд, ки имрӯз ҳаво хеле гарм мешавад.* [217, 24]. - **Было видно, что сегодня погода будет очень жаркой. - It could be seen, today the weather will be very hot** [перевод информантов].

в) прошедшее время: *Алиҷон дар комитети шаҳрӣ дар зери дастии ҳамин одам дастурдиҳанда шуда кор мекард* [217, 25]. - **Алиджон работал в городском комитете инструктором под руководством этого человека. - Alijon had worked in municipal committee as an (instructor) adviser under the direction of this man** [перевод информантов].

«В отдельных случаях при определенном построении предложения или при наличии специфических модальных слов и частиц предложение, в состав которого входит глагол, имеющий одну из форм изъявительного наклонения, может обозначать и некоторые иные модальные оттенки с отклонением от выражения подлинной реальности действия. Но все оттенки содержатся не в семантике форм изъявительного наклонения, а вносятся в предложение различными дополнительными средствами, т.е. различным типом модальных

слов и частиц, интонаций, характером построения предложения и т.д.» [66, 43].

Например: «**Конечно, мы сегодня пойдём в университет для встречи с ректором**» [236, 132]. - *Албатта, мо имрӯз ба донишкада барои вохӯрӣ бо ректор меравам. - Of course, today we'll go to university for meeting with a rector* [перевод информантов].

- «**Итак, всех вас я приглашаю на спектакль**» [236, 132]. - *Инак, хамаи шуморо ман ба тамошои театр таклиф менамоям. – So, I invite all of you to a play* [перевод информантов].

Модальные слова *албатта, инак, бале* и т.п. в данных примерах употребительны для выражения дополнительных оттенков модальности речи. Они выражают субъективно-модальные значения.

Как известно, «изъявительное наклонение представляет собой систему видовременных форм, объединенных общим значением подлинной реальности, несомненно, выраженного в них действия» [66, 34-40], то есть ему всегда присуща категория времени, тогда как формы условно-желательного и повелительного наклонений лишены временных значений.

Как в русском, английском, так и в таджикском языке сослагательное наклонение обозначает всякого рода отклонения от подлинной реальности действия (возможность, допущение, предположение, желательность и пр.), а повелительное наклонение – приказание или просьбу об осуществлении действия. Так как в таджикском языке глаголы имеют 4 наклонения, то четвертое – предположительное наклонение обозначает действие предполагаемое.

Например: - *Браво, братец, вы очень хорошо выступили* (изъяв. накл.) [230, 132]. - *Бале, бародарам, шумо хеле хуб баромад кардед. - Well done dear brother, you've acted very well* [перевод информантов].

- *Торопитесь, ребята, быстрее шевелитесь* (повел. накл.) [230, 142]. - *Тез бошед, бачаҳо, тезтар чумбед. - Hurry up boys, move quickly* [перевод информантов].

В отличие от русского и английского языка в таджикском языке форма повелительного наклонения не может выражаться формой инфинитива.

- Ман ин масъаларо ҳал карда *метавониста* бошам (условно-желательное накл.). – *Смогу ли я решить эту задачу* (условное наклонение).

- *Could I solve this (task) problem* [перевод информантов].

- Ту имрӯз барвақт *меомадагистӣ*? (предположительное наклонение) [223, 164]. – Ты сегодня, *возможно*, раньше придёшь? - *Probably you'll come early today?* [перевод информантов].

В русском и английском языках предположительное наклонение выражается лексическими средствами, дополняющими значение глагола.

Что же касается роли лексических средств, при выражении модальности в формах изъявительного наклонения, М. Ибрагимова пишет: «В современном таджикском языке модальность может раскрываться не только временными формами изъявительного наклонения, но и при помощи лексических средств, которые уточняют, усиливают модальные значения глагольных форм.

Например, глаголы «*фикр кардан*» (думать - *to think*), «*фарз кардан*» (полагать - *to guess*), «*гап задан*» (говорить - *to speak*), «*ба таъкид гуфтан*» (утверждать - *to approve*), «*фахмидан*» (понимать - *to see, to understand*), «*хостан*» (хотеть - *to want*) и пр. могут уточнять и расшифровывать модальность последующего высказывания» [104, 18].

Например: Аммо ман *фикр мекунам*, ки ҷавоби ту беҳтарин буд [разг. речь]. – *Я думаю*, что твой ответ, был лучшим. - *I suppose, your answer was better* [перевод информантов]. - Ман *мехоҳам*, ки соли дигар ба Донишкадаи миллӣ ба хондан равам [разг. речь]. – В следующем году я *хочу* пойти учиться в Национальный университет. - *Next year, I am going to study at National University* [перевод информантов].

«Субъективная модальность, то есть отношение говорящего к сообщаемому, выражается самыми разнообразными языковыми средствами:

1) интонацией, 2) специальными синтаксическими конструкциями, 3)

словопорядком, 4) повторением слов, 5) сочетаниями знаменательных слов с частицами, 6) междометиями, 7) вводными словами и 8) сочетаниями слов (иногда их называют «модальными словами»), а также 9) разнообразными комбинациями этих средств. Круг субъективно-модальных значений очень широк, и сами эти значения, почти всегда экспрессивно окрашенные, не во всех случаях могут быть строго и однозначно определены [69, 80].

М.А. Дмитриевская в работе «Логический анализ. Знание и мнение» отмечает: «Наблюдается тенденция к смещению акцента «пропозиция – реальный мир» в сторону рассмотрения «субъект – пропозиция» [36, 7].

Такой подход широко охватывает понятие модальности, многообразие её проявлений в языке и неизбежно приводит к тому, что субъективность находится в прямой зависимости с оценочной категорией, присущей речи каждого отдельного индивидуума.

Естественно, что употребление модальных единиц речи зависит от уровня интеллекта, объёма знаний, индивидуального эстетического вкуса и т.д.

Например: - *Не правда ли, весна - самое красивое время года?* [225, 189] – *Баҳор - зеботарин фасли сол аст, ҳаминтавр не? - Spring - is the most beautiful season of the year isn't it?* [перевод информантов].

- *Не разделяю твоего восторга. Все времена года имеют свою красоту* [223, 190]. *Ман бо шодие ту мубодила намекунам. Ҳамаи фаслҳо зебогии худро доранд. - I won't share your delight. All seasons have their own beauty* [перевод информантов].

- *Ну, посмотри, как вокруг всё цветёт и пахнет* [223, 190]. – *Хайр, назар андоз, чӣ гуна ҳама гирду атроф мешукуфанд ва бӯй мекунанд. - Well, look around everything are in blossom and smells* [перевод информантов].

- *Я всё-таки утверждаю, что все времена года хороши* [223, 191]. – *Ман ба ҳарҳол иқроп мекунам, ки ҳамаи фаслҳои сол хубанд. - Never the less I confirm all seasons are good* [перевод информантов].

Объектом беседы служит реальный факт природы. Субъективное высказывание к этой реалии (времена года) выражено противоположным отношением субъектов речи. При этом используется различное лексическое и грамматическое оформление речи.

Выражение объективно-модальных и субъективно-модальных значений в речи, как отмечает И.А. Филипповская, "выражает отношение к действительности связи между субъектом - носителем признака и предикативным признаком как возможной, необходимой и т.п.» [78, 13]. Эти же оттенки передаются в речи главным образом в лексических значениях слов различных частей речи в составе сказуемого и главного члена односоставных предложений и особыми синтаксическими структурами.

Такую структуру в таджикском языке образуют в основном безличные предложения, сказуемые которых выражены модальными словами *мумкин, даркор, лозим, шарт*, употребляющиеся в сочетании с инфинитивом.

Например: - Пагоҳ имтиҳон будааст, ба вай *тайёрӣ дидан лозим аст* [разг. речь]. - **Завтра будет экзамен, необходимо к нему подготовиться.** - **The exam will be tomorrow, it's necessary to get ready for it** [перевод информантов]. - *Ин корро сари вақт тамом кардан даркор* [разг. речь]. – **Эту работу необходимо закончить вовремя.** - **It's necessary to finish this work in time** [перевод информантов].

«Субъективная модальность выражается на уровне логико-грамматического членения предложения».

Приведём примеры следующих разновидностей предложений:

- 1) «Ветер затих»; Шамол ором шуд. **The wind calmed down.**
- 2) «Ветер, *вероятно*, затих»; Шамол, *эхтимол*, ором шуд. **The wind probably calmed down.**
- 3) «Ветер, *может быть*, затих»; Шамол, *шояд*, ором шуд. **The wind may be calmed down.**
- 4) «Ветер, *кажется*, затих»; Шамол, *аз афташ* ором шуд. **The wind, seems calmed down.**

5) «Ветер, конечно, затих». Шамол, *албатта*, ором шуд. *The wind, of course, calmed down.*

Из приведенных примеров видно, что значения степени достоверности содержания предложений, за исключением простой достоверности, выражаемой формой изъявительного наклонения глагола (первое предложение), передаются различными модальными единицами.

Сопоставляя взгляды учёных по вопросу происхождения и семантики модальных единиц в исследуемых языках (русского, таджикского и английского), мы можем сказать, что в этих трех языках очень много идентичных модальных единиц.

Например, к модальным единицам, выражающим уверенность говорящего по отношению к содержанию своего высказывания относятся: *албатта (конечно - of course,)*, *ҳатман (обязательно - necessarily)*, *рост, (правда - true)*, *зимнан, ҳақ, алҳақ, дуруст, ҳамин тавр (правильно, верно - rightly)*, *хайр, майлаш, рози, маъкул, бигзор (ладно, хорошо, согласен - okay - ok, agree)*, *ҳақиқатан, дар ҳақиқат (действительно, на самом деле – really, in fact)*, *бешубҳа (несомненно - undoubtedly)*, *хуб, хуш (хорошо - well)* и др. Например: - *Дар ҳақиқат, ин иморат аҷоиб зебо аст [разг. речь]. – Действительно, это здание очень красивое. - It's true, this building is very nice [перевод информантов].*

К модальным единицам, выражающим сомнение, предположение или неуверенность в сообщении говорящего относятся: *гӯё (как будто - as)*, *бояд, мебоист, боист (должно быть - must be)*, *зоҳиран, тахминан (предположительно - presumably)*, *мабодо, одатан, рафту, раваду, эҳтимол (может быть – may be)*, *шояд, шояд, ки (вероятно - probably)*, *аз афташ (по-видимому - apparently)*, *мумкин, ки (возможно - perhaps)*, *аз афти кор (очевидно - obviously)* и др. Например: - *Бешубҳа, мо ба гуфтаҳои шумо розӣ ҳастем [разг. речь]. – Бесспорно, мы согласны с вашими высказываниями. - No doubt, we agree with your statements [перевод информантов].*

Перечисленные лексемы аналогичны модальным единицами русского языка. Подробное исследование субъективной модальности в сопоставляемых языках приведено во второй главе.

Выводы по первой главе

Итак, проблема модальности и средства её выражения была и остаётся одной из главных в лингвистике. Она ещё и сложная с точки зрения языковой реализации, круга входящих в неё значений и характера взаимодействия с иными языковыми категориями.

Изучив научную литературу, обобщив взгляды учёных-лингвистов относительно феномена категории модальности, мы пришли к следующим выводам:

Модальность - функционально-семантическая категория выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, отношение говорящего к содержанию высказывания.

Функция категории модальности состоит в том, что она (модальность) даёт определённую характеристику высказыванию (речи). А выражается эта функция посредством лексико-грамматических средств.

При функциональном подходе в основе выделения единиц лежит семантическое тождество, базирующееся на общности выполняемой коммуникативной функции.

Модальность выражается при помощи различных способов: морфологических, лексических, синтаксических и интонационных, и соответствующих им средств. На этом основании категория модальности считается универсальной.

В русском языкознании исследователи (В.В. Виноградов, Н.Ю. Шведова, Н.С. Валгина и др.) выделил два типа модальности – объективную и субъективную, которые широко представлены в традиционных классификациях модальных значений.

В таджикском языке исследователи выделяют три аспекта модальности в речи:

1) объективная модальность, выражающая отношение высказывания к действительности в плане реальности;

2) субъективная модальность, выражающая отношение говорящего к высказыванию;

3) вторичная модальность, которая выражает связь между субъектом и предикатом по отношению к действительности.

В английском языкознании различают 2 типа модальности, которые в том или ином виде, в тех или иных терминах неизменно представлены почти в каждой публикации, посвященной проблемам описания модальных конструкций. Речь идет об известной дихотомии: субъективная/ объективная или внешняя /внутренняя модальность, модальность *de dicto*/модальность *de re*.

Роль этого противопоставления в организации категории модальности настолько очевидна, что практически ни одно определение модальности не может обойтись без указания на существующее и часто выражаемое соответствующими средствами языка различие в значении синтаксических структур, содержащих модальные компоненты; фактически определения модальности, предлагаемые многими авторами, строятся на перечислении аспектов или типов модальности, по крайней мере один из которых - субъективная, внешняя и т.п. модальность - противопоставлен другому, т.е. модальности объективной, внутренней, иногда в пределах некоторого общего грамматического значения.

В языкознании разграничение объективной и субъективной категорий модальности является достаточно условным, на что обращают внимание учёные. Эти категории вполне закономерно анализируются исследователями как взаимодействующие и пересекающиеся.

«Объективная модальность - обязательный признак любого высказывания». Эта категория, которая формирует предикативную единицу -

предложение. Объективная модальность выражает отношение высказывания к действительности в плане реальности (осуществляемости или осуществлённости) и ирреальности (неосуществлённости). Средством выражения объективной модальности являются глагольные наклонения, порядок слов в предложении.

Субъективная модальность в отличие от объективной модальности является факультативным признаком высказывания. Семантический объём субъективной модальности значительно шире семантического объёма объективной модальности. Субъективная модальность включает в себя не только логическую квалификацию сообщаемого, но и разнообразные лексико-грамматические способы его выражения.

Между этими двумя выражениями существует определённая взаимосвязь, которую необходимо анализировать и изучать в кругу одной грамматической категории.

Модальные единицы, как в русском, английском, так и в таджикском языке рассматриваются как особая лексико-грамматическая категория, возникновение и развитие которых связано с утратой основного первоначального конкретного лексического значения и приобретением ими с течением времени разнообразных смысловых модальных оттенков.

Все модальные единицы, как таджикские по происхождению, так и заимствованные из других языков, перешли в категорию модальных слов уже в оформленном виде. Они не подвергались преобразованиям и имеют первоначальную, исконно неизменяемую форму, носят падежно-предложный и разного рода аффиксальный характер.

Глаголы, перешедшие в категорию модальных слов, принимают характер служебных слов, которые употребляются в неизменной форме, и их выбор при употреблении принадлежит автору.

В современном таджикском языке некоторые глаголы имеют двужначный характер: употребляются и как члены предложения (в качестве полнозначного глагола), и в качестве модальных слов.

Сравнительный анализ модальных глаголов в сопоставляемых нами языках показал, что в русском, таджикском и английском языках выявлено множество идентичных модальных глаголов: *хотеть* – *хостан* - *to want* (субъективно-модальное значение желаемости действия), *может быть* – *шояд, бояд* – *may be* (субъективно-модальное значение предположения) и др.

Как в русском, английском, так и в таджикском языкознании нет единого мнения о количестве и категориях слов и сочетаний, относимых к модальным единицам.

ГЛАВА II. СРЕДСТВА И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СУБЪЕКТИВНОЙ МОДАЛЬНОСТИ В РУССКОМ, ТАДЖИКСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Как было отмечено в предыдущей главе, субъективная модальность выражает отношения лица, говорящего к сообщаемому, обозначает уверенность, неуверенность, согласие, несогласие, дает экспрессивную оценку. Модальность в русском, таджикском и английском языках реализуется на грамматическом, лексическом, синтаксическом уровне и имеет разные способы выражения.

Она выражается различными грамматическими и лексическими средствами: категорией наклонения, модальными словами и словосочетаниями, модальными глаголами, частицами, вводными фразами, отдельными предложениями, фразеологизмами, порядком слов, междометиями, интонацией (восклицание, радость, сожаление, сомнение, удивление, уверенность, неуверенность, иронию и пр.) и др.

По причине обширности, исследуемой темы, в нашей работе мы рассмотрим лишь лексические и морфологические способы выражения субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках.

2.1. Категория наклонения как средство выражения субъективной модальности

В выражении модальности речи важная роль принадлежит особой категории глагола - наклонениям. Наклонение можно считать основным грамматическим средством выражения модальности – изъявительного - с одной стороны, условно - желательного и побудительного - с другой.

С помощью категории наклонения в предложении выражаются отношения действия или состояния к реальной действительности, а именно: значения реальности действия, предположительности или побуждения к действию.

По лингвистике в научной литературе не определён единый подход к причастности определённой языковой категории в целом к одной из форм модальности – объективной или субъективной. Хотя категория наклонения является базовой парадигмой объективной модальности, но границы между видами модальности в русском языке зачастую размыты и неопределенны.

Категориальным значением **изъявительного** наклонения является значение реальности, то есть представление действия как реально осуществляющегося в настоящем, прошедшем или будущем. Например: - **Однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас [247, 68]. – Садои беовози, якрангае, ки аз поён мерасид, маънои оромӣ, хоби абадие, ки моро интизор аст медод. - Monotonous, backwater bubble of the sea from below, told about quietness, never ending sleep which wait for us [перевод информантов]. - Так шумело внизу, когда ещё тут не было ни Ялты, ни Ореады, теперь шумит и будет шуметь также равнодушно и глухо, когда нас не будет [247, 85]. – Дар поён чунон садо медод, вақте, ки ин ҷо на Ялта, на Ориада буд, акнун он садо медиҳад ва садо хоҳад дод мисли безаразона ва беовоз, ҳангоме набудани мо [перевод информантов]. - When there wasn't either Yalta or Oreada here it was so noisy downward now it bubbles and will bubble as well indifferently and quietly after us [перевод информантов].**

В условиях контекста, в сочетаниях с частицами и другими характеризующими словами на значение реально осуществляющегося действия в формах изъявительного наклонения могут наслаиваться оттенки объективно обусловленной возможности или невозможности и различные модальные характеристики (намерения, решимости, угрозы, готовности, нежелания). Такие сочетания категорий способны выражать субъективно-объективные модальные отношения в языке. Так, употребление слова глагольного наклонения в настоящем времени является определяющей константой в отношении сказуемого, могущего носить такие оттенки содержания, как неполное утверждение или одна из форм сомнения.

Например: - Я могу сам решить эту задачу (утверждение). - *Ман метавонам ин масъаларо худам ҳал кунам.* - **I can solve this problem myself**

- Я хочу научиться играть в шахматы (желание). - *Ман мехоҳам шоҳмот бозиро омӯзам.* - **I want to learn how to play chess.**

- Надо научиться водить машину (утверждение). - *Бояд мошин ронданро омӯхт.* - **We must learn to drive a car.**

- Думаю, что быть в состоянии поиска – это интересно (предположение). - *Фикр мекунам, дар ҳолати ҷустуҷӯ будан – шавқовар аст.* - **I think it's interesting to be able to search.**

Способ выражения основной модальности предложения посредством категории наклонения является морфолого-синтаксическим. В случаях так называемого переносного употребления наклонений, «замены» наклонения типа: *Случись тут мухе быть; Шел бы ты спать; Пошел, пошел, Андрюшка!* (ср. *Существование - будто сестра, не совершай мы волшебных ошибок. А. Вознесенский, Заповедь*), [236, 67]. - *Шояд ин ҷо пашиа намешудӣ; Хобравӣ мерафтӣ; Рав, рав, Андрюша!* - **Happen here to be a fly; Would you go to sleep; Go, go, Andrew!** [перевод информантов]. Противоречие между морфологической формой глагола и значением наклонения в условиях синтаксического контекста решается в пользу значения.

Специфика изъявительного наклонения состоит в том, что оно практически не налагает ограничений на возможности выражения различных модальных оттенков лексико-грамматическими средствами и средствами контекста.

В.В. Виноградов указывает: «Сочетание модальных слов и частиц с различными формами изъявительного наклонения выражает множество модальных оттенков высказывания. Возникает ряд модальных конструкций аналитического типа. В них изъявительное наклонение приближается по оттенкам своих значений к другим наклонениям глагола» [17, 462].

«Форма синтаксического повелительного наклонения обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо. Это значение объединяет в себе ряд более частных значений, совмещающих значение повеления со значением пожелания, требования, а также сложившиеся на основе побудительности переносные значения» [69, 110].

Это может быть:

1) «**значение собственно побуждение**». Отрицание возможности выполнить что-либо, как правило, ярко выраженным субъективным отношением: иронией, неодобрением, угрозой: - **Ягод зимой захотела: достань, попробуй!** (разг. речь); - *Буттамева дар зимистон хостам: кушиш кун, пайдо кун!* - **Berries in the winter wanted: get it, try it!** [перевод информантов].

2) «**значение побуждения в сочетании с пожеланием** (хочу, чтобы...)» чаще всего обнаруживается с частицей *пусть (пускай)*: - **Но пока я умею глядеть и дышать, пусть живут в моем сердце мечта и тревога** [232, 92]. - *Вале то даме, ки ман метавонам нигарам ва нафас кашам, бигзор дар дили ман орзу ва ҳаяҷон зистад.* - **And I can see and breathe so far, let it be dream and anxiety in my heart** [перевод информантов].

В этом предложении посредством глагола в побудительном наклонении + частица *пусть* субъект речи выражает свое желание.

3) «**побуждение в сочетании с долженствованием**»;

Например: - **Чтоб и крестьянин жил в довольстве, и рабочий сыт, – да не будет ни одной незасеянной полосы!** [70, 94]. - *Барои ҳам деҳқон дар осудаҳолӣ зиндагӣ кардан, ҳам коргар сер будан, на бояд ягон қитъаи нақорида бимонад.* - **Let both a pleasant lives in prosperity and a worker is fed up, - there won't be no one unsown strip** [перевод информантов].

4) «**значение побуждения в сочетании с допущением, принятием** (согласен с тем, что [чтобы]...)» свойственно преимущественно формам с *пусть, пускай*: - **Порфирий законный наследник, – ну, пускай ему недвижимость и достанется** [236, 148]. - *Порфирий вориси ҳуқуқӣ, - хуб,*

бигзор соҳиби амволи гайриманкул гардад. - Porfiry is a legitimate heir, - well, let him get the real estate [перевод информантов].

5) «значение побуждения в сочетании с допущением, принятием»: «Ему и слова никто не скажи; И возразить не смей; Жди от него помощи, как же!» [158, 101]. - *Ба ӯ ҳеҷ сухане нагӯй. Ва эътироз ҳам нақун; Кӯмак аз вай интизор бош, чӣ тавр!* - No one can say anything to him; And don't dare gainsay; Wait for help from him, of course! [перевод информантов].

6) «значение неограниченной возможности, легкости осуществления действия»: «Добрый доктор Айболит, Он под деревом сидит. Приходи к нему лечится, и корова, и волчица, и жучок, и червячок, и медведица!» [248, 39]. - *Табиби хуби Айболит, Ӯ дар зери дарахт нишастааст. Ба назди ӯ ба табобат биёед, гову, гургу, гамбуску кирмак ва хирсак!* - Good doctor Aibolit, He is sitting under the tree. Come to him being treated, And a cow, and a wolf, And a bug, and a worm, And a bear [перевод информантов].

В русской грамматике своеобразие побудительных предложений состоит в том, что в них наиболее полно и непротиворечиво происходит слияние функциональной (коммуникативной) и объективной модальностей. Форма синтаксического побудительного наклонения обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо. Это значение объединяет в себе ряд более частных значений, совмещающих значение повеления со значение пожелания, требования, а также сложившиеся на основе побудительности переносные значения» [70, 608].

Прежде всего все эти значения и их оттенки устанавливаются и разграничиваются на основе семантического совпадения предложения в форме наклонения с предложениями других структур, выражающими те или иные значения специализированными средствами. Этот признак является основным.

«Формы повелительного наклонения некоторых глаголов имеют модальные значения, близкие к значениям междометий и частиц. Так, за отдельными лексическими значениями некоторых глаголов в формах

повелительного наклонения закрепились значения фамиллярного и резкого побуждения к энергичному и немедленному действию». Таковы формы: **давай, дуй, валяй, жги, жарь, шпарь, чеши** в значении «действуй немедленно». Например: «**Валяйте сюда! Сюда, ребята!**» [246, 198]. – **Зуд бошед! Бачаҳо инчо биёед!** - **Come on! Come here guys!** [перевод информантов]. «**Пожалуйста, надевай шинель! Валяй! Дуй!**» [207, 93]. **Лутфан болонӯшатро нӯш! Зуд! Зуд бош! Please put on your overcoat! Come on! Go go!** [перевод информантов].

Формы повелительного наклонения глаголов **сказать** (скажи, скажите) и **смотреть** (смотри, смотрите), **глядеть, подумать** в определенных синтаксических позициях утрачивают побудительное значение и употребляются в функции модальных частиц, выражающих недоверие, сомнение, удивление: - **Подумайте, какая важная шишка!; Глядите-ка, чего захотела!; Вам невдомёк? Скажите, какая невинность!** [20, 59] – **Ачабо, чигуна калоншавандаи худписанд! Бубинед чиҳо хостаст! Ман нафаҳмидам? Бигӯед чигуна иффат!** [перевод информантов]. - **Think about what a big shot! Look what she wanted! Don't you know? Tell me, what innocence!** [перевод информантов]. - **Скажи на милость, даже темно стало!** [208, 107]. - **Лутфан гӯед, балки торик шуд!** - **Tell me, even it has become dark!** [перевод информантов].

Некоторые из этих частных значений имеют дальнейшую семантическую дифференциацию. Кроме того, у формы наклонения сформировались такие переносные значения, в которых связь с побудительностью ослаблена или утрачена. Помимо всего этого смыслоразличительная роль всегда принадлежит интонации.

Общее значение **сослагательного** наклонения — значение предположения, гипотетичности действия. Формы сослагательного наклонения глагола обозначают желательное или возможное действие при каких-либо условиях или действие, в котором говорящий сомневается и только предполагает его.

Присущее форме сослагательного наклонения, субъективно-модальное значение предположительности проявляется, например, в таких предложениях: «Мне хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь» [239, 88]. - *Ман бозӣ кардан мехостам... Ҳоло бошад, ягон бозӣ мекардам.* - **I want to play I'd play something now**[перевод информантов]; «Без общего вашего согласия ты бы сюда не явился. А, быть может, год назад, ты бы здесь изведал, воин. То, что наш изведал брат» [89, 148]. - *Бе розигии чамбулчамъ шумо ба ин чо намемадед. Ва, шояд як сол пеш ин чо буди чанговар. Ҳоло он, ки моро хабар гирифтӣ бародар.* - **You won't come here without your common understanding. And could be one year ago you should find out here a warrior. What our brother found out** [перевод информантов].

В зависимости от синтаксических условий и контекста значение предположительности может варьироваться и представлять как значение желания, побуждения, или возможного обуславливающего действия.

Формы сослагательного наклонения широко употребляются для выражения желания в разных его оттенках. При этом формы сослагательного наклонения часто объединяются с частицами и выступающими в роли частиц наречиями: *пусть бы, только бы, лишь бы, что если бы, хорошо бы, лучше бы, скорей бы, хорошо бы чтобы, вот бы, хорошо если бы, как бы, только не;*

Например: - Сидишь тут, глупостями занимаешься, лучше бы ужин приготовила или хоть чайник поставила [236, 115]. - *Нишастии инчо, бо сафсатаҳо банд, беҳтараиш хӯроки бегоҳирӯзӣ омода мекардӣ, ёинки ақаллан чойникро мемондӣ.* - **You are sitting here and doing nothing, it's better you'll cook dinner or even though put a kettle** [перевод информантов]. - *Ка бы я была царица, я б для батюшки-царя родила богатыря* [233, 312]. *Ман агар малика мебудам, ман барои подшоҳ писари паҳлавон ба дунё меовардам.* - **As if I was a queen, I'd have a giant-baby for a king** [перевод информантов].

В таджикском языкознании исследователь В.С. Расторгуева даёт очень детальное описание системы таджикского глагола и отмечает основные модальные оттенки, выражаемые глагольными наклонениями. При помощи форм наклонения глагола «всякое действие представляется либо как имеющее место в действительности (в настоящем, прошедшем и будущем), либо как возможное в силу определенных обстоятельств или желательное, либо же, как действие, к которому говорящий побуждает другое лицо. При этом в каждом наклонении действие может утверждаться или отрицаться. Значения наклонений, так сказать, накладываются на значения утверждения или отрицания, которые, собственно говоря, тоже выражают отношение к действительности, но самого общего характера» [65, 11].

Как мы отметили, в грамматике современного таджикского литературного языка (в отличие от русского и английского) выделяется 4 наклонения: изъявительное (сиғаи хабарӣ), повелительное (сиғаи амрӣ), условно-желательное (сиғаи шартӣ-хоҳишмандӣ) и предположительное (сиғаи эҳтимолӣ) [32, 130].

Как известно, «**изъявительное** наклонение представляет собой систему видовременных форм, объединённых общим значением подлинной реальности, несомненности выраженного в них действия» [66, 34-40], то есть ему всегда присуща категория времени, тогда как формы условно-желательного и повелительного наклонений лишены временных значений.

«Модальность глагола изъявительного наклонения обычно зависит от того, каков характер связи между действием и его субъектом. Эта связь может быть реальной, возможной, желательной, необходимой и т.д.» [54, 11].

В отличие от русского, английского языков, в таджикском языке глагол имеет семь видовременных форм: простое прошедшее время, длительное прошедшее время, преждепрошедшее время, определенное

прошедшее время, определенное настоящее время, будущее категорическое время, или, как его еще называют, литературное будущее время.

В таджикском языке, как и в русском, английском, в отдельных случаях при определенном построении предложения или при наличии специфических модальных слов и частиц в предложении, в состав которого входит глагол, имеющий одну из форм изъявительного наклонения, может обозначать и некоторые иные модальные оттенки с отклонением от выражения подлинной реальности действия.

Например, модальные слова *бале, инак, албатта* в предложениях употребляются для выражения дополнительных оттенков модальности речи: **Бале, ман ба гуфтаҳои шумо розӣ ҳастам. - *Bravo, I totally agree with you* – Браво, я полностью согласен с вами** (субъективно-модальное значение утверждения).

По мнению Ибрагимовой М., «Глаголы *фикр кардан, фарз кардан* (думать-**think**), *зан задан* (говорить-**speak**), *фаҳмидан* (понимать-**realize**) и др. могут уточнять, дополнять модальность последующего высказывания, по смыслу которых можно предположить, о чем будет идти речь.» [104, 18].

Например: – **Но, я думаю, что вместе мы быстрее завершим эту работу** [236, 96]. - Аммо, ман *фикр мекунам*, ки якҷоя ин корро тезтар тамом мекунем. - **And I think that we'll finish this work faster together** [перевод информантов]. - **Она поняла, что я обязательно приеду её провожать**[239, 243]. - Вай *фаҳмид*, ки ман ҳатман ба гусел карданаш меоям. - **She realized that I would necessarily come to see her off** [перевод информантов].

Повелительное наклонение выражает волю говорящего, направленное к другому лицу побуждение к совершению действия, просьбу или приказание говорящего, которое в таджикском языке является единственным наклонением, не имеющим противопоставленных друг другу временных форм.

Глаголы в форме повелительного наклонения выражают не столько отношение действия к действительности, сколько волю говорящего, стремящегося видоизменить эту действительность. Повелительные глаголы произносятся в речи с особой повелительной интонацией, имеющей различные оттенки приказания, побуждения, просьбы и др. Следует отметить, что в отличие от русского языка, в таджикском языке инфинитив в значении повелительного наклонения не употребляется.

Повеление и приказание всегда могут ориентироваться фактически только на будущее действие, хотя производится оно в какой-то определенный момент в настоящем. В таджикском языке повелительное наклонение выражается формой 2-го лица единственного и множественного числа: **хон, хонед - (читай, читайте - read)**.

Следует отметить, что немаловажную роль в выражении субъективно-модального значения формой повелительного наклонения играет интонация и лексические ударения. В связи с этим следует отметить, что всевозможные смысловые оттенки мысли, выраженные в устной речи интонацией, невозможно передать в письменной речи только знаками препинания.

Формы повелительного наклонения выражают следующие оттенки волеизъявления:

Утешение - *Хотирчам бошед, менависам* [218, 28]. - **Будьте спокойны, напишу.** - **Be calm, I will write** [перевод информантов].

Предупреждение – *Дур-мӣ, наздик-мӣ, ба қафо нагарданд!* [218, 33]. – **Далеко ли, близко ли, назад не возвращаться!** - **Far or near, don't go back!** [перевод информантов].

Просьба, предложение - *Шумо аз мева марҳамат кунед* [разг. речь]. - **Угощайтесь фруктами.** - **Help (Treat) yourself to fruits** [перевод информантов].

Повеление - *Тез бошед, азизам, зудтар нависед!* [218, 29]. - **Торопитесь, дорогой мой, быстрее пишите!** - **Hurry up, my dear, write faster!**[перевод информантов] и др.

Оттенки, выраженные формами повелительного наклонения в таджикском языке, зависят также от лексического значения глаголов. Например, М. Ибрагимова подчеркивает: «Глаголы *хоҳиш кардан* (просить – to request), *талаб кардан* (требовать – to claim, to demand), *амр кардан ё фармон додан* (приказывать – to order), *иҷозат додан* (разрешить – to let), *фармудан* (велеть), *таклиф кардан* (предлагать-to suggest), *даъват кардан* (призывать – to invite), *зорӣ кардан* (умолять-to implore) могут употребляться для уточнения модальности - высказывания» [104, 20].

Например: *Декан хоҳиш кард:* «Донишчӯён, дар зали конференсия чамъ шавед!» [237, 45]. - *Декан попросил:* «Студенты, соберитесь в конференц-зал!» - **The dean asked: “Students, gather in the conference hall!** [перевод информантов].

Условно-сослагательное наклонение (сиғаи шартӣ-хоҳишмандӣ) отличается широтой и разнообразием выражаемых им модальных значений. В отличие от изъявительного условно-сослагательного наклонения употребляется тогда, когда совершение действия связывается с **желанием, возможностью, ожиданием, условием** и т.д., то есть оно не является безусловным, несомненным.

В глаголах условно-сослагательного наклонения таджикского языка различаются четыре формы времени: настоящее-будущее время (аорист); прошедшее время; длительная или вневременная форма; настоящее определенное или продолжительное время. Эти временные формы сослагательного наклонения выражают повеление, условность действия, уступительное значение.

а) настоящее-будущее время, или форма аориста, образуется от основы настоящего времени глагола и соответствующих личных глагольных

окончаний. Оно выражает допущение, предположение о том, что может осуществиться что-то неожиданное (с аористом глагола *рафтан* (идти) в 3-ем лице ед. числа).

Например: *Агар равад, меоварад* [229, 276]. - Если пойдёт, то принесёт! - **If he goes, he'll bring!** [перевод информантов]. *Раваду, ин тӯҳфа ба вай маъкул нашавад!* [229, 278]. – Вдруг этот подарок ему не понравится. - **Suddenly he wouldn't like this gift!** [перевод информантов].

Значение предположения выражается также в сочетании глагола с модальными словами *эхтимол* (вероятно) и *даркор* (должно быть): - *Эхтимол, ӯ имрӯз ба кор набарояд, чунки бемор шудааст* (разг. речь). – Возможно, он сегодня не выйдет на работу, так как заболел. - **May be (Perhaps) he will not come to work today because he is sick!** [перевод информантов].

Значение желательности выражается в сочетании с модальным словом *кошки* (о, если бы - if): *Кошки, ман ҳам ту барин олим мешудам* (разг. речь). - О, если бы и я, как ты был учёным! - **Oh, if I'd become like you a scientist** [перевод информантов].

Модальное значение сомнения выражается в сочетании глагола со словами *наход, наход, ки* (неужели): *Наход, ки ман нависам, ӯ ба ман ҷавоб надиҳад* [225, 168]. – Неужели, если я напишу, он мне не ответить. - **Really, if I write, he can't answer me** [перевод информантов].

б) прошедшее время условно-сослагательного наклонения образуется из деепричастия прошедшего времени основного глагола и аориста вспомогательного глагола *будан*: *рафта бошам, дода бошӣ, омада бошанд* и т.п.

Например: *Вай рафта бошад, меоварад* (разг. речь). – Если он поехал, то привезёт. - **If he went, he will bring** [перевод информантов].

Основное модальное значение прошедшего времени сослагательного наклонения такое же, как и у форм настояще-будущего времени, но только в

аспекте прошедшего времени. «Сфера употребления их, однако, значительно уже» [81, 40].

Например: а) при выражении предположения (о прошедшем действии);

б) при недоуменном вопросе о возможности прошедшего действия в сочетании с модальной единицей *мумкин* (возможно, вероятно): *Мумкин, вай ба инҳо хабар оварда бошад* [перевод информантов]. - **Вероятно, им весточку доставил он** [228, 367]. - **Probably, he delivered news to them** [перевод информантов].

в) длительная, или вневременная форма образуется из деепричастия прошедшего времени основного глагола с приставкой ме- и вспомогательного глагола *будан*, выступающего в форме аориста: *мерафта бошам, мевода бошӣ, мехонда бошанд* и т.д., Например: *Вай агар равад, ин китобҳоро меоварад* (разг. речь). – **Если он поедет, то привезёт эти книги.** - **If he goes, he will bring these books** [перевод информантов];

г) настоящее определенное время образуется из деепричастия прошедшего времени основного глагола и сослагательного наклонения вспомогательного глагола *истодан* в форме прошедшего времени: *рафта истода бошӣ, хонда истода бошад* и т.д. и выражает выполнение действия при определённом условии.

Например: *Вай хонда истода бошад, халал нарасонед* [разг. речь]. – **Если он читает книгу, не надо его тревожить.** - **If he reads a book, don't disturb him** [перевод информантов].

Этой же глагольной формой может быть выражена предположительная модальность, которая обычно передаётся словами: *монанди, ба мисли* (как будто, как бы, словно бы - as if).

Например: *У монанди шахсе, ки қадамҳои худро мешумурдаги барин, ба замин нигоҳкарда роҳ мерафт* [перевод информантов]. - **Она шла, уставшись в землю, как будто считала свои шаги** (значение

предположения) [239, 358]. - **She was walking, staring at the ground, as if she was counting her steps** [перевод информантов].

Модальные единицы таджикского языка *эҳтимол, бояд, шояд, мабодо* (вероятно, должно, возможно, как бы – **probably, should, may be, like**) наиболее употребительны в сочетании с глаголами сослагательного наклонения.

Предположительное наклонение, как отмечают В.С. Расторгуева и А.А. Керимова, «принадлежит к числу наиболее поздних таджикских глагольных новообразований. Формы, входящие в его состав, были узаконены в литературном языке лишь после 30-х годов двадцатого столетия» [66, 132]. Этому наклонению нет соответствия в русском языке.

По своему модальному значению данное наклонение выражает в таджикском языке **предположение, сомнение, неуверенность**. В его систему входят три формы: предположительное прошедшее, предположительное настоящее-будущее и предположительное настоящее определенное.

Прошедшее время предположительного наклонения образуется из сочетания причастия прошедшего времени с оуффиксом **-гӣ** и глагольной связкой (*ист, истед*) с последующим присоединением личных суффиксов (**-ам, -ӣ, -стӣ -ем, -ед, -анд**).

Эта форма выражает субъективно-модальное значение предположения относительно действия прошедшего времени.

Например: *Вай ба хона рафтагист* [241, 39]. - **Он, наверное, поехал домой**. - **Certainly, he went home** [перевод информантов]. *Монда шуда омадагистӣ?* [241, 41]. – **Ты, вероятно, пришел усталый**. - **Probably, you came tired** [перевод информантов].

Настоящее-будущее время предположительного наклонения образуется таким же способом плюс глагольная приставка **-ме** и выражает также значение предположения.

Например: *Шумо ба маҷлис меомадагистед?* [241, 191]. - **Вы, вероятно, придете на собрание?** - **Do you probably come to the meeting?** [перевод информантов].

Настоящее определенное время образуется при помощи вспомогательного глагола *истодан* (стоять), основной глагол при этом ставится в причастно-деепричастной форме (дид + а).

Например: *Вай ба имтиҳон тайёри дида истодагист. Охир пагоҳ имтиҳон-ку!* (разг. речь) – **Он, наверное, готовится к экзамену. Ведь завтра экзамен!** - **Certainly he is getting ready for an exam. You know the exam is tomorrow!** [перевод информантов].

Таким образом, как в русском, английском, так и в таджикском языке субъективно-модальные значения выражаются различными формами глагольных наклонений в сочетании с модальными словами и частицами.

2.2. Модальные слова, как средство выражения субъективной модальности

К категории модальности посвящено огромное количество работ, но наиболее распространенное определение модальности сводится к тому, что эта категория выражает отношение сообщения с точки зрения говорящего к действительности.

Модальность выражается грамматическими и лексическими средствами (формами наклонений, модальными словами и частицами, интонацией). Как известно, существуют разные принципы деления модальности, но традиционным является деление модальности на два типа: «объективную» и «субъективную».

«Объективная модальность - выражение отношения, сообщаемого к действительности. Грамматическими средствами выражения объективной модальности являются категория наклонения, категория времени, различные типы интонации. В свою очередь М.В. Зайнуллин разделяет «объективную модальность на реальную модальность и ирреальную модальность» [40, 27].

Объективная реальная модальность означает, что содержание высказывания с точки зрения говорящего лица, соответствует объективной реальности: субъект воспринимает сообщаемое как реальный и достоверный факт.

Объективная ирреальная модальность означает, что содержание сообщаемого не соответствует объективной реальности, субъект воспринимает сообщаемое как возможное, желаемое, предположительное, сомнительное.

Также объективную ирреальную модальность подразделяют на следующие семантические виды: 1) «дебитивная модальность» - необходимость и долженствование, 2) «потенциальная модальность» - возможность и невозможность, 3) «императивная модальность» - побуждение, 4) «гипотетическая модальность» - предположение, 5) «интенциональная модальность» - намерение и б) «оптативная модальность» - желание.

Субъективная модальность — это выражение отношения лица, говорящего к сообщаемому. Языковыми средствами выражения субъективной модальности являются порядок слов, интонация, лексические повторы, модальные слова и частицы, междометия, вводные слова и словосочетания, вводные предложения.

В русском, таджикском и английском языках одним из важных способов выражения модальности являются модальные глаголы, которые выражают отношения между субъектом и действием, т.е. отношения сообщаемого к действительности. Данное определение свидетельствует о том, что объективная модальность выражается так же модальными глаголами, как и наклонения. В.В. Виноградов отмечает: «Категория наклонения - это грамматическая категория в системе глагола, определяющая модальность действия, т.е. обозначающая отношения действия к действительности, устанавливаемое говорящим лицом» [17, 581].

Тем не менее тип модальности, выражаемой модальными глаголами в отличие от модальности, выражаемой наклонением, является субъективной.

Учёными исследовано, что модальные глаголы выражают объективную реальность, в то время как вводные слова - субъективную.

М.Н. Касимова о связи модальности и наклонения также подчеркивает: «Модальные отношения тесно связаны с наклонениями глагола. Разные оттенки значения модальности реализуются именно с помощью наклонений глагола» [46, 137].

Исходя из данных определений, можно сформулировать употребление модальных глаголов в наклонениях, как модальность (модальные глаголы) в модальности (наклонение), что означает субъективное отношение говорящего к объективности, т.е. значение модальности модальных глаголов реализуется в категориях наклонения и времени. Придерживаясь данного значения, академик В.В. Виноградов отмечает: «отношения всякого высказывания или предположения к реальности называется объективно-субъективной модальностью» [17, 725]. Т.А. Комова также определяет отношения модальности как оттенок объективно-субъективный в оценке действия [48, 59].

Помимо разных определений значения модальности существуют расхождения во взглядах на категориальную принадлежность этого понятия. Р.А. Будагов считает ее грамматической категорией [9, 204]; Л.С.Ермолаева говорит о модальности как о синтаксической категории [119, 9]., а В.В. Виноградов рассматривает модальность как семантическую категорию [18, 725].

Учёные аргументируют это тем, что модальное содержание может быть выражено различными языковыми средствами.

Вопрос о категории модальности в языкознании остаётся спорным и нерешённым до сих пор в связи с его многоаспектностью, в связи, с чем Е. А. Загородская пишет: «Модальность представляет собой один из феноменов, которые наряду с бесспорностью своего существования в языке постоянно ускользают от более или менее четкого определения» [103, 12].

С другой стороны, сами модальные глаголы являются спорной темой. Предметом споров и разногласий среди лингвистов является принадлежность глаголов к этой группе и границы ее семантического диапазона.

В современном таджикском языке к группе модальных глаголов относятся глаголы *тавонистан*, *хостан*, *шоистан* и *боистан*. Исследованиями значений и функций модальных глаголов в таджикском языке занимались таджикские лингвисты, такие как В.С. Расторгуева, А.А. Керимова, Д.Т. Таджиев, А.З. Розенфельд, С.Д. Арзуманов, Б.С. Сиёев.

Б.С. Сиёев модальными глаголами в таджикском языке называет группу глаголов, которые своим лексическим значением не обозначают ни действие, ни состояние, а лишь выражают модальные отношения говорящего к совершению действия основного глагола [71, 88].

Следует отметить, что он также рассматривает модальный глагол, который выражает «возможность совершения действия наряду с модальным глаголом *тавонистан*, но в рассматриваемых примерах не было выявлено его использование». Это объясняется исторически.

В современном таджикском языке традиционно модальные глаголы разделены по грамматическим свойствам на две группы:

1. Группа спрягаемых модальных глаголов, к которым примыкают глаголы *тавонистан* и *хостан*.

2. Группа неспрягаемых модальных глаголов, к которым относятся модальные глаголы *шоистан* и *боистан*.

Предметом споров являются, во-первых, разногласия между таджикскими лингвистами о модальном глаголе *хостан* и, во-вторых, о синтаксических функциях модальных глаголов *шоистан* и *боистан*.

Проблеме перевода модальных глаголов с таджикского языка на английский, в том или ином аспекте, были затронуты М.Г. Шахобовой и Н.С. Носировой.

В современном английском языке к группе модальных глаголов относятся глаголы **can, will, may, must, should, need, ought, to have** и **to be**. В

отличие от таджикского языка модальные глаголы в английском языке исследованы многими лингвистами, такими как Б. Странг, Й. Хакутани, И. Б. Хлебникова, З. К. Долгополова, Т. А. Барабаш, Е. А. Зверева, Е. И. Беляева.

Спорность модальных глаголов в английском языке заключается в принадлежности глаголов к этой группе. По данному поводу существуют различные мнения, так как учеными выявлено разные количества глаголов, принадлежащих к этой группе. Например, Б. Странг исключает из этой группы глаголы **to dare** и **need** [96, 144], И. Б. Хлебникова - формы **shall** и **will** [83, 55-56].

Другие исследователи, напротив, пополняют эту группу. В. Дайвер вводит глагол **to do** [171, 330-331], Г.А. Вейхман - **to want** со значением долженствования [16, 36], З. К. Долгополова - глаголы **to have** и **to be** [38, 76]. Й. Хакутани насчитывает 19 модальных глаголов, включая в их число такие глаголы и сочетания, как **used to**, **had better**, **had best**, **to be going to**, **to be about to** [172, 13], Т. А. Барабаш - 10 модальных глаголов, включая их модальные эквиваленты [5, 96].

В современном английском языке первая отличительная особенность заключается в том, что число модальных глаголов превышает число модальных глаголов в современном таджикском языке. Однако, как известно, лексические выражения одного языка имеют свое отображение разными грамматическими средствами в ином языке.

Общая характеристика модальных глаголов сводятся к тому, что они являются модальными по значению, служебными по функции, недостаточными по форме, и в системе глагола они занимают промежуточное положение между полнозначными (смысловыми) и служебными глаголами.

В лингвистике модальные слова рассматриваются как особая лексико-грамматическая категория. Им присущи морфологические, синтаксические, семантические и стилистические признаки.

Как отмечает академик В.В. Виноградов, «возникновение и развитие модальных слов связано с утратой основного первоначального конкретного

лексического значения, приобретением ими с течением времени разнообразных смысловых модальных оттенков: возможности, невозможности, сомнения, достоверности и др. Модальные единицы в речи занимают одно из специфических мест для выражения категории модальности» [18, 87].

В.В. Виноградов в своей работе «О категории модальности и модальных словах», сократил число выделенных ранее разрядов до 4-х основных групп, и предложил следующие по семантике группы модальных единиц:

а) выражающие разные оттенки отношения высказываемой мысли к действительности, её достоверности, несомненности, истинности. Например: *верно, бесспорно, действительно, правда, несомненно* и т.д.

б) обозначающие стиль речи, её экспрессию, источник. Например: *по словам кого-нибудь, по слухам, по мнению кого-нибудь;*

в) определяющие чувства, переживание. Например: *к сожалению, к огорчению* и т.д.;

г) вводные синтагмы, выражающие оценку сообщаемого факта с точки зрения общих категорий: *счастья, несчастья, беды* и т.д. [18, 41-42].

В учебниках по грамматике русского языка (для вузов) мы видим некоторое расхождение взглядов относительно семантической стороны модальных слов. Так, Е.М. Галкина-Федорук, К.В. Горшкова и Н.М. Шанский модальных единиц делят по семантическим значениям на две группы:

а) обозначающее значение уверенности, несомненности («**конечно - Of course - албатта, верно - right - дурут, несомненно - бешак, бешубха undoubtedly, действительно - indeed - ҳақиқатан, безусловно - мутлақо, безусловно - surely, разумеется - ҳатман - certainly, правда true, факт fact**»);

б) обозначающее значение возможности и предположения (**по-видимому, вероятно, наверное, кажется, видимо**). В эту же группу включены фразеологические единицы типа: **по всей вероятности –**

эхтимולי қавї меравад, ки – in all probability, должно быть – бояд - probably, может быть – шояд - may be и т.п. [20, 381-382].

А.Н. Гвоздев отмечает, что модальные слова состоят из четырех групп:

а) модальные слова логического характера, выражающие порядок и взаимоотношения мыслей, их логическую связь (**во-первых-аввалан-firstly, во-вторых-дуюм-secondly, наконец-ниҳоят, дар охир-at last, итак-нас, инак-well, следовательно-бинобар ин-so, вообще-умуман-overall, главное-муҳим-main thing, наоборот-баръакс-conversely, кстати-зимнан-incidentally, впрочем-бо вуҷуди он-though**);

б) модальные слова, выражающие степень уверенности говорящего в достоверности сообщения (**очевидно-аз афти кор-obviously, верно-дуруст-right, по-видимому-зоҳиран-presumably, безусловно-беғуфтуғу-certainly, конечно-албатта-of course**);

в) модальные слова, выражающие оценку, связанную с волевым и эмоциональным отношением — колебание, удовлетворенность, надежда, опасение (**авось – эҳтимол - perhaps, что ли – чизе - that, право - ҳақ - right, так сказать - инхел гӯем - so to speak, видать - фаҳмидан - see, признаться – эътироф - recognize, буквально - айнан - literally, разумеется – ҳатман - naturally**);

г) модальные слова, выражающие побуждение собеседника к тому, чтобы вызвать у него то или иное отношение к сообщению (**извините-мебахшед-excuse me, знаете ли-оё медонед-do you know, понимаешь-мефаҳмед-do you see, видите ли-оё медонед-if you please и др.**) [23, 409-412].

Основываясь на «Русскую грамматику», мы рассмотрим вначале две основные семантические группы, которые по своим лексико-грамматическим свойствам имеют различные модальные значения:

- модальность уверенности, достоверности (**действительно - воқеан - really, правда - ба ростӣ - true, конечно - бешубҳа - of course, верно - дуруст -**

right, безусловно - *мутлақо* - certainly, несомненно - *бешиак* - undoubtedly ...);

- модальность неуверенности, предположения (*возможно* - *ба қадри имкон* - perhaps, вероятно - *эхтимол* - probably, наверное – *шояд* – may be, *яқин*, видно - *аз афташ* - it is seen, видимо – *зоҳиран*, apparently, кажется - *зўё*, *мисле* - it seems, по-видимому - *аз афти кор* - evidently, может быть - *мумкин аст* – may be, предположим - *фарз кардан* - suppose).

Например:

- Действительно, погода сегодня способствовала длительной прогулке [222, 168]. – *Дар ҳақиқат, имрӯз ҳаво айнан барои сайру гашти дарозмуддат буд.* - Actually, today the weather promoted a long trip [перевод информантов].

- Конечно, раз обещала вовремя прийти, то приду [222, 170]. – *Албатта, агар дар вақташ ҳозир шуданро ваъда додам, нас меоям.* - Of course, if I promised to come in time, I will come [перевод информантов].

- Правда, море было очень теплое и приятное [215, 284]. – *Рост, оби баҳр нарм ва фораи буд.* - In fact, the sea was very warm and pleasant [перевод информантов].

В этих предложениях выражено модальное значение уверенности. Автор высказывания уверен в своем сообщении.

Модальные слова, допустим-*фарз кунем* - suppose, кажется - *ба назарам* - seems, вероятно – *мумкин* - likely, видимо – *зўё* - apparently, может быть – *шояд* - may be, предположим – *тахминан* - guess обозначают возможную недостоверность сведения.

Например: - Предположим, по прогнозу завтра будет снег, тогда обязательно поедим на лыжню [230, 284]. - *Тахминан, аз рӯи боду ҳаво пагоҳ барф меборад, онгоҳ ҳатман ба лижаронӣ меравем.* - Let's suppose by forecast it will snow tomorrow, then we go to ski by all means [перевод информантов].

- Кажется, эти люди говорили, что их деревня славится мастерицами вышивания [236, 126]. *Ба назарам, ин одамон мегуфтанд, ки деҳаи онҳо бо гулдӯзиҳои моҳирашон машхуранд.* It seems, these people said, that their village is famous for mistresses of needlework [перевод информантов].

- Может быть, на охоту они ходили, но где же дичь, обещанная к ужину [231, 184]. *Шояд онҳо ба шикор рафтанд, лекин сайди шикоршудаи ба хӯроки бегоҳирӯзӣ ваъдашуда қучост.* – May be they went hunting, but where is a fowl promised for a supper [перевод информантов].

- Допустим, что вы сказали неправду, но он же поверил вам [237, 69]. - *Фарз кунем, шумо ҳақиқатро нагуфтед, вале ӯ ба шумо бовар кард.* – Let's suppose that you told false, but he just believed you [перевод информантов].

- Видимо, вы по-прежнему сильны в естественной истории [235, 88]. - *Аз афташ, шумо мисли пештара дар таърихи ҳақиқӣ доноед.* - Evidently you are good at natural history as before [перевод информантов].

Все эти предложения основаны на модальности предположения, содержат сомнения в сказанном. Они говорят о том, что сообщаемое может быть реальным, но автор высказывания не уверен в этом.

Модальные слова также выражают экспрессивно-эмоциональные оттенки значения (чувства, переживания, эмоции, экспрессию говорящего). Они относятся к модальным словам логического характера.

Например: - *К сожалению, Фрау Леноре не совсем здоровилось: она страдала мигренью* [239, 485]. - *Мутаассифона, Фрау Леноре на он қадар хубанд: вай аз дарди нимсара азоб мекашид.* Unfortunately, Frau Lenore wasn't quite well: she suffered from migraine [перевод информантов].

- *К огорчению, я должен немедленно уехать* [239, 549]. - *Аламовараш, ман бояд дарҳол биравам.* - Unfortunately, I have to leave immediately [перевод информантов].

В этих предложениях модальные слова, *к сожалению, к огорчению* выражают сомнение автора высказывания, он не уверен в реальной действительности своего предположения.

Если же сообщение передаётся от 3-го лица или оно основано на слухах, то употребляются модальные слова *по слухам, по преданию* и т.п.

Например: *По преданию, это озеро имело таинственную историю. - По слухам, здесь обитали русалки, которые только ночью выходили из воды и исполняли свои песни и танцы. [236, 94]. - Мувофиқи ривоятҳо, ин кӯл сирри таърихӣ дошт. Аз рӯи шунида, дар ин ҷо парихоӣ обӣ зиндагӣ мекардаанд, ки танҳо шабона аз об мебаромадаанд ва суруду мусиқии худашонро иҷро мекардаанд. - Due to the story this lake had mysterious history. - From hearsay here lived mermaids who came out the water only at night and sang and danced [перевод информантов].*

В этих предложениях слова *по преданию, по слухам* выражают субъективно-модальное значение, которое передается автором от третьего лица. Говорящий как бы не решает признаться свои слова правдивым отражением действительности или единственно возможной формой выражения передаваемой мысли.

Модальные слова *к счастью, к радости, к удивлению*, и т.п. выражают эмоциональное отношение говорящего к фактам действительности.

Например: *К счастью, Калинич был человек очень добродушный и разговорчивый [237, 68]. - Хушбахтона, Калинич як шахси хеле нармдил ва чакчақӣ буд. - Fortunately, Kalinich was a very good-natured and communicable person [перевод информантов].*

- *К удивлению, болото оказалось не таким и страшным, как нам о нём рассказывали [236, 134]. Ҳаяҷоновар аст, ки ботлоқ ҷуноне, ки ба мо мегуфтанд на онқадар дахшатангез буд - To our surprise a swamp wasn't so fearful, as told us about it [перевод информантов].*

Модальные слова, *впрочем, кстати, в частности* и т.п. выражают значение пояснение ограничения.

Например: *А впрочем, я заболтался с вами, задержал вас, - прибавил он, вставая с места* [230, 126]. - *Бо вуцуди он, ман лақида мондам, шуморо андармон кардам, - илова кард ӯ, аз чояш хестан баробар.* - *By the way, I talked away and kept you - added he, standing up from his seat*[перевод информантов].

Бывает, что определить семантику модального слова можно только в контексте высказывания.

Ср.: *Письмо, которое должно было прийти на прошлой неделе, задержалось* [225, 344]. – *Мактубе, ки бояд ҳафтаи гузашта омада расад, таваққуф шудааст.* - *The letter that had to come last week kept back* [перевод информантов]. Возможно, такая задержка имеет веские причины [225, 345]. - *Шояд, чунин таваққуф сабабҳои асоснок дошта бошад.* - *Probably such retardation has valid reasons* [перевод информантов]. - *Возможно, вы ожидали, что сегодня будет плохая погода, что и случилось на самом деле* [230, 174]. - *Шояд, шумо имрӯз интизор доштед, ки обу ҳаво бад хоҳад шуд, ки воқеан рӯй дод.* - *Probably, you expected today would be bad weather just as happened as a matter of fact*[перевод информантов].

В первом предложении мы наблюдаем субъективно-модальное значение неуверенного предположения о реальности высказывания с едва заметным оттенком вероятности. Во втором - в контексте фразы содержится указание на модальность уверенного предположения.

Модальное значение убеждённости высказываниям придают фразеологические обороты, *по всей вероятности, по всей видимости.*

Например: - *По всей вероятности, он был удивлён таким поступком своего друга* [239, 294]. *Эҳтимоли кулӣ дорад, ки ӯ аз ин рафтори дусташ дар ҳаяҷон буд.* - *Most likely, he was surprised by such behavior of his friend* [перевод информантов].

- *По всей видимости, ожидается долгая и холодная зима, и не мешало бы заранее запастись дровами* [230, 293]. – *Аз афташ, зимистони дароз ва хунук интизор аст, ва захираи пешакии ҳезум зарар намерасонд. By all appearances a long and cold winter is expected and it should better to reserve firewood in advance* [перевод информантов].

В этих предложениях автор высказывания выражает высокую степень достоверности предположения, основанную на конкретных знаниях ситуации, о которых идет речь.

Модальные слова, *пожалуй, наверное, похоже*, выражают неуверенность, сомнение автора высказывания в реалистичности факта или явления. **Например:**

- *Пожалуй, Вера Павловна была очень расстроена вчерашним разговором, что даже не вышла утром к завтраку* [231, 197]. - *Мумкин, Вера Павловна аз сӯҳбати дирӯза хеле хафа шуда буд, ки ҳатто субҳ ба субҳона наомад. - Perhaps, Vera Pavlovna was very disappointed at yesterday's talk, that she not even for breakfast in the morning* [перевод информантов].

- *Странное поведение Герасима сразу бросалось в глаза домочадцев, наверное, его что-то очень сильно волновало* [231, 294]. *Рафтори ачиби Герасим дарҳол ба чашми аҳли хонавода расид, шояд, ӯро чизе хело хавотир мекард. - Gerasim's strange behavior immediately hit the eyes of household, probably something disturbed him very hard* [перевод информантов].

- *Похоже, он часто наведовался к Анне Павловне, раз его долгое отсутствие было так заметно* [239, 386]. - *Ба назар чунин мерасад, ки вай зуд-зуд ба аёдати Анна Павловна мерафтаст, ки, набудани тӯлонии вай чунон маълум буд. - It seems he often visited Anna Pavlovna, if his long absence was so visibly* [перевод информантов].

Как мы удостоверились из анализа текстов, вводно-модальные слова имеют множество оттенков субъективно-модальных значений: досто-

верность, возможность, невозможность, сомнение, предположение и т. д. Они отражают отношение автора высказывания к сообщаемой информации. Часто сам автор как бы следит за ситуацией со стороны, являясь, по существу, ее интерпретатором. То есть он выражает свое отношение, свой взгляд, свое мнение к высказываемой им речи.

Теперь рассмотрим, какие модальные слова используются при выражении субъективной модальности в современном таджикском языке.

Группа модальных слов в современном таджикском языке претерпела существенные изменения, разнообразна по своему лексическому составу и этимологической характеристике. Данное обстоятельство связано с тем, что «к числу модальных единиц относятся не только слова и частицы, но и некоторые словосочетания, функционально сближающиеся с вводными элементами» [80, 25-55].

Следует отметить, что модальные слова являются лишь одним из средств выражения категории модальности в речи. Они выступают, как правило, в сочетании с другими средствами. Но, к сожалению, эта проблема в таджикском языкознании в целом остается еще мало изученной.

Как мы отметили в первой главе, средства выражения субъективно-модальных значений в таджикском языкознании подробно исследовал А.Х. Халилов. Он разделил модальные слова по семантическому признаку и функциям на следующие группы:

1. Модальные слова, выражающие **уверенность** говорящего по отношению к содержанию своего высказывания – *албатта (конечно), ҳатман (обязательно), рост, (правда), зимнан, ҳақ, алҳақ, дуруст, ҳамин тавр (правильно, верно), хайр, майлаш, розӣ, маъкул, бигзор (ладно, хорошо, согласен), ҳақиқатан, дар ҳақиқат (действительно, на самом деле), бешубҳа (несомненно), хуб, хуш (хорошо), аз афти кор (очевидно)* и др.

Например: - Ман, *ба ростӣ*, фикр мекардам, ки ту дуруст мегӯӣ [238, 58]. - Я, *правда*, думал, что ты говоришь правду. - *I really thought that you tell the truth* [перевод информантов].

- *Ҳақиқатан* ин гапҳо дуруст баромаданд [222, 89]. - *Действительно*, эти слова оказались правдой. - *Actually, these words turned up true* [перевод информантов].

- Дар ин хусус, *бечуну чаро*, ту ҳақ ҳастӣ [222,76]. - По этому вопросу ты, *безусловно*, прав. - *In this matter, you are absolutely right* [перевод информантов].

- *Албатта*, мо ин масъаларо баррасӣ хоҳем кард. [218, 47]. - *Безусловно*, мы обсудим этот вопрос. - *Undoubtedly we'll discuss this issue* [перевод информантов].

2. Модальные единицы (слова и словосочетания), выражающие сомнение, предположение или неуверенность в сообщении говорящего – *зӯё* (как будто), *бояд*, *мебоист*, *боист* (должно быть), *зоҳиран*, *тахминан* (предположительно), *мабодо*, *одатан*, *рафту*, *раваду*, *эхтимол* (может быть, возможно), *шояд*, *шояд ки* (вероятно), *аз афташ* (по-видимому), *мумкин аст* (пожалуй) и др.

Например:

- *Шояд* ҳаво имрӯз андаке хуб шавад [238, 59]. - *Может быть*, сегодня погода будет немного лучше. - *May be, today the weather will be little better* [перевод информантов].

- *Аз афти кор*, меҳмонон имрӯз ҳам ин ҷо мемонанд [218, 23]. - *Вероятно*, гости и сегодня остаются здесь. – *Probably, the guests stay here today as well* [перевод информантов].

- Ту чунон гап мезани, ки *зӯё* аз воқеа пурра хабар дорӣ [238, 56]. - Ты говоришь так, *будто* полностью знаешь ситуацию. - *You say so, as if know the situation completely* [перевод информантов].

3. Модальные слова, выражающие согласие, одобрение или удовлетворение говорящего по отношению высказанной собеседником

мысли: *хайр, майлаш, хуб* (хорошо), *хӯш, дуруст, рост, ҳақ*, (правда), *маълум аст* (ясно).

Например: - *Рости гап*, ман имрӯз хам омада наметавонам [218, 67].
- *Если честно, я и сегодня не могу приехать.* - *To tell the truth I can't come even today* [перевод информантов].

- *Хуб, майлаш*, хамин хел ичро кунӣ хам мешавад [206, 57]. -
Хорошо, ладно, можешь выполнять и таким образом. - *Well, all right, you can do even this way* [перевод информантов].

4. Модальные слова, выражающие удивление, изумление или недоумение говорящего по отношению к высказыванию: *ачаб, ачабо, во ачабо, алҳазар, тавба, ё тавба* (удивительно, странно).

Например: - *Ачабо*, ин чи кори кардаат [238, 18]. - *Удивительно, что это за дела?* - *Strangely, what kind of matter is this?* [перевод информантов].

- *Во ачабо*, боз хамин коратро такрор карди. [206, 132]. - *Странно, ты опять повторил свой поступок.* - *Curiously, you repented you action again.* [перевод информантов]

5. Модальные слова, выражающие сожаление говорящего: *афсус, ҳайф, дарезо* (к сожалению).

Например: - *Афсӯс*, аз ту умедам чунин набуд [218, 67]. - *Очень жаль, я от тебя этого не ожидал.* - *It's a pity, I didn't look forward it from you* [перевод информантов].

- *Ҳайф*, ки аз Шумо барин одами хуб сухани бад садо дод. [238, 48]. -
Увы, это плохое слово прозвучало из уст такого человека как вы. - *Sorry, such person like you said this bad word* [перевод информантов].

6. Модальные единицы, выражающие последовательность мыслей и их взаимоотношение, или же, иначе говоря, разные виды лексического или экспрессивного отношения последующей мысли к предшествующему сообщению: *инак, хамин хел* (итак), *нас* (наконец), *оқибат* (в итоге), *охир, ниҳоят, алалхусус* (особенно) и словосочетания *ҳамин тавр* (таким образом), *ба хамин тариқ* (таким способом) и т.д., которые носят

обобщающий характер. Например: - *Инак*, биёед ҳамроҳ хурсанди кунем [211, 122]. - *Итак*, давайте будем радоваться вместе. - *So, let's be glad together* [перевод информантов].

- *Нуҳоят*, мехмонон ҳам омаданд. [238, 20]. - *Наконец*, и гости подошли. - *Finally the guests also came* [перевод информантов].

Ман, алалхусус, аз омадани шумо шод шудам [218, 43]. - *Я, особенно*, радовался вашему приезду. - *Epecially, I was glad your arrival* [перевод информантов].

7. Модальные слова, которые выражают значение завершенности или исходности действия, или события: *вассалом*, *тамом*, *бас* (вот и всё), *халос* (только и всего), *кифоя* (достаточно) и др.

Например: - Танҳо аз ин кор хабар дорам, *халос* [238, 13]. - Только об этом знаю, *всё*. - *I know only something about it, that's all* [перевод информантов]. - Пас сухан кӯтоҳ бояд, *вассалом* [235, 232]. - Этим сказанием поставим точку, *всё*. - *Let's finish by this word, that's all* [перевод информантов].

8. Модальные слова, выражающие эмоциональное отношение говорящего к высказываемой мысли: *хайрият*, *хушбахтона*, *некбахтона*, *шукр* (*шукрона*), *шодиёна* (к счастью), *ҳарчи* (как хорошо), *мутаассифона* (к сожалению).

Например: - *Хушбахтона*, имрӯз ҳама чамъ омаданд [218, 56]. - *К счастью*, сегодня все в сборе. - *Fortunately all are assemble today* [перевод информантов].

- *Мутаассифона*, кори ба нақша гирифтаамон ичро нагардид [204,123]. - *К сожалению*, запланированная нами работа не выполнялась. - *Unfortunately our planned work didn't carry out*[перевод информантов].

9. Модальные единицы, употребляемые для выражения высказываемой мысли, имеющей заключающий модальный оттенок: *хулоса* (короче), *хуллас*, *хулласи калом* (двумя словами - *in two words*), *дар натиҷа* (итак

so), *рости гап* (если честно - to tell the truth, to be honest), *қисса қутоқ* (короче говоря - in short) и др.

Например: - *Рости гап*, фурсат наёфтам, ки ин корро ба анчом расонам [218, 47]. - *Если честно*, у меня не было времени для завершения этой работы. - *To tell the truth*, I hadn't time to complete this work [перевод информантов].

- *Хулласи калом*, бо азобу укубат ба манзил расидем [206, 124]. - *Одним словом*, с трудом добрались до дома. - *In one word*, we hardly got home [перевод информантов].

- *Қисса қутоқ*, раис маро ноумед гардонид. [238, 34]. - *Короче говоря*, председатель меня не поддержал. - *In short*, the chairmen didn't support me [перевод информантов].

10. Модальные слова и словосочетания, которые употребляются говорящим при субъективной внезапности воспоминания о ком или о чём-либо: *воқеан* (в действительности, на самом деле - in fact), *дар воқеъ* (кстати - by the way), *масодуфан* (случайно - by chance), *иттифоқан* (внезапно, случайно, вопреки ожиданиям - suddenly, by accident, contrary to expectations) и др.

Например: - *Дар воқеъ*, имрӯз рузи таваллуди бародарам аст [218, 47]. - *Кстати*, сегодня день рождения моего брата. - *By the way*, today is my brother's birthday [перевод информантов].

- *Иттифоқан*, хамсояхо омаданду, ва мо якчоя корро ба сомон расонидем [206, 129]. - *Внезапно* появились соседи, и мы вместе закончили работу. - *Suddenly* appeared our neighbors and we completed the work together [перевод информантов].

11. К уточняющему значению повелительного наклонения относятся следующие модальные слова и словосочетания *бифармод*, *марҳамат*, *марҳамат карда* (пожалуйста, добро пожаловать – please, welcome), *хоҳишмандам* (Прошу вас! - Pray!), *ба чашим* (с удовольствием – with pleasure).

Например: - *Марҳамат, биёед дӯстам, шуморо нигаронам* [224, 83].
- *Добро пожаловать, друг мой, ждал вас.* – *Welcome, my friend, I was waiting for you* [перевод информантов].

- *Хуш омадед, қадамхоятон нури дида* [237, 32]. - *Добро пожаловать, мы рады вашему приходу.* - *Welcome, we are glad to your arrival* [перевод информантов].

Модальные слова, как средство выражения субъективной модальности, являются самой большой группой слов, как в русском, так и в таджикском языке. Модальные слова, придавая предложениям субъективно-модальные значения, обогащают речь, наполняют её оттенками и нюансами смыслов. Большинство модальных слов таджикского языка имеют аналогичные значения модальным словам русского языка.

«Модальные слова в живом процессе речи не примыкают к одним и тем же членам предложения и не служат определением или распространением слов какого-либо одного или нескольких грамматических классов. Они стоят вне связи с какими-нибудь определенными частями речи. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов» [19, 568].

Приведенные нами примеры, конечно, не могут отразить всего богатства и разнообразия значений и эмоциональных оттенков, выражаемых модальными словами совместно с интонацией и другими языковыми средствами. Они имеют очень обширный диапазон значений. Модальные слова в исследуемых языках, как по происхождению, так и по значению представляют большой научный и практический интерес. Они активно используются как в художественной литературе, так и в повседневной устной речи русского и таджикского языков.

2.3. Модальные глаголы, как средство выражения субъективной модальности

Категория модальности выражается также модальными глаголами, которые выражают отношения автора высказывания к предметам, действиям или явлениям. То есть они придают предложениям субъективно-модальные значения.

В.В. Виноградов говоря о глаголе, отмечает: «Глагольное слово с богатством и разнообразием значений сочетает богатство и разнообразие форм» [18, 428].

Модальные глаголы отличаются многообразием синтаксического функционирования в русском языке. Они используются как своеобразные синонимы морфологических средств языка, передающие разнообразные тонкие оттенки модальных значений.

К модальным глаголам русского языка относятся следующие глаголы: *хотеть, мочь, желать, полагать, намереваться, считать, думать, верить, долженствовать* и т.п.

Часто в устной и письменной речи для выражения субъективно-модального значения употребляются соединения глаголов с инфинитивом, которые выражают возможные, желаемые действия или значение предположения. Как правило, это глаголы *мочь и уметь*.

Например: - **Лев Казимирыч может жить в имени профессора** [239, 485].
Лев Казимирич метавонад дар мулки профессор зиндагӣ кунад - **Lev Kazimirch may live in professor's house** [перевод информантов].

- **Верочка могла уже побывать в усадьбе** [239, 487]. - *Вера аллакай тавонист аз амвол(қургон)дидан кард*. - **Verochka could has been already in the manor house** [перевод информантов].

В первом предложении выражено модальное значение утверждения. Во втором предложении значение предположения действия.

Модальный глагол *хотеть* выражает субъективно-модальное значение желаемости совершения действия автором речи.

- Но ведь я *хотел* только узнать его мнение, он вправе его высказать, как и любой из нас [239, 493]. Вале, ман танҳо *хостам ақидаи ӯро фаҳмам*, вай ҳуқуқи онҳоро мисли ҳар яки мо гуфтанро дорад. - *But then I wanted to know only his opinion, he may say it, as any of us as well* [перевод информантов].

Глагол *предполагать* выражает субъективно-модальное значение предположения.

Например:

- Учёные *предполагают*, что некоторые планеты заселены разумными существами. – Олимон *тахмин доранд*, ки баъзе сайёраҳо бо мавҷудотҳои оқилона офарида шудааст. - *Scientists guess that some planets are inhabited by intelligent beings.*

Модальные глаголы *считать*, *думать*, *верить* выражают уверенную достоверность высказывания:

- Теперь я *считаю* такое возможным [231, 207]. - Акнун ман *фикр мекунам*, ки ин имконпазир аст. - *Now I think it's possible* [перевод информантов].

- *Думаю*, что на этот раз ты сделал правильный выбор [231, 213]. - *Фикр мекунам*, ки ин дафъа шумо интихоби дуруст кардед. - *I think, this time you made a right choice* [перевод информантов].

- *Я верю*, что пришельцы хотят иметь контакт с землянами [237, 79]. - Ман *бовар дорам*, ки муҳочирон мехоҳанд, ки бо аҳолии заминиҳо алоқа дошта бошанд. - *I believe, that aliens want to be in contact with earthmen* [перевод информантов].

В этих предложениях глаголы, выражая модальное значение, приобретают новое лексическое значение, по существу, утрачивая свой первоначальный семантический смысл. Например, в сочетании с инфинитивом модальный глагол в значении *долженствовать* выражает высокую степень вероятности, когда автор высказывания не до конца уверен

в факте или явлении, приведенном в предложении. Причем, независимо от времени происходящего действия, высказанного в предложении.

Например: - Если мы решили вместе готовиться к экзамену, то *должны* заготовить необходимыми учебниками [разг. речь]. - Агар мо қарор додем якҷоя барои имтиҳон омода шавем, онгоҳ *бояд* бо китобҳои зарурӣ таъмин бошем. - If we decided to get ready for exams together, then we *have to* provide ourselves with necessary textbooks [перевод информантов].

- Студенты *должны* были прийти на встречу в девять часов [237, 68]. – Донишҷӯён *бояд* соати нӯҳ ба вохӯрӣ меомаданд. - The students *had to* come to the meeting at nine o'clock [перевод информантов].

В этих предложениях авторы высказываний выражают необходимость совершения действия. Степень вероятности совершения действий достаточно высока, а степень сомнения мала.

Близкими по своей семантике к выражению субъективной модальности предположения, являются глаголы *намереваться, пытаться*.

Например: - Солдат *пытался* что-то объяснить командиру, но шум проходящей колонны машин заглушал все звуки [239, 406]. - Сарбоз *кӯшиш* кард, ки чизе ба командир фаҳмонад, вале садои гурӯҳи нақлиёти гузаштаистода ҳамаи садоро мебурид. - A soldier *tried to* explain something his commander, but the noise of passing car column silenced all sounds [перевод информантов].

- Из толпы было выступил местный крестьянин, он *намеревался* восстановить правду-истину [239, 485]. – Аз байни мардум деҳқони маҳаллӣ баромад мекард, ӯ *мехост* ҳақиқатро барқарор кунад. A local peasant spoke out from the crowd, he *intended to* restore the truth [перевод информантов].

Итак, мы можем сказать, что в современном русском языке используются модальные глаголы в сочетании с инфинитивом, выражающие: - возможность (невозможность);

- способность (неспособность);
- намерение (стремление);
- долженствование (необходимость).

Однако следует отметить, что функции и семантике этих языковых конструкций посвящено незначительное количество научных работ, в основном данная тематика рассматривается частично в фундаментальных трудах по общей проблеме функционально-семантического поля, выражающего субъективную модальность.

Также рассмотрим модальные глаголы таджикского языка. Модальные глаголы в таджикском языке очень употребительны и устойчивы. Они обладают основными признаками, свойственными словам, входящим в активный состав лексики, располагают морфологическими формами других глаголов. Вместе с тем эти глаголы не выражают действия или состояния, а лишь указывают на отношение субъекта к действию. Они обычно употребляются в сочетании с другими основными глаголами и образуют вместе с ними единые члены предложения, выражая бесспорность, возможность, вероятность, желание, необходимость и т.п.

В таджикском языкознании изучением модальных глаголов занимались многие известные учёные, такие как С.Д. Арзуманов, М.Т. Джабборова, П.Д. Джамшедов, В.С. Расторгуева А.З. Розенфельд, Б.С. Сиёев, Халилов А. и другие.

Б.С. Сиёев к модальным глаголам относит «группу глаголов, которые своим лексическим значением не обозначают ни действие, ни состояние, а лишь выражают модальные отношения говорящего к совершению действия основного глагола» [71, 88].

В «Грамматике современного таджикского языка» [31, 85] отмечается, что в современном таджикском языке, в основном, четыре модальных глагола: *тавонистан, хостан, боистан, шоистан*.

Модальные глаголы таджикского языка, как по времени совершаемого действия, так и по смысловым модальным оттенкам

являются очень многозначными. Например, глагол *тавонистан* (мочь) выражает следующие значения:

а) уверенность в завершении действия: **Ғайр аз он, мо дар он вақт наваду нух фоизи заминро бо трактор ҳай карда метавонем** [241, 112]. - Кроме того, мы за это время *сможем* вспахать трактором девяносто девять процентов земли. **In addition, during this time we will be able to plow the tractor ninety-nine percent of the land** [перевод информантов];

б) сомнение, неуверенность говорящего: **“Аз ўҳдааш баромада метавониста бошам-мӣ, рафиқ полковник?”** [225, 76]. – “Смогу ли я справиться с этим, товарищ полковник?” **"Will I be able to manage this, Comrade Colonel?"** [перевод информантов]"

Подобная многозначность данной единицы также присуща и остальным модальным глаголам таджикского языка: *хостан, боистан* (бояд), *шоистан* (шояд).

Модальные глаголы таджикского языка, как и русского языка, в сочетании с основными глаголами образуют сложное модальное сказуемое и являются как бы служебной частью при основном глаголе.

Глагол *шояд* (шоистан) в сочетании с основным глаголом выражает предположение возможности совершения какого-либо действия в следующих значениях: оно может совершиться, а может и не совершиться.

Глагол *шояд* придаёт предложению различные оттенки значения, присущие основному глаголу в прошедшем, настоящем или будущем времени. Он находится в пропозиции к основному глаголу и его значение определяется и конкретизируется этим же глаголом.

Например: - **Шояд вай бисёр хаста шудааст, ки ба вохӯрӣ наомад?** [237, 71] – **Может быть, он очень устал, что не пришёл на встречу.** - **Probably, he was very tired, that didn't come to meeting** [перевод информантов].

- **Шояд, ту хайрон шавӣ, ки ин қадар кори калонро ман дар муҳлати кутоҳ ба охир расонидам**[237, 71]. – **Может быть, ты**

удивишься, как я с такой большой работой справился в короткий срок. ***Probably you will be astonished, how I could manage with such big work in a short time*** [перевод информантов].

В данных примерах выражена возможность действий, но авторы высказываний не уверены в реальности их осуществления, они только предполагают.

В высказывании с глаголом *шояд* также возможен упрек или замечание.

Например: - ***Воқеан, шояд худат баромад мекунӣ?*** [237, 78]. – ***Возможно, ты сам выступишь?*** - ***May be you make a speech yourself?*** [перевод информантов].

В данном примере выражено субъективно-модальное значение неудовлетворённости автора речи реализацией действия основного глагола. Глагол *шояд* в сочетании с основным глаголом может передавать оттенок сетования или сожаления в связи с тем, что не произошло то действие, которое могло бы совершиться.

Например: - ***Ту шояд ваъдаи додагиатро фаромӯш кардай*** [237, 81]. - ***Ты, возможно, забыл своё обещание.*** - ***You probably forgot your promise*** [перевод информантов].

В выражении может содержаться конкретное предложение или совет в тех случаях, когда автор фразы намеревается совершить то или иное действие, например: - ***Фикр мекунам, ки ин ҳамон одамест, ки шояд ба мо ёрӣ расонад*** [237, 85]. - ***Думаю, что это именно тот человек, который, возможно, нам поможет.*** - ***I think this is the very same man who probably helps us*** [перевод информантов].

Шояд как модальный глагол в разных сочетаниях с основным глаголом передает различные степени предположения и сомнения, формируя значение категории субъективной модальности в предложении.

Конструкции с модальным глаголом *боистан* (*бояд, мебоист*) грамматически выражают в предложении значение необходимости совершения действия и предположения с высокой степенью уверенности.

Например: - *Ту вазифадор ҳастӣ, ки бояд бо вай доимо якҷо бошӣ.* [237, 89]. - Ты обязан и должен быть всегда вместе с ним. - *You owl and always have to be together with him* [перевод информантов].

- *Ҳафтаи оянда Шумо бояд ба Душанбе равед.* [238, 41]. - На следующей неделе Вы должны поехать в Душанбе. - *Next week you have to go to Dushanbe* [перевод информантов].

- *Ман бояд ба назди устодам равам.* [238, 44]. - Я должен пойти к своему наставнику. - *I have to go to my mentor* [перевод информантов].

В этих предложениях глагол *бояд* выражает высокую степень уверенности автора в совершении действия.

Модальный глагол *боистан* не спрягается в сочетании с основным глаголом в предложении. Этот глагол по своей функции в глагольных конструкциях не является глаголом-модификатором. Грамматические категории лица и числа глагола *боистан* в сочетании с основным глаголом выделяется окончаниями *-ам, -ӣ, -ад, -ем, -ед, -анд* в основном глаголе.

Глагол *тавонистан* выражает субъективно-модальное значение возможности/невозможности, а в контексте – различные оттенки модальных значений: умение, разрешение, объективная возможность, сомнение, невозможность, запрещение, малая степень вероятности, невероятность.

Парадигма модального глагола *тавонистан* охватывает неспрягаемые и спрягаемые формы в системе таджикского глагола. Неспрягаемые формы - это непредикативная форма подсистемы глагола, то есть формы инфинитива и причастия.

Модальный глагол *тавонистан* в форме причастия, в данном предложении выражает модальное значение умения.

Например: - *Дар замони ҳозира бо чанд забон сухан карданро тавонистан бисёр зарур аст* [237, 31]. – В современном мире необходимо

уметь говорить на нескольких языках. - **It is necessary to know to speak several languages in modern world** [перевод информантов].

В данном предложении, глагол *тавонистан* употребляется в отрицательной форме и выражает значение запрещения действия:

- *Ту имрӯз ба кор рафта наметавонӣ* (разг. речь). - **Ты сегодня не можешь пойти на работу.** - **You can't go to work today** [перевод информантов].

В следующем предложении глагол *тавонистан* выражает сомнение говорящего по отношению к осуществлению действия основного глагола. Данные конструкции употребляются обычно в вопросительных предложениях:

- *Оё духтур ба ин савол ҷавоб дода метавонад?* (разг. речь). – **Разве врач может ответить на этот вопрос?** - **Can the doctor really answer this question?** [перевод информантов].

Итак, модальный глагол *тавонистан* в функциональном отношении является служебным, так как он не обозначает само действие, а выражает лишь отношение субъекта речи к высказыванию (субъективно-модальное значение), лексически не является полнозначным глаголом, синтаксически образует модальное составное сказуемое.

Глагол *хостан* (*хотеть*) в грамматических конструкциях выражает модальное значение возможности совершения действия основного глагола, основанного на волеизъявлении говорящего. Этот глагол своим лексическим значением выражает разные оттенки значения: согласие, готовность, решимость, упорство, просьбу, намерение, желание. Но необходимо отметить, что модальный глагол *хостан* в семантическом плане является более полнозначным.

Например: *Ман ба ватан баргаиштан мехоҳам.* (разг. речь). - **Я хочу вернуться на родину.** - **I want to return to my native place** [перевод информантов].

- *Дугонаамро имрӯз хеле дидан хостам.* (разг. речь). – **Сегодня очень хотела повидаться с подругой. I was very eager to see my friend today** [перевод информантов].

В данных предложениях говорящий выражает сильное желание к совершению действия основного глагола.

Твердая решимость - когда говорящий выражает свою категоричность к осуществлению действия основного глагола: - *Ман имрӯз хостам ба аёдати бемор равам* (разг. речь). – **Я сегодня хотел навестить больного. - Today I wanted to go to see a patient** [перевод информантов].

В русском, таджикском и английском языках выявлены идентичные свойства модальных глаголов, как средств выражения субъективно-модальных значений. Модальные глаголы отличаются от обычных глаголов тем, что они не выражают конкретные действия, но содержат значения необходимости, уверенности, достоверности, возможности, вероятности, сомнения, желательности действия. Также модальные глаголы создают в речи интонационный фон, при помощи которых выражается эмоциональное состояние автора высказывания.

2.4. Фразеологизмы, как средство выражения субъективной модальности

Модальные значения в русском языке могут выражаться и в виде фразеологических словосочетаний, идиом. Модальные фразеологизмы относятся к одним из важнейших средств оформления категории модальности в русском языке.

Виноградов В.В. в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» отмечает: «Всё шире и шире в категорию модальности вовлекаются целые фразеологические сочетания, фразеологические единства и фразеологические сращения. Эти фразеологические выражения являются лексикализованными словосоче-

таниями, компоненты которых после сращения отходят от своих основных лексических значений и приобретают в целом новые модальные оттенки. Состав таких фразеологических единиц очень разнообразен, соотносится со всеми частями речи, как самостоятельными, так и служебными словами: *кстати сказать, собственно говоря, может быть, должно быть* и т.д.» [18, 576 с.].

Модальные фразеологизмы по своей структуре схожи со структурой лексического значения модальных слов - вводных единиц и междометий. Они могут выражать эмоциональное отношение говорящего к высказыванию (огорчение, удивление, радость, восхищение, печаль, досаду, негодование и пр.). Например, модальный фразеологизм «**к счастью**» выражает субъективно-модальное значение радости, облегчения. Это положительное отношение говорящего: - **Но, к счастью, никто его не заметил.** [240, 68]. – *Вале, хушбахтона касе ўро надид.* - **And fortunately, nobody saw him** [перевод информантов].

- **И оказалось, что он, к счастью, ещё не ушёл** [207, 44]. *Маълум шуд, ки хушбахтона вай ҳоло нарафта будааст.* - **It turned out, fortunately he didn't go yet** [перевод информантов].

Модальный фразеологизм, *чёрт возьми*, выражает недовольство, возмущение. Это отрицательное отношение говорящего к своему высказыванию.

- **Так зачем же ты, черт возьми, с советом лезешь, ежели забыл?** [246, 185]. - *Пас, чаро ту, сабил монад бо маслиҳатҳои худ мудохила мекуни, гарчанде фаромӯш кардам?* - **So why the hell do you climb with advice, when've forgot?** [перевод информантов].

- **Кому мы, чёрт их возьми, помогли выиграть войну своими боками!** [239, 388]. – *Ба кихо, бало занад, голиби чанг омаданро, кӯмак кардем!* - **Whom we, damn them have helped to win the war with our sides!** [перевод информантов].

По семантике модальные фразеологизмы, выражающие эмоциональные отношения говорящего, можно разделить на две группы:

- модальные фразеологизмы, выражающие положительное отношение говорящего к высказыванию (радость; восхищение; удовольствие; восторг; удовлетворение; гордость; успокоение; торжество; облегчение и пр.)

- модальные фразеологизмы, выражающие отрицательное отношение говорящего к высказыванию (сожаление; досада; огорчение; возмущение; гнев; упрек; укор; негодование; пренебрежение; злоба; раздражение; недоумение и т.д.).

К первой группе относятся следующие фразеологизмы: к радости; **Боже мой - Худои ман** (с учетом многозначности); **слава Богу - шукри Аллох - thanks Allah**; к счастью - **хушбахтона - fortunately**; на счастье - **ба омади кор - for luck**; к (моему, нашему...) удовольствию; **вот это да! - ана ин гапи дигар - blimey**; **вот то-то же! – худи худаш - that's the same**; **знай наших! - худихоро шинос! - know ours**; **ишь ведь! - эха! - after all, наход!**; **ну и ну!-ачиб - well well**; **подумать только! - инро бинанд! just think about it!** (с учетом контекста); **Бог в помощь! - Аллох мададгор - Allah help you!**; **Бог милостив-Аллох мехрубонаст - Allah is merciful**; **жить можно-зистан мумкин - you can live**; **лиха беда начало; слава тебе, Господи - шукри худат, Аллохи мехрубон - glory to you Alloh**; **милое дело-кори хуб - nice thing** и др.

Ко второй группе относятся следующие фразеологизмы: к (великой, моей) досаде-бо таассуф - **to (great, my) chagrin**; к несчастью - **бадбахтона - unfortunately**; к сожалению - **афсӯс - unfortunately**; **вот ведь досада - ин озурдагист - that is annoyance**; к (великому, моему) ужасу - **ба (бузургии) дахшат - to (my great) horror**; **как на беду - чӣ гуна душворӣ - how to trouble**; ко всеобщему неодобрению - **ба эътирофи умум - to general disapproval**; **не твоего ума дело – кори ту набошад - not your mind business**; **только этого не хватало - танҳо ин кофӣ набуд, хамин намерасид - only it was not enough**; **вот еще – ана боз -tut-tut!**; **еще чего! -**

fuff! – боз чї!; к черту! черт бы (его, её, их) побрал - бало (вая, ўро, онхоро) занад; - **to hell! the devil (him, her, them) took;** черт возьми, черт с (ним, ней, вами) – бало ба пасаш- **hell with (he, her, you);** так тебе (им, ему) и надо – ана хаминт тавр, сазовори ин хасти - **so you (him, him) need;** ну его к черту - хуб ба чаханнам - **well to hell;** как на грех – гунохкор шуда - **how to sin** и др.

Фразеологическая единица с компонентом *Бог* несет в себе не только положительную окраску предложения, но и отрицательную. Например, фразеологизмы **Слава Богу, Боже мой!** имеют несколько модальных значений: - *Худоба шукр, шукри Худо* - **Thanks God, - Худои ман!, ё Аллоҳ!** - **Oh my God!**

- **А как мне надо было вас видеть... Боже мой, как у меня теперь сердце бьётся...** – выражение радости и облегчения. [210, 233]. - *Ваҳ чї гуна ман бояд туро медидам ... Худои ман, чї гуна дили ман ҳоло метанад ...* - **And how I had to see you ... Oh my God, how my heart is beating now...** [перевод информантов].

- **Боже мой, какая мука!** – выражение боли и отчаяния. [230, 43]. - *Худои ман, чї азобест!* – **Oh my God, what a torment!** [перевод информантов].

Фразеологизмы, выражающие субъективно-модальные отношения, также могут иметь следующие значения: уверенность, неуверенность, предположение, сомнение, согласие и т.д.

К ним относятся следующие фразеологизмы: **без (вне) (всякого) сомнения-бе ягон шубҳа** - **without (outside) (any) doubt;** **Бог даст** - **Аллоҳ медиҳад** - **Allah will give;** **Бог есть** - **Аллоҳ аст** - **Allah exists;** **Бог (его, её, их) знает** – **Аллоҳ (ўро, вайро, онхоро) медонад** - **Allah (him, her, them) knows;** **вряд ли** - **гумон аст** - **hardly;** **в (на) самом деле** - **дар асл** - **in (actually);** **должно быть** – **бояд** - **should be;** **ей Богу** - **Худо якто** – **by God;** **ещё бы!-албатта;** **ещё как!-чунон, ки** - **and how!;** **как видно-аз афташ** - **as seen;** **казалось бы** – **барин** - **it would seem that;** **кто знает** - **ки медонад** -

who knows; клянусь честью-касам ба чо нам - *by my faith!*; (а) как же (иначе) - чихел (дар акси хол) - *how else*); конечное дело - кори охирон; может быть – мумкин – *may be*; накажи меня Бог - Худои ман чазоям дех - *punish me God*; надо (так) думать - бояд фикрашро кард - *need to (so) think*; не правда ли - хаминтавр не; по существу - дар хақиқат - *essentially*; (судя) по всему - аз афти кор - *all appearances*; честное слово - бовар кунед - *honestly*; ясное дело-фаҳмо, возех - *of course* .

Например: - Это, без всякого сомнения, самая лучшая школа [236, 88] – значение уверенности. - *Ин, бе ягон шубҳа, беҳтарин мактаб аст.* - **This is without any doubt the best school** [перевод информантов].

- А как же иначе, наши-то в степи ночуют, несладко им... [246, 79] – значение согласия. – *Боз чӣ гуна буда метавонад, моён шабона дар даштҳо мегузаронем, барои онҳо осон нест...* **How could it be otherwise, we spend the night in the steppes, it is not easy for them...** [перевод информантов].

- Черта с два! - протестовал Михаил Аверьяныч. - Это изумительный город! [246, 599] – значение несогласия. - *Сабил монад! Михаил Аверианч эътироф кард.* - **Hell no! - Mikhail Averyanych protested** [перевод информантов].

Необходимо отметить, что свойство модальных фразеологизмов выражать разнообразный круг модальных оценок и отношений определяется тем, что в реализации их содержательной структуры исключительно важную роль играют интонационное оформление, языковой контекст, ситуация речи. Модальные фразеологизмы самый большой класс, выступающий как средство выражения субъективно-модальных значений в русском языке. Можно приводить бесконечно примеров с различными оттенками модальных значений. Это отдельная большая исследуемая проблема. Мы в своей работе попытались частично исследовать данную тему, раскрыв основные значения модальных фразеологизмов.

В таджикском языке фразеологические единицы также могут выражать субъективно-модальные значения. Фразеологические единицы, которые

употребляются в речи как тождественные отдельным словам, являются для таджикского языка традиционными. Они имеют глубоко исторический характер. Эти устойчивые словосочетания очень широко используются в современном таджикском литературном языке.

Например: идиоматическое выражение *аз ду сар*, которое после сращения перешло в неделимую фразеологическую единицу, имеет несколько синонимичных значений: *безусловно, конечно, обязательно, разумеется, непременно, неизбежно* и т.д.

К модальным фразеологическим единицам таджикского языка можно отнести: *ба таври ин* (наверняка, определенно), *аз афти кор* (по-видимому, вероятно), *дар омади гап* (кстати), *бе чуну чаро* (несомненно), *ин тавр бошад* (раз так), *рости гап* (по правде говоря), *бо вучуди ин (он)* (несмотря на это), *хуш, ки бошад* (таким образом), *эхтимол дорад* (возможно; вряд, ли; навряд, ли; может быть), *хулласи калом* (следовательно), *қисса кутох* (короче говоря) и т.д.

По структуре эту категорию модальных фразеологических единиц можно разделить на две основные группы: а) фразеологические единицы изафетной конструкции; б) фразеологические единицы конструкции примыкания, глагольные и предложные сочетания [191, 8-17].

«Модально-фразеологические единицы с изафетной формой в таджикском языке представлены следующей конструкцией: определяемое слово с постпозитивным определением. Имена, существительные и прилагательные соединенные изафетом, представляют собой в предложении синтагму, объединенную единством выхода и отделенную от других слов паузой. Определительное изафетное сочетание фактически получает в предложении такое же синтаксическое оформление, как отдельное слово, поскольку все служебные элементы выносятся за его пределы и относятся к нему в целом, как к единице неделимой» [72, 85]. Следовательно, эти изафетные словосочетания, превратившись в неделимую фразеологическую единицу, приобретают модальную функцию: *аз афти кор* (по-видимому,

вероятно), *ба назари ман* (на мой взгляд), *рости гап* (правда, на самом деле) и др.

Например: - *Аз афти кор одамон дар майдон бесабаб чамъ наомадаанд* [238, 59]. - По всей видимости, люди собрались на площади не просто так. - **By all appearances, people gathered in the square not just like that** [перевод информантов].

- *Маҷлис, ба ақидаи ман, тезу тунд гузаист* [218, 17]. - Собрание, на мой взгляд, прошло бурно и напряженно. - **In my opinion the meeting was loudly and tensely** [перевод информантов].

В этих предложениях автор речи выражает уверенность высказывания. Модально-фразеологические единицы конструкции примыкание, глагольные и предложные сочетания – это соединение двух или более знаменательных слов конструкцией примыкания или порядком слов, вместе с относящимися к ним служебными словами или без них, которые выражают единое понятие. Неделимые компоненты этой конструкции являются неотъемлемой частью этих идиоматических единиц. К ним можно отнести такие фразеологические единицы, как *қисса қутоҳ* (короче говоря), *хуш ки бошад* (таким образом), *эхтимол дорад* (возможно, вряд ли, навряд ли, может быть), *аз ду сар, бе шубҳа, бе гумон, бе шак, бе шакку шубҳа* (обязательно, несомненно, бесспорно), *ба ҳамин тариқ* (таким образом), *бе чуну чаро* (безоговорочно, без разговоров, без возражений), *ин хел (тавр) бошад* (если так) и т.д., которые выражают в предложении различные субъективно-модальные значения.

Например: - *Бешубҳа, писарак аз хонандагони пешқадами мактаб хисоб меёбад* [238, 11]. - Безусловно, мальчик является преуспевающим учеником. - **By all means, the boy is a successful pupil** [перевод информантов].

- *Бе чуну чаро мо ба ин масъала равшани меандозем* [238, 44]. - Без всяких сомнений мы внесём ясность в данный вопрос. **Without a doubt, we will clarify this issue** [перевод информантов].

В этих предложениях также выражены субъективно-модальные значения утверждения. Автор речи уверен в своих высказываниях.

Модальные слова *хӯш*, *хӯш ки бошад* (*так, итак, если так*), *ана*, *ана халос* (*ну и ну, вот тебе на*), *ана чи тавр* (*вот как*), *ана аз ҳамин сабаб* (*вот по этой причине*), *ана гапу мана гап* (*вот тебе и раз*) и т.д. встречаются в составе фразеологических словосочетаний, где являются неотъемлемой частью этих единиц. Они выражают субъективно-модальные значения согласия, удивления, негодования.

Например: - *Хӯш ки бошад, шумо мазмуни китоби хондаатонро нақл кунед* [219, 65]. - **Итак, расскажите нам содержание прочитанной вами книги.** - **So, tell us the content of the book you've read** [перевод информантов].

- *Ана халос, ман гуфтам-ку аз ин одам кори хуб намебарояд* [219, 68]. - **Вот тебе на, я же говорил, что от этого человека нечего хорошего ждать.** - **Here you are on, I told you that there is nothing good to expect from this person** [перевод информантов].

- *Ана чи тавр одамон метавонанд якдигарро фиреб диҳанд!* [219, 71]. - **Вот как люди могут обманывать друг друга!** - **That's how the people can fool each other!** [перевод информантов].

Фразеологические единицы, как эквиваленты слов, носят часто синонимический характер по отношению к другим модальным единицам. Они раскрывают национальную специфику языка, его самобытность. Они отражают богатый исторический опыт народа, его культуру и быт.

2.5. Частицы, как средство выражения субъективной модальности

Модальные частицы играют ведущую роль в определении субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках. Являясь служебными словами, они в основном, используются в устной речи и выражают различные оттенки значений: уверенность, неуверенность, предположение, вероятность или иллюзорное представление о предмете речи

со стороны автора. К ним относятся: **да, именно, точно, как раз, ровно, чуть не** (выражающие уверенность высказывания); **как бы, как будто, словно бы, если бы, поди, типа, никак** и т.п. (выражающие неуверенность высказывания).

Изучив учебную и научную литературу по данной теме, мы убедились, что, как в русском, английском, так и в таджикском языкознании, единого мнения о составе модальных частиц, количества их разрядов не существует. Это объясняется широким диапазоном значений модальных частиц.

В работе «Основы русской грамматики» И.П. Распопов и А.М. Ломов подразделяют частицы на два основных разряда. Это «частицы с рациональной семантикой (т.е. выражающие разного рода смысловые оттенки) и частицы с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой (т.е. выражающие оценку говорящего своему высказыванию, чувства и настроения говорящего)» [163, 243]. Эти учёные делят модальные частицы на следующие группы, которые в таджикском языке имеют свои эквиваленты:

- указательные частицы **вон, это, вот** – (*ин, он, ҳамин, ҳамон*);
- определительные частицы **именно, точно, просто, как раз, почти, ровно, чуть не** – (*айнан, аниқ, ҳамтур, қариб, маҳз, қариб ки*);
- выделительно-ограничительные **только, лишь, хоть, все**; (*ҳамағӣ, ақаллан, фақат, ҳама*);
- усилительные **ведь, даже, же** – (*охир, ҳам, ку*);

Среди частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой можно выделить:

- утвердительные - **да, так, ага** – (*ҳа, бале, оре*);
- отрицательные - **не, ни, нет** – (*не, на, ҳаргиз на*);
- вопросительные - **ли, неужели, разве** – (*наход, оё, магар*);
- побудительные - **ну, давай, пусть** – (*хӯш, бигзор*);
- модально-оценочные – **авось; вряд, ли; едва, ли; будто; словно** – (*гӯё; гӯё, ки; гумон аст, ки; ҳеч не, ки*);

- восклицательные - **ведь, ну и, страсть, как, что за – (охир, монед э, инчи, ки).**

Рассмотрим несколько примеров:

- **Даже родные стены могут поддержать человека в трудную минуту [219, 72]. - *Ҳатто дару девори хона инсонро дар лаҳзаҳои душвор дастгирӣ менамоянд.* - Even native home can support a person in a hard time [перевод информантов].**

- **Вон там находится наш дом [219, 81]. - *Ана, хӯ дар он ҷо хонаи мо ҷойгир аст.* - Our house is over there [перевод информантов].**

- **Именно так и выглядит это здание [219, 82]. - *Маҳз ҳамин тавр бино ба назар менамояд.* - This building is quite so [перевод информантов].**

- **Ведь он нас предупреждал, а мы не послушали его [231, 43]. - *Охир вай моро огоҳ карда буд, аммо ўро гӯш накардем.* - You know he warned us, and we didn't obey him [перевод информантов].**

- **Так, об этом мы с вами не говорили [239, 498]. - *Хӯш, мо дар ин хусус бо ҳам гап назада будем.* - So we didn't talk to you about it [перевод информантов].**

В этих предложениях использованы частицы с рациональной семантикой, которые сообщают предложению констатацию факта и нейтрального к нему отношения. Автор речи с помощью модальных частиц актуализирует своё высказывание, вносит уточнение в суть сообщения.

Употребление частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной окраской придают предложению совсем другую тональность.

Например: - **Да, фильм оставил у меня незабываемые впечатления [236, 186]. - *Бале, филм ба ман таассуроти хуб боқӣ гузошт.* - Well, the film made unforgettable impressions on me [перевод информантов].**

- **Нет, этим маршрутом вы не доедете до университета [237, 75]. - *Не, бо ин хатсайр шумо ба донишгоҳ рафта наметавонед.* - No, you can't reach the university by this route [перевод информантов].**

- Ну и пусть будет нелегким моё задание [236, 196]. - *Биззор, супориши ман осон набошад.* - **Let my task be difficult** [перевод информантов].

Использование в речи частиц с модальной и эмоционально-экспрессивной семантикой позволяют автору высказывания выразить свои чувства, дать оценку своему сообщению, отразить степень уверенности, предположения или сомнения.

В.В. Виноградов в своей работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» отмечает, что «в класс редуцированных слов-частиц включается ряд устойчивых фразеологических оборотов, фразовых единств и сращений» [18, 83].

Как мы уже убедились, семантика модальных частиц широка и разнообразна. Частицы не только придают предложению модальные оттенки, но и могут менять его суть и смысл. Например, утвердительное предложение, в котором отражен реальный факт, при употреблении модальной частицы может принять значение сомнения. Сравним: - **Я завтра предоставляю доклад на конференцию** [237, 73]. - *Пагоҳ ман маърузаамро ба конференсия пешниҳод мекунам.* - **Tomorrow I'll present a report for a conference** [перевод информантов].

- Едва, ли я успею завтра предоставить доклад на конференцию. [237, 77]. - *Эҳтимол аст, ки пагоҳ ман маърузаамро ба конференсия пешниҳод карда метавонам.* - **I have hardly time tomorrow to present a report for a conference** [перевод информантов].

В лингвистике довольно долго существовало мнение, что частицы не обладают лексическим значением. Затем было решено, что они все-таки обладают таким значением, так как придают предложению новый или дополнительный смысл. Эту проблему исследовал А.И. Смирницкий в работе «Лексическое и грамматическое в слове» следующим образом: «Частицы - это слова, имеющие определенное лексическое и грамматическое значение, но качественно отличающиеся от «автосемантических» частей речи, которые

имеют предметно-вещественную и понятийную соотнесенность с миром объективной действительности, которой лишены частицы». Семантика слов делится на две части: особую, принадлежащую данному слову, и общую, принадлежащую всему данному разряду слов и проявляющуюся в каждом отдельном слове, как некая «категориальная» оболочка. «У частиц категориальное значение преобладает над индивидуально-смысловым, создавая впечатление об отсутствии у частиц собственных лексических значений. Но это не так, лексическое значение, хотя и довольно специфическое, у частиц все же имеется» [166, 52-53].

Модальные частицы в сравниваемых языках способны существенно влиять на контекст высказывания, подчеркивать его значимость. Модальными частицами в таджикском языке также выступают «*оё, магар, танҳо, ҳатто, айнан*».

Например: - *Магар мо ин ҷашнро чунин нешбинӣ карда будем?* [221, 285]. - **Разве так мы представляли этот праздник? - Did we imagine this holiday** [перевод информантов].

- *Ман ҳам айнан чунин рафтор мекардам.* [221, 296]. - **Точно так же поступил бы и я. - I'd do it just the same way** [перевод информантов].

- *Ҳатто дар торикӣ ҳайвон метавонад роҳширо ёбад.* [221, 302]. - **Даже в темноте животные способны ориентироваться. - Even in darkness animals are able to orientate** [перевод информантов].

Использованные в данных предложениях модальные частицы придают предложениям различные субъективно-модальные значения: удивления, утверждения, предположения и т.п.

В русском, таджикском и английском языках модальные частицы не только подчеркивают семантику высказывания, но и участвуют в формировании структуры. При этом они выражают эмоциональную окраску высказывания. Некоторые из этих частиц употребляются только в разговорной речи. Например, **авось (шояд)**:

- **Авось, и на этот раз все получится** (разг. речь). - *Шояд ин дафъа хам кораи барор гирад.* - *May be it will turn out well this time* [перевод информантов].

- **Человек всегда надеется на авось: вдруг надежды оправдаются** (разг. речь). - *Инсон ҳамеша умед ба таваккал мекунад: шояд тақдир ўро дастгирӣ намояд.* - *A man always hopes for the best: may be the trusts come true* [перевод информантов].

Частица *авось* (*шояд, таваккалан*) придаёт предложению значения предположения, свидетельствует о желании наступления развязки события и др.

Вообще в разговорной речи часто употребляются модальные частицы, выражающие различные степени модальности предположения. Если в русском языке это «**ладно, что уж там, подишь ты**», то в таджикском языке эту функцию выполняют: *бас э, бас будагист, вая бину, чӣ ҷои сухан, э раве* и пр.

- **Да ладно тебе наговаривать-то** [231, 202]. - *Бас будагист, ин қадар гап задӣ.* - *Alright to have a good talk to you* [перевод информантов].

- **Что уж там, это было давно** [231, 237]. - *Чӣ ҷои сухан, ин воқеа кайҳо шуда гузашта буд.* - *What's the object, it was long ago* [перевод информантов].

Частица *будто* (*гӯё*) в разговорной речи в трех языках выражает значение от неуверенности до сомнения: - **Сидишь, будто воды в рот набрал.** (разг. речь) – *Нишастӣ, гӯё ба даҳонат об гирифта боӣ.* - *You sit like water in your mouth* [перевод информантов].

Аналогичными в сравниваемых языках являются частица **как бы** и *мабодо ку, нашавад ки* более свойственные устной, а не письменной речи, но употребляемые в художественной литературе: - **Как бы чего не случилось.** [240, 92]. – *Мабодо, ягон воқеа рӯх надихад.* - *No matter what happened* [перевод информантов].

- Приближающаяся гроза как бы не напугала её [240, 94]. – *Нашавад, ки раъду барқи наздикмешуда ўро тарсонад.* - **No matter how coming thunderstorm frighten her** [перевод информантов].

В русском, таджикском и английском языках частица *ли* и частицы *магар, оё* в сочетании с другими членами предложения способны передать значения неуверенности и сомнительности: - **Не ты, ли предложил мне участвовать в этом деле?** [230, 109]. - *Магар ту нагуфта будӣ, ки ба ин кор даст занам.* - **Weren't you offered to take part in this deal?** [перевод информантов].

- **Знаешь, ли мне вовсе не хочется ехать в такую даль** [207, 194]. - *Оё медонӣ, ки ман умуман ҳавсалаи роҳи дур рафтавро надорам.* - **You know, I don't want at all to go to such far distance** [перевод информантов].

В русском, таджикском и английском языках модальная частица, *небось (эхтимол, аз афташ, шояд)* употребляется в речи для усиления высказывания, которое может иметь вопросительный или предположительный характер:

- **Небось, ты думал, что я забуду о нашем прошлом** [233, 94]. - *Аз афташ, ту хаёл кардӣ, ки ман гузаштаамонро фаромӯш мекунам.* - **Obviously, you thought that I forget about our past** [перевод информантов].

Модальные частицы не способны к самостоятельному словообразованию. В отличие от других служебных слов, модальные частицы не имеют каких-либо конкретных значений, поэтому они не являются членами предложения. А также их не следует сравнивать с другими служебными словами в связи с тем, что модальные частицы не выполняют связывающую функцию между частями предложения.

Итак, проделанный сравнительный анализ практического материала с целью определения средств выражения субъективной модальности, в данном случае с помощью частиц русского, таджикского и английского языков, убедили нас, что модальные частицы играют важную роль в оформлении предложений, придавая сообщению различные оттенки значений. Они

позволяют автору высказывания выразить свои чувства, дать оценку своему сообщению, отразить степень уверенности, предположения или сомнения, внести эмоциональную окраску речи.

2.6. Союзы, как средство выражения субъективной модальности

Союзы в сравниваемых языках являются важным средством выражения субъективной модальности. В «Русской грамматике» описываются несколько способов выражения субъективной модальности с помощью союзов.

Например, при соединении двух одинаковых форм одного и того же слова с помощью союза «и» высказывание приобретает субъективно-модальное значение:

а) значение обыкновенности, обычности: Он солгал нам. Только ложь она и ложь. Все равно выйдет наружу [232, 74]. - *Ў ба мо дурӯғ гуфт. Танҳо дурӯғ, дурӯғ аст. Ҳамеша берун меояд.* - He lied to us. Only a lie it's a lie. Anyway come out [перевод информантов].

б) выражается значение согласия, принятия, допущения: «Глупость сказал, говорит, ты! Ну, сказал и сказал. Что теперь?» [232, 176]. - *Сафсата гуфтӣ, мегӯяд ту! Хуб, гуфтамки гуфтам. Ҳоло чӣ мешавад?* - Stupidity said, says you! Well, said and said. Now what? [перевод информантов].

в) при вопросительно-относительных предложениях выражают значение множественности при мыслимом перечислении: Стал рассказывать всем, где и где он меня искал столько времени [239, 382]. - *Вай ба ҳама муддати тӯлонӣ маро ҳар ҷое, чӣ қадаре, ки қустуҷӯ кард, гуфтанро оғоз кард.* - He began to tell everyone where and where he was looking for me for so long [перевод информантов].

г) значение, выражающее одновременно реализующее и нереализующее состояние, действие в соединениях сказуемых: Любил и не любил. Все осталось в прошлом. Надеялся и не надеялся. Что теперь об этом говорить (разг. речь). – *Дӯст доштану, надоштан. Ҳама дар гузашта*

монд. Умед доштану надоштан. Акнун, дар ин бора чӣ гуем. - Loved and disliked. Everything is in the past. Hoped and not hoped. What now to talk about it [перевод информантов].

«Русская грамматика» рассматривает также следующие конструкции выражения субъективной модальности:

Субъективно-модальное значение безразличия, противопоставления выражают сочетание двух форм одного и того же слова с отрицанием при второй форме посредством союза *или (иль)*. Например: - *Пойдёшь или не пойдешь, дело твоё* [236, 96]. - *Меравӣ намераवӣ, корӣ ту. - You will go or won't go, that's your business. Только отвечать тоже сам будешь. Вале, чавобаширо низ худат медуҳӣ. - But you will also respond yourself. Хочешь иль не хочешь, а работать надо. Мехоҳи намехоҳи, вале бояд кор кард. - Do you want or don't want, it's necessary to work* [перевод информантов].

В предложении с союзом *чтобы* употребляются именные соединения с фразеологическим единством *на то и*, означающие предназначенность, соответствие назначению: *Друг на то и друг, чтобы помочь в трудную минуту* [236, 123]. – *Дуст барои он дуст аст, ки дар парешонҳолӣ гурад дасту дуст. - A friend is that friend who help in hard time* [перевод информантов].

Сочетание союзов *и, да, да и* с лексическим незаменяемым первым компонентом *взять*, выражающие неожиданность действия: *Возьму, да и женюсь на ней* [240, 288]. *Мегираму, ба вай оиладор мешавам. - Go and marry her. Пусть все только завидуют. – Бигзор ҳама ҳасад кунад. - Let everybody only envy. Возьми да признайся ей в этом, легче будет. – Гиру, ба вай дар ин бора иқроӣ шав, осон мешавад. - Go and confess her in this, it will be easier* [перевод информантов].

В предложениях, где имеются союзы *и, да, да и* повторы обладают разными субъективно-модальными значениями.

При повторении глаголов и глагольных имен, соединяющихся союзами **и, да** выражается значение длительности и постоянства, непрерывности.

Например: **Птицы летели и летели** [232, 76]. - *Парандагон парвоз мекарданду парвоз.* - **The birds flew and flew.** Все время говорил **да** говорил об одиночестве. *Ҳамеша дар бораи танҳоии гапзаду, гапзад.* - **All the time he spoke and spoke about loneliness** [перевод информантов].

При повторении любых слов, соединяющихся союзами **и, да, да и,** выражается субъективно-модальное значение интенсивности, полноты или исключительности.

Например: Главной чертой его характера была пунктуальность, пунктуальность **и** пунктуальность. Пристал **и** пристал: **расскажи да** **расскажи!** [236, 196]. - *Хусусияти асосии хислати ӯ сари вақт, дақиқ ва дақиқ будан буд.* *Сахт кардасту, сахт: бигӯю, бигӯ.* - **The main feature of his character was punctuality, punctuality and punctuality. She stuck and stuck: tell and tell!** [перевод информантов].

Субъективно-модальное значение категорического утверждения. Например: **Постоянно твердит одно и то же: не поеду и не поеду!** [233, 392]. - *Ҳамеша ҳамон як чизро такрор мекунад: Ман намеравам ва намеравам!* **Constantly repeats the same thing: I will not go and will not go!** [перевод информантов].

Повторы слов с союзом **да** могут выражать субъективно-модальные значения иронического, неодобрительного тона чьих-либо слов.

Например: **Бесконечно повторял: возьми да возьми, этот амулет** **сбережёт тебя от беды** [233, 408]. - *Беист такрор мекард: Гиру гир ин тумор туро аз бало наҷод медиҳад.* **He repeated endlessly: take it, this amulet will save you from trouble** [перевод информантов].

Субъективно-модальные значения выражают также сочинительные и подчинительные союзы в составе обособленных членов предложения. Например, союзы **хотя, хоть, хотя и, хотя бы, пусть, пусть и, пусть бы**

выражают оттенок значения уступительного допущения или ирреальной модальности: **Было очень сыро и холодно, хотя дождь давно уже прошёл.** [247, 84]. - *Ҳаво хеле намнок ва хунук буд, ҳарчанд борон аллакай гузашта буд.* **It was very damp and coldly, although the rain had long passed** [перевод информантов].

Модальные союзы *будто бы, как будто бы, как если бы*, а также *якобы* выражают субъективно-модальное значение неуверенности, сомнения в достоверности сообщаемых фактов: **Они бежали так быстро, как будто бы за ними гнался бес** [247, 96]. - *Онҳо чунон сахт медавиданд, ки гӯё аз насашон (дев, шайтон)иблис медавад.* **They ran as fast as if a demon was chasing them** [перевод информантов].

Союзы, *но, однако, но всё же, тем не менее*, выражают модальное значение противопоставления, ограничения: **Дорога стала намного уже, однако деревни пока не было видно** [246, 82]. - *Роҳ аллакай каме наздиктар шуд, аммо деҳа ҳанӯз намоён набуд.* - **The road has become much narrower, but the village has not yet been seen** [перевод информантов].

Сравнительные союзы *будто, точно, словно, как бы* в предложении выражают модальное значение сравнения:

- **Девушки-красавицы, будто стройные берёзки, так красиво кружились в хороводе, что глаз не оторвёшь** [246, 93]. - *Духтарони зебо, мисли тусӣ хушқаду қомат, дар самоъ, чунон зебо мечархиданд, ки чаши мҳоятонро канда наметавонед.* - **Beautiful girls, like slender birches, circled so beautifully in the dance that you could not take your eyes off** [перевод информантов].

- **Никто не замолчал, словно забыли, где находятся** [247, 103]. - *Касе хомӯш накард, гӯё дар кучо буданашонро фаромӯш карда бошанд.* - **Nobody stopped, as if they forgot where they are** [перевод информантов].

Присоединительный союз, *а*, указывает на дополнение, пояснение высказанной мысли или дает оценку сказанному. Иногда с союзом употребляется в качестве лексического конкретизатора вводное слово

«скорее»: - Встречаясь с полковником, он подчеркнуто отдавал ему честь — и смотрел куда-то в сторону с напряженным - невиноватым, а скорее бессмысленным выражением [239, 583]. - *Ҳангоми мулоқот бо полковник, ӯ ба таври самимона салом меод ва ба як тарафе, бо нигоҳи зайритабии беғуноҳӣ не, аниқтараиш бо нигоҳи бемаъно нигоҳ мекард.* - **When meeting with the colonel, he emphatically saluted him - and looked somewhere to the side with a tense - innocent, but rather a meaningless expression** [перевод информантов].

Таким образом, проведённый анализ союзов русского языка, удостоверяет нас, что союзы в предложении могут выражать разнообразные субъективно-модальные значения.

А теперь рассмотрим союзы таджикского языка, которые также могут выражать в предложении различные субъективно-модальные значения. К ним можно отнести следующие слова, которые употребляются в значении союзов: *кошки, мабодо, рафту, раваду, гӯё, гӯё ки, кани, биё, биёед, мон, монед, биззор, биззор, биззоред* и пр.

Кошки (если бы; о, если бы; добро; хоть бы) в функции союзного слова употребляется в таджикском языке, в основном, для выражения желания говорящего.

Например: - *Кошки, туро ҳар рӯз медурам* [225, 281]. – **Если, бы я каждый день видел тебя.** – **If, I saw you each day** [перевод информантов].

- *Кошки, муаллим ҷавоби маро гӯи мекард* [216, 186]. – **Хоть, бы учитель меня выслушал.** – **Though, a teacher listened me** [перевод информантов].

Слово *мабодо* употребляется в функции союза - **в случае, если**. Как модальная единица выражает в высказывании опасение в осуществлении какого-нибудь действия.

Например: *Мабодо, шумо дуруг-ку намегӯед?* [216, 89]. – **Случайно вы не лжёте?** - **Aren't you lying occasionally?** [перевод информантов].

- *Мабодо имрӯз ҳам ҳаво безеб шавад, мо корамонро қатъ мекунем* [216, 98]. - **Если погода и сегодня не улучшится, мы прекратим работу.** -

If the weather won't be better also today, we shut down [перевод информантов].

Слово *бошад* обычно употребляется в роли противительного союза: **а, же, что же касается**. В сочетании с частицей *хам* употребляется в роли усилительного союза **хотя, хотя и, хоть**. Набошад (отрицательная форма) употребляется в роли различных союзов, обычно соединяя придаточные, условные и усилительные предложения. Слово *бошад (набошад)* как модальный союз употребляется в речи для выражения подтверждения, уверенности говорящего к высказыванию.

Например: - *Шуморо бошад мо алоҳида гӯш мекунем* [237, 62]. - **Что касается Вас, то слушать будем отдельно**. - **As for you, then we will listen separately**. - *Ту набошад нагоҳ ба донишгоҳ меравӣ*. - **А ты завтра пойдёшь в университет**. - **And you tomorrow go to the university** [перевод информантов].

Как видно, *бошад* подчеркивает реальность объекта, места и времени происходящего события: - *Раваду масъала ҳал нагардад, мо метавонем ба суд муроҷиат кунем* [237, 71]. - **Если вопрос не решится, мы будем вынуждены обратиться в суд (значение предположения)**. - **If the issue won't solve, we will force to seize the court** [перевод информантов].

- *Вай аз ҳама беитар гап мезад, гӯё ки танҳо ба ӯ суҳан дода бошанд* [216, 187]. - **Он больше всех говорил, будто только ему было предоставлено слово (значение сомнения)**. - **He spoke more of all, as if only gave to him permission to speak** [перевод информантов].

Канӣ, гап занед, корҳо чӣ тур? [219, 294]. - **А ну ка, говорите, как у вас дела? (значение побуждения к действию)**. - **Well, tell me, how do you do?** [перевод информантов].

Бигзор, доимо офтоб бошад [219, 273]. - **Пусть всегда будет солнце (значение уступительного допущения)**. - **Let always be sunny** [перевод информантов].

Итак, сравнивая союзы русского, таджикского и английского языков, мы обнаружили, что оттенки модальных значений, выражаемых союзами русского и английского языков, преобладают над оттенками модальных значений союзов таджикского языка. Хотя имеется немалое количество и идентичных союзов.

Как и другие средства выражения субъективной модальности, союзы играют немаловажную роль в русском, таджикском и английском языках.

2.7. Междометия, как средство выражения субъективной модальности

Междометия являются активным элементом разговорной речи. Как нам известно, субъективная модальность может выражаться эмоционально-экспрессивными отношениями говорящего к высказыванию.

В русском языке междометия составляют большой и весьма богатый пласт слов, которые выражают чувства, эмоции, ощущения, переживания, волеизъявления, настроения человека. Они являются одним из важнейших средств выражения субъективной модальности высказывания. Эмоции бывают положительными (восторг, восхищение, радость, облегчение и др.), и отрицательными (испуг, возмущение, разочарование, сожаление, досада, упрек, недовольство, страх, печаль, неудовольствие, усталость, отказ, укор, стыд и др.)

В «Толковом словаре служебных частей речи русского языка» Т.Ф. Ефремовой насчитывается 570 междометий;

По составу междометия делятся на первообразные (непроизводные) и непервообразные (производные). Они образуются из различных частей речи.

Междометия, выражающие субъективно-модальные значения, можно классифицировать на следующие семантические группы:

- междометия, выражающие чувства и эмоции;
- междометия, выражающие оценку состояния;
- междометия, выражающие волеизъявления, побуждения;

- бранные междометия;

- звательные междометия;

Самой обширной в русском языке является группа производных междометий, выражающих чувства и эмоции: **ах, ах ты, ай, ага, ба, бррр, ой, ой; ох, тьфу, увы, уф, фу - ты, ну - ты; эх, ого, то- то.**

Они выражают восторг, испуг, возмущение, сожаление, осуждение, страх, печаль, изумление, упрек, стыд, предостережение и др.

Например:

Удивление: - **Ах, мать божия! Я не знала, что это озеро такое большое и красивое!** [210, 419]. - *Ох, Худои ман! Ман намедонистам, ки ин кӯл ингуна калон ва зебо аст!* - **Good heavens! I didn't know that this lake is so big and nice!** [перевод информантов].

- **Увы! – Ребята! – решительным тоном проговорил директор, - я удивлён вашим поступком!** [210, 424]. - *Афсӯс! - Бачаҳо! - директор бо оҳанги қатъиян гуфт: "Ман аз рафтори шумо дар ҳайратам!* - **Alas! - Guys! - the director said in a decisive tone, - I am surprised by your deed!** [перевод информантов].

Страх: - **Ох! Как вы меня напугали, братец почтеннейший! Уж как вы страшны, право!** [210, 436]. - *Ох! чиқад манро тарсондед, бародари гиромӣқадр! Ваҳ, чиқад Шумо ҳақед!* - **Oh! How you scared me, my dear brother! Oh, how terrible you are, right!** [перевод информантов].

К производным междометиям относятся: **батюшки, боже мой, батюшки мой, ну да.** Они выражают сложные эмоционально-интеллектуальные состояния человека: недовольство, удивление, досада, изумление, радость.

Например, недовольство: - **Как это некрасиво, боже мой!** [210, 472]. - *Худои ман, чиқад ин бад аст!* - **How ugly, my goodness!** [перевод информантов]. - **Ну да! Захотела и сразу пошла. А спросить нельзя?** [210, 481]. - *Хуб, ҳа! Хости дарҳол рафтӣ. Пурсидан лозим набуд?* - **Well, yes! Wanted and immediately went. And you can not ask?** [перевод информантов].

Следующие междометия выражают субъективную модальность, отражающие волеизъявления, побуждения говорящего. Это такие междометия, как: *тсс, стоп*.

Например, междометие *тсс* выражает призыв к молчанию: — *Тсс! Больная только что уснула. Желательно не беспокоить её* [239, 502]. – *Шшиш! Бемор ҳозир хобид. Хуб мешуд, ки ба вай халал намерасондед*. - *Shh! The patient had just fallen asleep. It is advisable not to disturb her* [перевод информантов].

Междометия — *вот еще, вот как, вот те, на* выражают эмоционально-волевое отношение говорящего к речи собеседника.

Наприме, отказ, удивление.

- *Вот еще! Не хватало мне до вечера ждать его прихода* [239, 524]. - *Ана боз! То бегонӣ омадани ўро интизорӣ кашидан намерасид*. - *Bah! It didn't have enough me to wait for his arrival until the evening* [перевод информантов].

- *Вот как! Я не думал, что воздушным змеем так легко управлять!* [239, 529]. - *Ҳамтӯ гӯед! Ман фикр намекардам, ки идора кардани мори ҳавоӣ инқад осон бошад!* *Here is how! I did not think that a kite was so easy to control!* [перевод информантов].

Междометие, *чёрт побери*, по значению относится к бранным выражает субъективно-модальное значение недовольствия говорящего.

Например: - *Чёрт подери, что за шум и возня за стеной? Вы дадите мне спать или нет?* [246, 381]. – *Сабил монад, ин чӣ овоз ва гавго дар берун? Шумо хобравӣ мемонед ё не?* - “*Damn it, what's the noise and fuss over the wall?*” *Will you let me sleep or not?* [перевод информантов].

Междометие *Господи, о божье, Бог мой, батюшки*, относятся к звательным междометиям выражают такие чувства и эмоции как: испуг, чувство вины, желание, удивление. *Например:* - *Господи! Когда же, наконец, я вернусь к родным* [239, 537]. – *Худои ман! Кай ман ба нази*

наздиконам бармегардам. – Oh My God! When, finally, I will return to my relatives. [перевод информантов].

- Батюшки! Эту картину вы написали? Какая красота! [231, 281]. - *Худоё! Ин манзараро шумо кашидед? Чиқад зебо!* - Lord! Did you write this picture? What a beauty! [перевод информантов].

- Бог мой! Дай мне терпения все забыть, как страшный сон. [239, 549]. - *Ё Аллоҳ! Сабрам дех, то, ки ҳамаро, мисли хоби даҳшатнок фаромӯш созам.* – Oh my God! Give me patience to forget everything, like a bad dream [перевод информантов].

Итак, субъективно-модальное значение в речи выражается множеством междометий, которые отражают отношение говорящего к высказыванию.

Следует также отметить, что одни и те же эмоциональные междометия могут выражать различные модальные значения, а одно модальное значение может быть выражено различными междометиями.

В таджикском языке междометия также выражают субъективно-модальные значения. Они выражают эмоции, волеизъявления, этикетные приветствия, пожелания. С помощью междометий говорящий выражает радость, восхищение, веселье, одобрение, восторг, удовлетворение, страх, испуг, возмущение, негодование, недовольство и т.д.

По происхождению они делятся, как и в русском языке, на производные и непроизводные.

Непроизводные междометия – это слова, которые не имеют никакого отношения ни к одной части речи и состоят из одного или двух слов. К непроизводным междометиям таджикского языка относятся следующие междометия: *э, о, эх, ух, эй, оббо, уббо, вах, вох, вай-вай, бах, вой, эхе, эха* и другие.

Например: - *О, вах! Имрӯз мо бо дустонамон ба концерт меравем!* (разг. речь). - Ух ты! Мы сегодня с друзьями пойдем на концерт! - Garn! Today we'll go to the concert with our friends [перевод информантов].

- *Баҳ-баҳ! Чӣ, тавр ин манзара зебо!* (разг. речь). - **Ой-ёй-ёй! Какая красивая природа!** - **O dear! What a beautiful nature!** [перевод информантов].

В данных предложениях выражаются эмоции радости, удовлетворение говорящего. Следует отметить, что большинство междометий имеют неопределённое значение и демонстрируют полную семантическую зависимость от контекста, они могут выражать различные эмоции говорящего.

Например: - *Ваҳ, чӣ шуд, ту ин қадар баҳаяҷон менамой?* (разг. речь). - **Ах, что случилось, ты выглядишь очень обеспокоенным?** - **Oh, what happened, you look very anxious?** [перевод информантов].

Или:

- *Ваҳ, ту ин қадар зебо шудӣ дар тан куртаи арусӣ!* [237, 80]. - **Ах, какая ты красавица в этом свадебном платье!** - **Oh how beautiful you are in this wedding dress!** [перевод информантов].

В первом предложении междометие *ваҳ* выражает обеспокоенность автора речи. Во втором предложении, наоборот, восторг. Но следует также отметить, что не все междометия могут быть многофункциональными. Некоторые междометия выражают конкретные эмоции.

Например, междометия *ҳай-ҳай* (ой-ой), *уф* (эх), *э-э* (эх), *оббо* (ну-и, ну) и другие выражают недовольство, неудовлетворённость говорящего: - *Ҳай-ҳай, духтарам, ин хел гапҳои дағал нагӯй ба вай.* (разг. речь). - **Ой-ой, дочка, не говори такие грубые слова ему.** - **Oops, my daughter, don't tell him such rude words** [перевод информантов].

- *Уф-ф, Ман боз ба қорам дер мондам.* (разг. речь). - **Эх! Я опять опоздал на работу.** - **Heh! I am late to work again** [перевод информантов].

- *Э-э-э, вай моро надида рафт.* (разг. речь). - **Эх, он нас не заметил и ушел.** - **Heh, he didn't see us and went away** [перевод информантов].

- *О-хо, гӯё ӯ низ дар он мусибат об гашту кабоб.* (разг. речь). - **Ого, как будто бы он тоже устал от этой проблемы.** - **Teez, it seems as if he was also tired from this problem** [перевод информантов].

- *Оббо, ин қадар шумо дер омадед, чашмамон чор шуд.* (разг. речь). - **Ну-и, ну, вы так поздно пришли, мы вас заждались.** - **Phew, you came so late, we got tired of waiting** [перевод информантов].

Междометия могут выражать субъективно-модальное значение радости и удовлетворения.

Например: - *Эҳе, ту писарчон, аз дидаи ман хеле калон шудаӣ!* (разг. речь). - **Ух, ты сынок, очень вырос, как я вижу!** - **Oh, you boy, grew up, as I see!** [перевод информантов].

- *«Уҳ-ух, хеле хобида мондам-ку!» – ҷавоб дод мӯйсафед, аз ҷойгаҳаш хеста.* [перевод информантов]. - *«Ишь ты, я же заснул!» – ответил старик, вставая с постели.* [246, 105]. - **“Garn, I fell asleep!” answered an old man, getting up from the bed** [перевод информантов].

- *«Эҳ-ҳа, ту каҳромон-ку!» – хурсанд шуд падар, нигарон ба писараи.* [перевод информантов]. - *«Эх, да ты же герой!» – Обрадовался отец, взглянув на сына.* [246, 173]. - **“Heh, you are a hero!”- rejoiced a father, looking at his son** [перевод информантов].

Производные междометия таджикского языка – это те слова, которые относятся к той или иной знаменательной части речи. Этот вид междометий в таджиковедении вызывает политику между лингвистами, одни из которых сомневаются в том, можно ли соотносить слова этикета, обращения к Богу в молитве и другие подобные выражения к междометиям. Тем не менее, к ним относятся следующие слова: *хуш!, офарин!, ҳай ҳай!, вой доде!, эй, тавба!, э Худо!, Худоё!, во ачабо!*

Например: - *Хуш, канӣ гап зан, ту ба чӣ мақсад омадӣ?* (разг. речь). - **Хорошо, теперь скажи мне, что ты?** - **Well, tell me now, what conclusion have you drawn?** [перевод информантов].

- *Во аҷабо, чӣ шуд, ки ту ба ман занг задӣ?* (разг. речь). - Удивительно, что случилось, что ты мне позвонил? - **Strangely, what happened that you called me?** [перевод информантов].

- *Э, Худо, ба ман мадат кун, ки ман аз ин имтиҳон гузарам!* (разг. речь). - О Боже, помоги мне пройти этот экзамен! - **Good heavens, help me to pass this exam!** [перевод информантов].

В целом междометия представляют собой результат сложных психических процессов, выражающих эмоции человека. В результате эмоции дают оценку состоянию субъекта, его отношению к своему высказыванию, то есть выражают субъективно-модальные значения.

Выводы по второй главе

Проведенное исследование по вопросу средств и способов выражения субъективно-модальных значений на лексико-грамматическом уровне позволило сделать следующие выводы:

С помощью категории наклонения в предложении выражаются отношения действия или состояния к реальной действительности, а именно: значения реальности действия, предположительности или побуждения к действию.

В условиях контекста, в сочетаниях с частицами и другими характеризующими словами, категория **изъявительного** наклонения, взаимодействуя с категорией времени, выражает субъективно-объективные модальные отношения.

Форма синтаксического **повелительного** наклонения обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо.

Общее значение **сослагательного** наклонения — значение предположения, гипотетичности действия. Формы сослагательного наклонения глагола обозначают желательное или возможное действие при каких-либо условиях или действие, в котором говорящий сомневается и только предполагает его.

Все эти значения и их оттенки устанавливаются и разграничиваются, прежде всего, на основе семантического совпадения предложения в форме наклонения с предложениями других структур, выражающими те или иные значения специализированными средствами.

В грамматике современного таджикского литературного языка выделяется 4 наклонения: изъявительное (сиғаи хабари), повелительное (сиғаи амри), условно-желательное (сиғаи шарти-хохишманди) и предположительное (сиғаи эҳтимоли).

В отличие от русского языка в таджикском языке глагол имеет семь видовременных форм.

Модальность глагола изъявительного наклонения в таджикском языке обычно зависит от того, каков характер связи между действием и его субъектом. Эта связь может быть реальной, возможной, желательной, необходимой.

В таджикском языке, как и в русском, в отдельных случаях при определенном построении предложения или при наличии специфических модальных слов и частиц в предложении, в состав которого входит глагол, имеющий одну из форм **изъявительного** наклонения, может обозначать и некоторые иные модальные оттенки с отклонением от выражения подлинной реальности действия (предположение, сомнение и т.д.).

В таджикском языке глаголы в форме повелительного наклонения выражают следующие оттенки волеизъявления: повеление, просьба, предложение, предупреждение, утешение.

Глаголы в форме сослагательного наклонения по своему модальному значению выражают предположение, сомнение, неуверенность.

Предположительное наклонение по своему модальному значению выражает предположение, сомнение, неуверенность.

Как мы убедились из анализа текстов, модальные слова русского языка имеют множество оттенков субъективно-модальных значений. Они отражают отношение автора высказывания к сообщаемой информации, выражающей

отношения высказываемой мысли к действительности, её достоверности, несомненности, истинности. Эти значения выражаются словами: **верно, бесспорно, действительно, по слухам, к сожалению, к счастью** и т.д.

Модальные слова, как особая группа функционально-семантических лексем таджикского языка, также являются очень разнообразными. Помимо различных модальных оттенков, как и в русском языке, они имеют коннотативное значение, выражают эмоциональное, экспрессивное, оценочное отношение говорящего следующими словами: *албатта, зимнан, хақиқатан, бешубҳа* и т.д.

Большая часть модальных слов русского языка идентична модальным словам таджикского языка.

Модальные слова в предложении не примыкают к одним и тем же членам предложения. Они стоят вне связи с какими-нибудь определенными частями речи. Они выражают модальность высказывания в целом или отдельных его компонентов.

Модальные слова как средство выражения субъективной модальности являются самой большой группой слов, как в русском, так и в таджикском языке.

В современном таджикском языке в составе модальных слов глагольного происхождения нет заимствованных, все они принадлежат данному языку и имеют двузначный характер: употребляются и как члены предложения (в качестве полнозначного глагола), и в качестве модальных слов.

В русском, таджикском и английском языках выявлены идентичные свойства модальных глаголов, как средств выражения субъективно-модальных значений. Модальные глаголы отличаются от обычных глаголов тем, что они не выражают конкретные действия, но содержат значения необходимости, возможности, вероятности, сомнения, желательности действия.

Как и модальные слова, фразеологизмы являются средством выражения отношения, говорящего к своему высказыванию. По семантике модальные фразеологизмы русского языка, выражающие эмоциональные отношения говорящего, можно разделить на две группы: модальные фразеологизмы, выражающие положительное отношение говорящего к высказыванию (радость; восхищение и т.д.); модальные фразеологизмы, выражающие отрицательное отношение говорящего к высказыванию (сожаление, огорчение и т.д.).

В «Фарҳанги забони тоҷикӣ» модальные фразеологизмы таджикского языка по структуре тоже разделены на две основные группы: а) фразеологические единицы изафетной конструкции (рости гап, аз афти кор); б) фразеологические единицы конструкции примыкания, глагольные и предложные сочетания (*эҳтимол дорад, хуш ки бошад*).

Анализируя модальные частицы русского, таджикского и английского языков, мы убедились, что они в большинстве случаев идентичны по своему значению. Модальные частицы играют важную роль в оформлении предложений, придавая сообщению различные оттенки значений (уверенность, предположение, сомнение), вносят эмоциональную окраску речи, способствуют лексически усиливать суть сообщения. Это мы наблюдаем в исследуемых языках.

Союзы в сравниваемых языках являются важным средством выражения субъективной модальности. Сравнивая союзы русского, таджикского и английского языков, мы обнаружили, что оттенки модальных значений, выражаемых союзами русского языка, преобладают над оттенками модальных значений союзов таджикского языка. Хотя имеется немало количество и идентичных союзов.

Междометия являются активным элементом разговорной речи. Как нам известно, субъективная модальность может выражаться эмоционально-экспрессивными отношениями говорящего к высказыванию. Следует также отметить, что одни и те же эмоциональные междометия могут выражать

различные модальные значения, а одно модальное значение может быть выражено различными междометиями.

В исследовании подтвердилось, что основным грамматическим признаком модальных единиц является их несамостоятельность при отсутствии определенной синтаксической функции. Как известно, в качестве членов предложения они выступать не могут. Но при известных обстоятельствах и в связи с предыдущим высказыванием, обычно в диалогической речи, некоторые модальные единицы, имеющие значения утверждения, соглашения, сомнения или же отрицания, могут быть употреблены в качестве отдельного самостоятельного предложения.

При сравнении средств и способов выражения субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках, мы обнаружили, что большинство из них являются идентичными, то есть различий наблюдается очень мало.

Функционально-семантическое поле субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках образует система лексических и грамматических средств разного уровня, которые объединены общим значением – оценки субъекта речи к действительности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В течение длительного времени модальность оставалась в центре внимания несмотря на большое количество работ исследователей русского, таджикского и английского языков. В настоящее время трудно найти другую категорию, которая в такой же мере характеризовалась отсутствием единого мнения по поводу её природы, характера значений, а также средств выражений. [1-А]

В нашей диссертационной работе были обобщены результаты наблюдений в области изучения субъективной модальности как функционально-семантической категории, которая характеризуется специфическим содержанием и специализированными средствами выражения: категорией наклонения, модальными словами, модальными глаголами, фразеологизмами, союзами, частицами, междометиями [2-А].

Мы также бесспорно признаем две модальности: объективную и субъективную. Объективная модальность выражает отношение содержания высказывания к действительности, субъективная - отношение говорящего к содержанию высказывания. Обязательным признаком любого высказывания считается объективная модальность, а субъективная – факультативным признаком высказывания. Так как между объективной и субъективной модальностями существует тесная связь, можно прийти к выводу, что категория модальности – это единство объективного и субъективного в сознании человека. Семантический объём субъективной модальности значительно шире объективной. [3-А]

С помощью категории наклонения в предложении выражаются отношения действия или состояния к реальной действительности, а именно: значения реальности действия, предположительности или побуждения к действию.

В таджикском языке, как в русском и английском языках, в отдельных случаях при определенном построении предложения или при наличии специфических модальных слов и частиц в предложении, в состав которого

входит глагол, имеющий одну из форм изъявительного наклонения, может обозначать и некоторые иные модальные оттенки с отклонением от выражения подлинной реальности действия (предположение, сомнение и т.д.).

Форма синтаксического **повелительного** наклонения в русском языке обозначает волеизъявление, направленное на осуществление чего-либо.

Общее значение **сослагательного** наклонения — значение предположения, гипотетичности действия. Формы сослагательного наклонения глагола обозначают желательное или возможное действие при каких-либо условиях или действие, в котором говорящий сомневается и только предполагает его.

В грамматике современного таджикского литературного языка, в отличие от русского языка, выделяется 4 наклонения: изъявительное (сиғаи хабари), повелительное (сиғаи амри), условно-желательное (сиғаи шарти-хохишманди) и предположительное (сиғаи эхтимоли). [2-А]

В отличие от русского и английского языков в таджикском языке глагол имеет семь видовременных форм.

В таджикском языке глаголы в форме повелительного наклонения выражают следующие оттенки волеизъявления: повеление, просьба, предложение, предупреждение, утешение.

Глаголы в форме сослагательного наклонения по своему модальному значению выражают предположение, сомнение, неуверенность [2-А].

Предположительное наклонение по своему модальному значению выражает предположение, сомнение, неуверенность.

Что касается семантических особенностей и типов модальных слов, то, как в русском, так и в таджикском языкознании, до сих пор не существует единой классификации модальных слов по значению. Учёные-лингвисты по-разному подходят к решению данной проблемы, выдвигая свои точки зрения по вопросам семантической характеристики модальных слов.

Теоретическое исследование данной проблемы подтверждает, что модальные слова - это лексико-грамматическая категория, охватывающая более или менее определенный разряд лексических и лексико-

фразеологических единиц, характеризующихся грамматической независимостью и выражающих субъективно-модальные значения.

Большая часть модальных слов русского языка идентична модальным словам таджикского языка: *верно (post-right)*, *бесспорно (бешубҳа-undoubtedly)*, *действительно (ҳақиқатан-really)* и т.д.

Следует также отметить, что совокупность признаков модальных слов, а именно лексическое значение, синтаксические функции и морфологическая структура, дают, по мнению целого ряда лингвистов, веские основания для выделения модальных слов в самостоятельную часть речи.

В русском, таджикском и английском языках выявлены идентичные свойства модальных глаголов, как средств выражения субъективно-модальных значений. Модальные глаголы отличаются от обычных глаголов тем, что они не выражают конкретные действия, но содержат значения необходимости, возможности, вероятности, сомнения, желательности действия. Модальные глаголы, как основное лексико-синтаксическое средство выражения модальности в исследуемых языках, характеризуют действие, выраженное инфинитивом. Система значений модальных глаголов в таджикском, русском и английском языках представлена двумя основными группами: а) модальные глаголы необходимости, б) модальные глаголы возможности. Отличительные особенности модальных глаголов в таджикском языке: они функционируют как смысловые и как модальные, они могут принимать морфемы всех времён, наклонений, лица и числа.

Модальные фразеологизмы относятся к одним из важнейших средств оформления категории модальности в русском, таджикском и английском языках. Модальные фразеологизмы по своей структуре схожи со структурой лексического значения модальных слов - вводных единиц и междометий.

Фразеологические единицы, как эквиваленты слов, носят часто синонимический характер по отношению к другим модальным единицам. Они раскрывают национальную специфику языка, его самобытность. Они отражают богатый исторический опыт народа, его культуру и быт.

Анализируя модальные частицы русского, таджикского и английского языков, мы убедились, что они в большинстве случаев идентичны по своему значению. Модальные частицы русского, таджикского и английского языков, как средство выражения категории модальности, придают предложению эмоционально-экспрессивную окраску, формируют тональность высказывания.

Функционирующие модальные единицы в таджикском языке составляют две группы: единицы именного происхождения, которые ведут свое начало от имен существительных, прилагательных, местоимений, наречий, и единицы, соотносимые с различными формами глагола.

Итак, мы выявили, что многие модальные единицы употребляются в сопоставляемых языках аналогичными способами.

Если в сопоставляемых языках нет аналогичного слова, то выражение субъективной модальности может быть осуществлено в наборе соответствующих языковых единиц, или выявлено в контексте рассматриваемого предложения.

Важным грамматическим признаком модальных единиц является их несамостоятельность, отсутствие определенной синтаксической функции. Они не могут выступать в качестве члена предложения, а употребляются в речи вне связи с его частями. Их значения и оттенки выясняются только в контексте и при интонационном выражении мысли. Смысловые оттенки модальных единиц в речи могут быть отнесены как к целому предложению, так и к отдельным его членам.

Считаем возможным утверждать, что субъективная модальность является важнейшей функционально-семантической категорией, взаимосвязанной с другими категориями в функционирующей системе сравниваемых языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

Книги

1. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков / В. Д. Аракин. - Л.: Просвещение, 1979. - 259 с.
2. Арзуманов С. Д. Забони тоҷикӣ / С. Д. Арзуманов. - Сталинабад, 1951. - 189 с.
3. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. - Л.: Просвещение, 1981. - 294 с.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / Ш. Балли. - М.: Изд-во иностр. литер, 1955. - 416 с.
5. Барабаш Т.А. Грамматика английского языка. / Т.А. Барабаш. - М.: Высшая школа, 1983. - 240 с.
6. Беляева, Е.И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках / Е.И. Беляева. — Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1985. -179 с.
7. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. - М.: Прогресс, 1974. - 447с.
8. Бондарко А. В. Функциональная грамматика / АН СССР, Науч. совет по теории сов. языкознания, Ин-т языкознания; А. В. Бондарко. - Ленинград: Наука. Ленинградское отд-ние, 1984. - 136 с.
9. Будагов Р.А. Язык Реальность / Р.А. Будагов. - Язык. - М.: Наука, 1983. - 260 с.
10. Вайсбейн И. М., Тураева З. Я. Модальные глаголы в устной речи / И.М. Вайсбейн, З.Я. Тураева. - М.: Просвещение, 1966. - 120 с.
11. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка / Н.С. Валгина. - М., Высш. школа, 1978. - 439 с.
12. Валгина Н.С. Современный русский язык: Синтаксис: Учебник. - 4-ое изд., испр. / Н.С. Валгина. - М.: Высшая школа, 2003. - 416с.;

13. Ван Валин, Р., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика / Р. Ван Валин, У. Фоли // Новое в зарубежной лингвистике. - М., 1982. вып. XI. - 391 с.
14. Ваулина С.С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке XI – XII вв. / С.С. Ваулина. - Калининград, 1990. - 378 с.
15. Вахек Й. Пражские фонологические исследования сегодня / Й. Вахек. // Пражский лингвистический кружок: сборник статей / сост., ред., авт. предисл. Н. А. Кондрашов. - М.: Прогресс, 1967. - 559 с.
16. Вейхман Г. А. Новое в английской грамматике / Г. А. Вейхман. - М.: ООО Изд-во "Астрель", 2001. - 128 с.
17. Виноградов В.В. Русский язык: Грамматическое учение о слове / В. В. Виноградов. - М.: Рус. яз., 1972. - 917 с.
18. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов // Исследования по русской грамматике: Избранные труды / под ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1975. – 560 с.
19. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Учебное пособие. — 3-е изд. / В.В. Виноградов. — М.: Высшая школа, 1986. - 639 с.
20. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.Б, Шанский Н.М. Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. - М.: Уч. педг. изд., 1958. - 411 с.
21. Галкина-Федорук, Е. М. Современный русский язык / ред. Е. М. Галкина-Федорук. - М.: Изд-во Москов. ун-та, 1964. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. - 637 с.
22. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования 5-е изд., стереотип / И.Р. Гальперин. — М.: Ком Книга, 2007. — 144 с. — (Лингвистическое наследие XX века).
23. Гвоздев А. Н. Очерки по стилистике русского языка / А. Н. Гвоздев. - М., Изд-во АПН РСФСР, 1952. - 336 стр. (рекомендовалось в

- программах по русскому языку для пединститутов); изд. 2, М., Учпедгиз, 1955. - 463 стр.
24. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык / А. Н. Гвоздев. Ч. 2. Синтаксис. М., 1958; 2-е изд., перераб. и доп. М., 1961; 3-е изд. М., 1968; 4-е изд. М., 1973.
25. Гогошидзе В. Д. Сравнительная типология английского и родного языков / В. Д. Гогошидзе. - Душанбе, 1988. - 43 с.
26. Гордон Е. М., Крылова И. П. Модальность в современном английском языке. Пособие по употреблению модальных глаголов и форм, обозначающих нереальность М.: Междунар. отношения, 1968. - 135 с.
27. Горшкова К. В. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. - М.: Высшая школа, 1981, - 359 с.
28. Грамматикаи забони ҳозираи тоҷик. Қисми 1. Душанбе: Дониш, 1985. - 462 с.
29. Грамматикаи забони ҳозираи тоҷик. Қисми 11. Душанбе: Дониш, 1986. - 373 с.
30. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик. Дар 3 ҷилд. Ҷилди 1: Фонетика ва морфология. / ... Ҳайати таҳририя: Ниёзмухаммадов Б. Н., Ниёзӣ Ш. Н. ва Тоҷиев Д. Т. — Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1956. — 232 с.
31. Грамматикаи забони адабии ҳозираи тоҷик (барои мактабҳои олии). — Душанбе: Дониш, 1985. - 385 с.
32. Грамматикаи забони тоҷикӣ. Қисми 1: Фонетика ва морфология. Китоби дарсӣ барои мактабҳои олии / Муаллифон: Арзуманов С. Д., Каримов Ҳ., Неменова Р. Л., Ниёзӣ Ш. Н., Ниёзмухаммадов Б. Н., Розенфельд А. З., Тоҷиев Д. Т., Фозилов М., Ҷ. Эдельман. Ҳайати таҳририя: Ниёзмухаммадов Б. Н., Ниёзӣ Ш. Н. ва Тоҷиев Д. Т. — Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1956. — 232 с.
33. Грамматика современного русского языка. Под редакцией Н. Ю. Шведовой - М.: Наука, 1970. - 767 с.

34. Грамматика русского языка. Том 2. Часть 1. Синтаксис. Словосочетание. Предложение. Виноградов В.В., Истрина Е.С. (редакторы). — М.: Издательство Академии наук СССР, 1960.
35. Джамшедов П. Очерки по сопоставительной типологии английского и таджикского языков / Джамшедов П. - Душанбе. 1988. - 126 с.
36. Дмитровская М.А. Логический анализ языка / М.А. Дмитровская // Знание и мнение. - М.: Наука, 1988. — 127 с.
37. Добронецкая Э. Г. Грамматические трудности английского языка: Учеб. -метод. пособие / Э. Г. Добронецкая. - Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1986. – 117 с.
38. Долгополова З. К. Модальные глаголы в английском языке / З.К. Долгополова. - М., 1961. - 86 с.
39. Долгополова З.К. Модальные глаголы в английском языке / З.К. Долгополова. Моск. гос. пед. ин-т им. В.И. Ленина. - М., 1962. - 85 с.
40. Зайнуллин М.В. Модальность как функционально-семантическая категория / М.В. Зайнуллин. Саратов: Изд-во Саратовск. ун-та, 1986. - 124 с.
41. Зверева Е. А. Модальные глаголы в английском языке / Е.А. Зверева, О.Н. Труевцева, Н.С. Щукарева. - Л.: Наука, 1967. - 240 с.
42. Зверева Е.А. Научная речь и модальность. (Система английского глагола) / Е. А. Зверева - Л.: Наука, Ленинградск. отд-ние, 1983. -159 с.
43. Ильиш Б. А. Строй современного английского языка. Учебник по курсу теорет. грамматики для студентов пед. ин-тов (на англ. яз.). - 2-е изд. - Ленинград: Просвещение. Ленингр. отд-ние, 1971. - 365 с.
44. Исматуллоев М.Ф. Прямое дополнение в современном таджикском языке / М.Ф. Исматуллоев. - Сталинабад, 1955. - 77 с.
45. Кант И. Сочинения. В 6 т. Т. 2 / Иммануил Кант; под ред. Ф. В. Амуса; под ред. М. Арсеньева, А. Гулыги. - М., 1964. - 611 с.
46. Касимова М.Н. Таърихи забони тоҷикӣ / М. Н. Касимова. - Душанбе: Маориф, 2003. - 490 с

47. Качалова К.Н. Израилевич, Е.Е. Практическая грамматика английского языка: учебник / К.Н. Качалова, Е.Е. Израилевич. - Бишкек: Издательство Туркистан, КФМЦ ТКИСО, 2000. - 672 с.
48. Комова Т.А. Модальный глагол в языке и речи. - М.: Изд-во МГУ, 1990. -140 с.
49. Кортни Р. Английские фразовые глаголы. М.: Русский язык, Лонгман, 2000. -231 с.
50. Кошева И. Г., Дубовский Ю. А. Сравнительная типология английского и русского языков: [Учеб. пособие для ин-тов и фак. иностр. яз.] / И. Г. Кошева, Ю. А. Дубовский. - Минск: Высш. школа, 1980. - 270 с.
51. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику: Пер. с англ. / Дж. Лайонз. - М.: Прогресс, 1978. - 354с.
52. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика / Лайонз Дж. // Язык. Семиотика. Культура. - М.: Языки славянской культуры, 2003. - 397 с.
53. Ломтев Т.П. Предложение и его грамматические категории Т.П. Ломтев. - М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. - 198 с.
54. Мошеев И.Б. Система форм изъявительного наклонения в русском и таджикском языках. – Душанбе: Ирфон, 1977. - 159 с.
55. Мусаева Г.Ф. Роль категории модальности художественном тексте. – Баку: Элиста, 2001. – 139 с.
56. Нагзибекова М.Б. Способы передачи русских глагольно-именных конструкций с объектным значением в таджикском языке. - Душанбе, 1999. - 143 с.
57. Натанзон Е.А. Косвенные наклонения и модальные глаголы в английском языке. - Москва: Междунар. отношения, 1968. - 160 с.
58. Немец Г.П. Грамматические средства выражения модальности в русском языке. – Х.: Око, 2004. – 203 с.
59. Ниёзмухамедов Б., Ниёзӣ Ш., Каримова А. Забони тоҷикӣ, к. 1. - Душанбе: НДТ, 1960. - 269

60. Ниёзмухаммадов Б., Ниёзӣ Ш., Каримов А. Забони тоҷикӣ, фонетика ва морфология, к:1, барои синфҳои 5-6. - Душанбе: Ирфон, 1969. - 254 с.
61. Петров Н. Е. О содержании и объеме языковой модальности. - Новосибирск: Наука, 1982. - 287 с.
62. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М., 1956. - 512с.
63. Пешковский, А.М. Принципы и приемы стилистического анализа и оценки художественной прозы / А.М. Пешковский // Вопр. Методики русского языка, лингвистики и стилистики. - М. - Л., 1930. - С. 243.
64. Потебня, А.А. Из записок по русской грамматике. / А.А. Потебня // (т. I—II, изд. 2, 1888—1889; т. III, 1899. - 351с.
65. Расторгуева В. С. О формах конъюнктива (сослагательного наклонения) в современном таджикском литературном языке. - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1953. - 42 с.
66. Расторгуева В.С. Система таджикского глагола /АН СССР: Ин-т языкознания. Отв. ред. И.В. Абаев / В.С. Расторгуева, А.А. Керимова. - М.: наука: 1964. - 291 с.
67. Розенфельд А. З. Глагол. Выпуск 4. - Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1954. - 80 с.
68. Розенфельд А.З. Модальное значение некоторых форм глаголов «будан», «шудан» в таджикском языке. - Краткие сообщения Института народов Азии, Иранская филология. - М.: Восточная литература, 1963.
69. Русская грамматика. / Редкол: Н.Ю. Шведова /гл.ред./ и др. /. Т.1. М.: Наука, 1980. - 783 с.
70. Русская грамматика. / Редкол: Н.Ю. Шведова /гл.ред./ и др./ . Т.2. М.: Наука, 1980. - 709 с.
71. Сиёев Б. С. Очеркҳо доир ба таърихи феъли забони адабии тоҷик. - Душанбе: Дониш, 1968. - 167 с.

- 72.Смирнова Л. Г. Язык "Таърихи Чистон". Сталинабад, Изд-во Тадж. ССР, 1959. -144 с.
- 73.Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. - М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1957. - 286 с.
- 74.Смирницкий А. И. Морфология английского языка. - М., 1959. - 440 с.
- 75.Смирницкий А. И. Ахманова О. С. Очерки по сопоставительной грамматике русского и английского языков. - М.: Высш. школа, 1975. - 378 с.
- 76.Таджиев Д. Т. Причастия в современном таджикском литературном языке. Сталинабад, 1954. - 55 с.
- 77.Туйғунов Н., Сангинов Ф. Грамматикаи забони англисӣ. Душанбе: Эргграф, 2008. - 184 с.
- 78.Филипповская И.А. Модальность предложения. Учебное пособие для филол. специальностей. Таджикский гос. ун-т. - Душанбе, 1978. - 51 с.
- 79.Фозилов М., Лившиц В, А. Баъзе масъалаҳои омӯзиши забони тоҷикӣ дар мактаб. - Мактаби Советӣ, 1952, №7.
- 80.Халилов А. Ибораҳои изофӣ дар забони адабии тоҷик. - Душанбе; НДТ. 1964. - 221 с.
- 81.Халилов А. Ҳиссаҷаҳо дар забони адабии ҳозираи тоҷик/ А. Халилов. - Душанбе: Дониш, 1977. - 144 с.
- 82.Халилов А. Способы выражения субъективной модальности в современном таджикском литературном языке / А. Халилов; Отв. ред. В. А. Капранов. - Душанбе: Дониш, 1985. - 92 с.
- 83.Хлебникова И.Б. Сослагательное наклонение в английском языке / И.Б. Хлебникова // Калинин: Изд-во Калининск. ун-та, 1971. - 174 с.
- 84.Черенкова Н.И. Самоучитель грамматики английского языка
Прагматическая грамматика. Pragmatic English Grammar: Учебное пособие / Н.И. Черенкова. - СПб.: Питер, 2005. - 448 с.
- 85.Шанский Н.М. Основы словообразовательного анализа. - Москва: Учпедгиз, 1953. - 56 с.

86. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – Л., 1941. – 620 с.
87. Шахобова М. Б. Опыт сопоставительного исследования строя таджикского и английского языков. Душанбе: Дониш, 1985. – 252 с.
88. Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. – М: Наука, 1960. – 377с.
89. Шведова Н.Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. – М.: Наука, 1980. — 789 с.
90. Шведова Н.Ю. Русская грамматика. /Редкол.: Н.Ю. Шведова /гл.ред./ и др./. Т.2. М.: Наука, 1980. – 709 с.
91. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. – Л.: Наука, 1974. – 428 с.
92. Francis W.N. The Structure of American English. – New York: Ronald Press Company, 1958. – 614 p.
93. Hermeren L. On Modality in English. A Study of the Semantic of the Modals. Lund: Gleerup, 1978. – 195 p.
94. Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J. A University Grammar of English. М.: Vyshaja shkola, 1982. – 391 p.
95. Quirk R. Sidney Greenbaum. A University Grammar of English. М.: Vyshaja shkola, 1989. – 391 p.
96. Strang B. Modern English structure. London, 1963. – 201 p.
97. Varkhouschaya I. A., Rostorgueyeva T. A., Baromina L. A. The English verb. М.: Vischaya shkola, 1987. – 192 p.

Диссертации

98. Антипина Н.А. Составные синтаксические элементы "модальный глагол + инфинитив" и модальные конструкции в структуре

- предложения современного английского языка: дис. канд. филол. наук / Н.А. Антипина. - Л., 1974. - 171 с.
99. Баевский С.И. Модальные значения глагольных форм современного персидского языка: дис. канд. филол. наук / Баевский С. И. - Л., 1953. - 160 с.
100. Беляева З.Ф. Сравнительный анализ модальных глагольных сочетаний в американской научно-технической и художественной литературе: дис. канд. филол. наук / З.Ф. Беляева. - Омск, 1973. -190 с.
101. Данг Тхи Шам. Употребление форм глагольного наклонения как основной способ выражения модальности в русском языке: с позиции носителя вьетнамского языка: дис. канд. филол. наук / Данг Тхи Шам. - М., 2005. -134с.
102. Долинская Л.Д. Лексико-синтаксический способ выражения модальности в связи с функциональной перспективной и ритмической организацией текста: дис. канд. филол. наук / Л.Д. Долинская. - М., 1976. - 126 с.
103. Загородская Е.А. Модальное значение необходимости и средства его выражения. На материале современного французского языка: дис. канд. филол. наук / Е.А. Загородская. - Нижний Новгород, 2003. - 196 с.
104. Ибрагимова М. Модальные слова и модальные частицы в таджикском и русском языках: дис. канд. филол. наук / М. Ибрагимова. - Душанбе, 1971. -167 с.
105. Исматуллаев М. Ф. Прямое дополнение в современном таджикском литературном языке: дис. канд. филол. наук / М.Ф. Исматуллаев. - Л., 1953. - 139 с.
106. Миронова Т.Г. Лексико-грамматические средства выражения модальности в современном русском языке: дис. канд. филол. наук / Т.Г. Миронова. - Ташкент, 1979. - 158 с.
107. Пироженко Л.А. Модальные значения аналитической конструкции "should/ would + неперфектный инфинитив" и факторы,

- определяющие их реализацию в современном английском языке: дис. канд. филол. наук / Л.А. Пироженко. - Киев, 1980. – 226 с.
108. Салихов Ф.Ш. Функционально-семантическое поле модальности предположения и способы его выражения в разносистемных языках (на материале английского, русского и таджикского языков): дис. канд. филол. наук. – Душанбе, 2015. – 197 с.
109. Штайн К.Э. Семантика и синтаксические функции субъективно-модальных частиц: дис. канд. филол. наук. -М., 1976. - 203 с.

Авторефераты диссертации

110. Алиева Э. Н. Функционально-семантическая категория модальности и ее реализация в разноструктурных языках (русском, английском, лезгинском): автореф. дис. д-ра. филол. наук / Э.Н. Алиева. - Москва, 2010. -50 с.
111. Ализаде З.А. Модальные слова в современном азербайджанском языке: автореф. дис. канд. филол. Наук / З.А. Ализаде. - Баку, 1963 - 21с.
112. Беляева Е.И. Модальность и прагматические аспекты директивных речевых актов в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Е.И. Беляева. – М., 1988. – 4 с.
113. Беляева З. Ф. Сравнительный анализ модальных глаголов в сочетании в американской научно-технической и художественной литературе: автореф. дис. канд. филол. наук / З.Ф. Беляева. - Калинин, 1973. - 26 с.
114. Джабборова М.Т. Сопоставительно-типологическая характеристика, система причастий в русском и таджикском языках: автореф. дис. канд. филол, наук / М.Т. Джаборова. - Душанбе, 1990. -23 с.

115. Дородных А.И. Вариативность глагольных средств выражения модальных значений в современном литературном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / А.И. Дородных. - М., 1976. - 22 с.
116. Дуброва А.С. Система средств выражения нереальности в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / А.С. Дуброва. - М., 1978. - 23 с.
117. Ермолаева Л.С. К вопросу о соотношении модальности и предикативности (на материале современных германских языков). Филол. науки, 1963, № 4, с. П9-126.
118. Ермолаева Л.С. К вопросу о разграничении модальных слов и частиц // Иностранные языки в школе. № 4. - 1964.
119. Ермолаева Л.С. Системы средств выражения модальности в современных германских языках (на материале немецкого, английского, шведского и исландского языков): автореф. дис. канд. филол. наук / Л.С. Ермолаева. - М., 1964. - 18 с.
120. Ибрагимова М. Модальные слова и модальные частицы в таджикском и русском языках: автореф. дис. канд. филол. наук / М. Ибрагимова. - Душанбе, 1971. - 20 с.
121. Лихарева И.П. Взаимодействие просодических, лексических и лексико-грамматических средств выражения модальных значений в английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / И.П. Лихарева. - М., 1982. - 16 с.
122. Маулер Ф. И. Конструкция shall/will с инфинитивом в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Ф.И. Маулер. - М., 1986. - 18 с.
123. Мартынюк О.А. Грамматическое содержание и значение глаголов can, may, must, ought, dare, need, в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / О.А. Мартынюк. - Одесса, 1982. - 24 с.

124. Мошеев И.Б. Сопоставительно-типологическое исследование глагольной системы русского и таджикского языков (система спрягаемых форм): автореф. дис. д-ра филол. наук / И.Б. Мошеев. - Тбилиси, 1983. - 46 с.
125. Негматова Д.С. Структурно-семантический анализ модальных слов в английском и таджикском языках: автореф. дис. канд. филол. наук / Д.С. Негматова. - Душанбе, 2013. - 26 с.
126. Носирова Ф. Х. Компоненты функционально-семантического поля модальности в таджикском и английском языках: автореф. дис. канд. филол. наук / Ф.Х. Носирова. - Душанбе, 2002. - 25 с.
127. Рустамов Ш. Имя существительное в современном таджикском литературном языке: автореф. дис. докт. филол. наук / Ш. Рустамов. - Душанбе, 1972. - 86 с.
128. Сильницкая Г.В. Система значений модальных глаголов в современном английском языке: автореф. дис. канд. филол. наук / Г.В. Сильницкая. - Л., 1971. - 17 с.
129. Халилов А. Грамматические функции изафета в современном таджикском литературном языке: автореферат дис. канд. филол. наук / Самарк. гос. ун-т им. А. Навои. - Душанбе: [б. и.], 1965. - 30 с.

Статьи

130. Алисова Т.Б. Семантико-коммуникативный субстрат без личных предложений / Т.Б. Алисова // Инвариантные синтаксические значения и структура предложения (Доклады на конференции по теоретическим проблемам синтаксиса). - М.: Наука, 1969. - С. 27-36.
131. Алисова Т.Б. Дополнительные отношения модуса и диктума / Т.Б. Алисова // ВЯ, 1971. №1. – С. 54-68.
132. Арутюнова Н.Д. Модальные и семантические операторы / Н.Д. Арутюнова. // Облик слова / Сб. статей. – М. 1997. – С.22-38.

133. Богородицкий В. А. Некоторые вопросы синтаксиса, морфологии и семасиологии в применении к русскому языку: (Из чтений на учит. курсах в Казани в авг. 1915 г.) // Журнал министерства народного просвещения. — 1915. — Ч. 47. — № 12. — Отд. 2. — С. 179—199.
134. Бондарко А.В. Реальность / ирреальность и потенциальность // А.В. Бондарко // ТФГ. - М.: Наука, 1990. - С. 72-80.
135. Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке / В.Н. Бондаренко // Филологические науки. - 1979, №2, - С. 54-61.
136. Бордович А.М. К вопросу о модальных словах и их семантических разрядах / А. М. Бордович // Ученые записки Минского пединститута. - 1956. - Вып. № 6 - С. 331-346.
137. Ван Валин Г., Фоли У. Референциально-ролевая грамматика //Новое в зарубежной лингвистике, вып.11, М., 1982. С. 376-411.
138. Грeплъ М. О сущности модальности / М.О. Грeплъ // Языкознания в Чехословакии. Сб. статей (1956-1974). - М., 1973. - С. 277-301.
139. Ермолаева Л.С. К вопросу о соотношении модальности и предикативности /на материале современных германских языков/. - Филологические науки, 1963, К» 4. – С. 119-126.
140. Ермолаева Л.С. К вопросу о разграничении модальных слов и частиц /на материале немецкого и английского языков/. -Иностранные языки в высшей школе. Вып. 3. М.: Высшая школа, 1964. – С. 118-125.
141. Зверева Е. А. Исследование по английской филологии. Вып. 3. (Вторичная функция модальных глаголов в современном английском языке). - Л., 1963. – С. 61-71.
142. Зверева Е.А. Вторичная функция модальных глаголов в современном английском языке. В кн.: Исследования по английской филологии. Вып. 3. - Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – С. 61-71.

143. Зверева Е. А. О некоторых особенностях употребления модальных глаголов в безличных и неопределённо-личных предложениях / Е. А. Зверева // В кн.: Особенности языка научной литературы. - М.: Наука, 1965. – С. 159-171.
144. Зверева Е. А. Употребление изъявительного наклонения в предложениях, модальных по содержанию / Е. А. Зверева. - М., 1976. - С. 151-165.
145. Зверева Е.А. Об объективном и субъективном употреблении модальных глаголов /на материале английской научной прозы / Е. А. Зверева // В кн.: Лингвостилистические исследования научной речи. - Л.: Наука, 1979. – С. 77-97.
146. Зверева Е.А. О некоторых особенностях употребления модальных глаголов в английских научных текстах / Е. А. Зверева. В кн.: Функциональные стили и преподавание иностранных языков. - М.: Наука, 1982. – С. 196-210.
147. Зикриёв Ф. Лексикаи маросимии шеваи шимоли забони тоҷикӣ // Сухани сабз. – Душанбе: Дониш, 2004. – С. 66-75.
148. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке / Г.А. Золотова //ФН, 1962. -№1. - С. 65-80.
149. Золотова Г.А. О модальности предложения в русском языке // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1962. № 4. - С. 140-157.
150. Ибрагимова М.С. Модальные слова в современном русском языке. Уч. записки Таджикского у-та. Сер. филология. Душанбе, 1971, вып. 4, с. 32-53.
151. Лекант П.А. Семантика вводных компонентов в тексте // Семантика слова и словоформы в тексте. М.: Моск. обл. пед. ин-т, 1988. – С. 3 – 7

152. Лившиц В.А. О внутренних законах развития таджикского языка / В. А. Лившиц. - С.: Известия отделения общественных наук, 1956. - С. 88 - 92.
153. Ляпон М.В. Модальность и явления лексического аналитизма в древнерусских текстах ХУ1 века. Филологические науки, 1973, № 2. – С. 42-52.
154. Ляпон М.В. К вопросу о языковой специфике модальности / М.В. Ляпон // Известия АН СССР, серия ОЛЯ, 1971, т. 30, вып. №6, - С. 230-239.
155. Максимов В.Д. О функционально-семантической категории негопозитивности. В кн.: Структурно-семантические исследования на материале западноевропейских языков. Алтайский гос. ун-т.- Барнаул, 1979. – С. 99-105.
156. Маъсумӣ Н.А. Феъл ҳамчун хиссаи нутқ // Забони адабии ҳозираи тоҷик, к.1. - Душанбе: Ирфон, 1973. – С. 221-231.
157. Мецлер А.А. О лингвистическом статусе категории модальности. Филологические науки, 1982, № 4. – С. 66-72.
158. Ниёзмухаммедов Б. Забоншиносии тоҷик (асарҳои мунтахаб). / Б. Ниёзмухаммадов. - Душанбе: Дониш, 1970. - С.335-383.
159. Островская А.И. Выражение субъективной модальности в научной речи. В кн.: Семантика языковых единиц. - Л., 1975. – С. 101-103.
160. Перли В. П. Модальное употребление глагольных времен и проблема наклонения в современном английском языке. М., 1966. - С. 107-115.
161. Панфилов В.З. Категория модальности и ее роль в конструировании структуры предложения и суждения. Вопросы языкознания, 1977, № 4. – С. 37-48.
162. Поляков М.Г. Частицы в современном английском языке. Иностранные языки в школе, 1975, № I. – С. I0I-I06.

163. Полякова Н.К. О соотношении модальных глаголов и модальных слов при выражении предположения. В кн.: Вопросы филологии английского языка. Вып. I. Моск. гос. пед. ин-т ин.яз. им. М. Горького. - М., 1973. – С. 12-27.
164. Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та. 1984. – С. 243-244.
165. Распопов И. П. К вопросу о модальности предложения. Учен. зап. Благовещ. гос. пед. ин-та. М. И. Калинина, 1957. - С. 177-197.
166. Расторгуева В. С., Керимова А. А. Система таджикского глагола. М.: Наука, 1964. - С. 152-159.
167. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя языка. – М., 1955. - С. 52-53.
168. Трунова О.В. Роль отрицания в определении значения составного модального глагольного сказуемого. В кн.: Семантика слова и предложения в английском языке. - Л., 1980. – С. 71-77.
169. Хлебникова И.Б. Соотношение модальных глаголов и наклонения / И.Б. Хлебникова // Иностранные языки в школе, 1968, № 6, с. 11—18.
170. Calbert J.P. Modality and Case Grammar. In: Working Papers in Linguistics. - Indiana University, 1971, p. 26-49.
171. Diver W. The Modal System of the English Verb. -Word, 1964, vol. 20, p. 322-352.
172. Nakutani Y. English modal auxiliaries / Nakutani Yoshinobu. - Linguistics, N 90, 1972. - P.123.-127.
173. Nakutani Y. The Features of Modals in English Syntax. Linguistics, 1978, N.209. - The Hague – Paris. – P. 59-69.
174. Lakoff R. The Pragmatics of Modality. In: Papers from the eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society. - Chicago, 1972, p. 229-246.
175. Marino M.A. A Feature Analysis of the Modal System in English. Lingua, 1973, vol. 32, N.4, p.309-323.

176. Newman J. Remarks on "Modality and Conversational Information".
Theoretical Linguistics, 1976, vol.3, N.3.-Berlin • New York, p. 281 -286.
177. Ney G.W. The Modals in English. Journal of English Linguistics,
1976, vol.10, p.8-20.

СЛОВАРИ, СПРАВОЧНИКИ, ЭНЦИКЛОПЕДИИ

178. Арзуманов С. Д., Ахрори Х. А., Бегбуди М., Халилов А. Х.
Русско-таджикский словарь / С. Д. Арзуманов. - М.: Русский язык,
1985. - 1280 с.
179. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С.
Ахманова. - Изд-е 2-е стереотип. М.: Советская энциклопедия, 1969. -
607 с.
180. Гальперина И.Р. Большой англо-русский словарь. / Под общ. ред.
И.Р. Гальперина / Советская энциклопедия, М.: - 1972. - Т. I. - 822 с., Т.
2. - 863 с.
181. Ефремова Т. Ф. Толковый словарь служебных частей речи
русского языка: ок. 15 000 словар. ст.: ок. 22 000 семант. единиц / Т. Ф.
Ефремова. - 2-е изд., испр. - М.: Астрель: АСТ, 2004. – 814.
182. Калантаров, Я.И. Краткий таджикско-русский словарь.
Приложение Р. Л. Неменова. Краткий очерк грамматики таджикского
языка / Я. И. Калантаров. - М.: Л., 1955. - 544 с.
183. Ляпон М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический
словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Советская энциклопедия, 1990. - С.
303 - 304.
184. Лингвистический энциклопедический словарь. / Гл. ред. В.Н.
Ярцева. - М.: Совет. энциклопедия, 1990. – 684 с.
185. Мамадназаров, А. Англо-таджикский словарь / А. Мамадназаров.
- Душанбе: Сахбо, 2007. -1080 с.

186. Мамадназаров, А. Фарҳанги англисӣ-тоҷикӣ / А. Мамадназаров - Душанбе: Эр-граф, 2011. - 1015 с.
187. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений // Российская Академия Наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. - М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
188. Оксфордский толковый словарь английского языка. - М.: Наук, 2004. - С. 601.
189. Русско-таджикский словарь. Под ред. М. С. Асимова. - М.: Наук, 1985. - С. 102 - 113.
190. Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985Т. ЗП-Р. 1987. – 752 с.
191. Таджикско-русский словарь // Под ред. М.В. Рахими и Л.В. Успенской. - М.: Персидско-русский словарь (в двух томах), под редакцией Ю.А. Рубинчика. – М.: Советская энциклопедия, 1970. (Грамматический очерк персидского языка. - В приложении ко 2-му тому).
192. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 1. М.: Советская энциклопедия, 1969. - 951 с.
193. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷилди 2. М.: Советская энциклопедия, 1969. - 947 с.
194. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ. Таджикско-русский словарь. Душанбе: Дониш, 2006. – 784 с.
195. Фарҳанги забони тоҷикӣ ба англисӣ / Под ред. П. Джамshedов // Чопи аввал. – Душанбе: Эҷод, 2008. – 979 с.
196. Философская энциклопедия / Главн. ред. Ф.П. Константинов. - М.: Советская энциклопедия. - Т. 3, 1964. - 584 с., 1. Т. 5, 1970. 740 с.
197. Философский энциклопедический словарь. М., 1989. – 776 с.

198. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е изд. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 303 с.
199. Hornby, A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary / A.S. Hornby. Oxford University press, 2010. - 1796 p.
200. Jamghedov P., Riyozy T. English Tajik dictionary. - Dushanbe: Paivand, 2005. - 800 p.
201. Longman Dictionary of Contemporary English. - Longman Group Ltd.- Bath, Printed in Great Britain at the Pitman Press, 1978. - 1303 p.
202. Roget's Thesaurus of English words and phrases. - Great Britain: Penguin Books, 1958. - 705 p.
203. Stein Jess. Random House Webster's Unabridged Dictionary / Jess Stein. - Издатель: Ballantine books. - New York City, 2001. – 1235 p.
204. Webster's New Word Thesaurus / Prepared by Charlton Laird / New York: A Meridian Book. New American Library. Times Mirror, 1975. – 678 p.

Список художественной литературы и источники

205. Айни С. Асарҳои мунтахаб (Избранные произведения) / С. Айни. - Сталинабад: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1949. - 474 с.
206. Айни С. Марги судхур. Ятим / Куллиёт. Ҷилди 4,- Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1961. - 351 с.
207. Айни С. Куллиёт. Ҷилди 6. Ёддоштҳо. қисми 1 ва 2. / С. Айни. - Душанбе:1. Нашр дав тоҷ, 1962. - 414 с.
208. Булгаков М. А. «Мастер и Маргарита» Романы / М.А. Булгаков // М.: Худож. лит., 1967. – 470 с.
209. Бубеннов М. С. «Белая берёза», 1947, книга 2-я — 1952. (около 60 прижизненных изданий).
210. Войнич Э. Л. Гурмагас / Э. Л. Войнич. - Душанбе: Маориф, 1982. - 316 с.

211. Достоевский Ф.М. Униженные и оскорблённые / Ф.М. Достоевский // «Время». — 1861. — Т. I, № 2. — С. 419—474.
212. Икромӣ Қ. Ҳикоя ва очеркҳо. Сталинобод: Нашр.дав.Тоҷ. 1960. - 272 с.
213. Икромӣ Қ. Духтари оташ / Қ. Икромӣ. - Душанбе: Адиб, 1961. - 558 с.
214. Икрами Дж. Дочь огня / И. Джалол. - Москва: Известия, 1965. - 455 с.
215. Икромӣ Қ. Дувоздаҳ дарвозаи Бухоро / Қ. Икромӣ. - Душанбе: Ирфон, 1984. - 432 с.
216. Кант И. Сочинения в шести томах / И. Кант. – Т.3 – М.: Мысль, 1964. – 799 с.
217. Марк Твен. Саргузашти Том Соьер / Т. Марк. - Сталинобод: Нашриёти давлатии Тоҷикистон, 1951. - 303 с.
218. Муҳаммадиев Ф. Тири хокхӯрда. Сталинобод: Нашрдавтоҷик, 1961. - 109 с.
219. Муҳаммадиев Ф. «Тири хокхӯрда», «Одамони куҳна». Повесть / Ф. Муҳаммадиев // Шарқи сурх. - 1962. - №3. - С.41-58.
220. Муҳаммадиев Ф. Палатаи кунҷакӣ / Ф. Муҳаммадиев. - Душанбе: Ирфон, 1974. - 367 с.
221. Муҳаммадиев Ф. Асарҳои мунтахаб: Иборат аз 2 ҷилд. – Душанбе: Ирфон. Ҷ. 1. – Очерҳо, ҳикояҳо, қиссаҳо. – 1978. – 555 с. Ҷ. 2. – Қисса, роман. – 1980. – 604 с.
222. Муҳаммадиев, Ф. Осори мунтахаб иборат аз панҷҷилд. / Ф. Муҳаммадиев // Ҷилди 2. Повестҳо. – Душанбе: Адиб, 1990. - 448 с.
223. Назаров Х. “Мирзо Ризо (роман) / Х. Назаров. – Душанбе, 1970. - 298 с.
224. Назаров, Х. Осори мунтахаб, ҷилди 1. / Х. Назаров.–Душанбе, 1978. – 456с.

225. Ниёзӣ Ф. Духтари ҳамсоя / Ф. Ниёзӣ. // Қисса барои бачагони синни калони мактабӣ. – Душанбе. – Нашр. дав. тоҷик, 1964. – 89 с.
226. Ниёзӣ Ф. Вафо (Роман) / Ф. Ниёзӣ. – Душанбе: Ирфон, 1966. – К. 1. – С. 391.
227. Ниёзӣ Ф. Вафо (Роман) / Ф. Ниёзӣ. – Душанбе: Ирфон, 1966. – К. 2. – С. 498.
228. Ниёзӣ Ф. Асарҳои мунтахаб: Қиссаҳо, ҳикояҳо, песаҳо. – Душанбе: Ирфон, 1974. – 340 с.
229. Ниязи Фатех. Верность / Фатех Ниязи. - Душанбе: Таджикгосиздат. – 1962. - 536 с.
230. Ниёзӣ Ф. Асарҳои мунтахаб / Ф. Ниёзӣ. - Душанбе: Ирфон, 1978. - 528 с.
231. Олеша Ю. К. Ни дня без строчки: Из записных книжек. — Москва: Советская Россия, 1965. — 304 с.
232. Островский Н. А. Как закалялась сталь. М.: Правда, 1989. - 382 с.
233. Ошанин Л. И. Пока я дышать умею.: новая книга стихов. 1982 – 1984. – М.: Сов. писатель, 1985. – 175 с.
234. Пушкин А.С. Сочинения. В 3-х т. Т.3. Проза. М.: Художественная литература, 1987. - 528 с.
235. Руми Дж. // Ирано-таджикская поэзия. / Дж. Руми // Библиотека всемирной литературы. Серия первая, том 21. — М.: Издательство «Художественная литература», 1974. — С.127-186
236. Руми Джалаладдин. Поэма о скрытом смысле / Дж. Руми // Избранные притчи. Перевод Наума Гребнева. - М.: «Наука», 1986. - 272 с.
237. Салтыков-Щедрин М. Е. / М. Е. Салтыков-Щедрин. «Наша общественная жизнь», 1864. – 290 с.
238. «САДОИ ШАРҚ» - №4. - Душанбе, 1978. – 92 с.
239. Толис П. Куллиёт / П. Толис // Ҷ.2. Повестҳо. Ҳикояҳо. – Душанбе: Ирфон, 1976. - 671 с.

240. Толстой А.Н. / А.Н. Толстой. // Хождение по мукам. Трилогия. Сестры. – М.: Художественная литература, 1984. - 625с.
241. Тургенев И.С. Записки охотника / Сочинение Ивана Тургенева: [в 2 ч.]. СПб.: в Университетск. тип., 1852. - Ч.1. – 314 с.; Ч.2. – 310 с.
242. Улугзода С. Навобод. Асарҳои мунтахаб / С. Улугзода. – Душанбе: Ирфон, 1976. – 368 с.
243. Улугзаде С. Утро нашей жизни. - Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. -311 с.
244. Улугзода С. Субҳи ҷавонии мо. - Сталинобод, 1956. - 362 с.
245. Фатех Ниязи. Автор сб-ков стихов: поэтический сборник «Маяк» (1933).
246. Фатех Ниязи. Солдаты без оружия / Ниязи Фатех // Художественная литература. - Москва, 1988. - 480 стр.
247. Чехов А. П. «Степь»; «Дачники»; «Палата №6»; «Именины»; «Бабье царство» / А. П. Чехов // Полное собрание сочинений и писем в 30 томах. Сочинения в 18 томах. Том 08. - М.: Наука, 1985. — 528 с.
248. Чехов А.П. Повести и рассказы / А.П. Чехов. Изд-во: Просвещение, 1986. – 192 с.
249. Чуковский К.И. Сказки. Стихи (Детская библиотека) Издательский Дом «Нева», 2004, -576 с.
250. Чалил Раҳим. Асарҳои мунтахаб / Р. Чалил // Ҷилди 2 Душанбе: Адиб, 1988. - 464 с.
251. Яковлев Г. Н. Николай Островский / Г. Н. Яковлев. — М.: Политиздат, 1975. — 87 с.: ил. — (о периоде жизни Николая Островского, когда он работал организатором в райкоме комсомола, в пограничном районе Волыни)
252. Sadriddin, Aini. Bukhara / Sadriddin A. Translated by Holly Smith. - М.: Raduga Publishers, 1986. - 378 p.
253. Voynich E. L. The Gadfly / E. L. Voynich. - М.: Foreign Languages Publishing House, 1954. - 332 p.

Интернет источники и электронные ресурсы

Английские модальные глаголы/ Modal verbs/ can, may, must, ought, need, should. <http://www.homeenglish.ru/Grammarmod.htm>.

Модальные глаголы. <http://www.anglais.ru/2010/08/modalnye-glagoly/>

Модальные глаголы в английском языке, <http://engblog.ru/modal-verbs>

Чисто модальные глаголы: can, may, must, ought (to). <http://www.perevod4ik.com/lessons/en1/index-18.php>.

Модальные глаголы и их эквиваленты в английском языке.

<http://www.native-english.ru/grammar/modal>

Модальные глаголы в английском языке. <http://www.lovelylanguage.ru/grammar/rules/320-modal-verbs>

Модальные глаголы в английском языке

и их использование. <http://howeng.ru/modalnye-glagoly-v-anglijskom-yazyke-i-ix-ispolzovanie/>

A Brief overview of modal verbs and their substitutes. <http://usefulenglish.ru/grammar/brief-overview-modal-verbs-and-substitutes.1>.

<http://usefulenglish.ru/grammar/brief-overview-modal-verbs-and-substitutes.1>.

Auxiliary Verbs. <http://www.ego4u.com/en/cram-up/grammar/auxiliary-verbs>.

English Grammar. Modal Verbs» <http://www.learnenglish.de/grammar/verb-modal.htm>.

<http://www.learnenglish.de/grammar/verb-modal.htm>.

English modal verb. <http://en.wikipedia.org/wiki/Englishmodalverb>.

English Modal Verbs» <http://www.brighthub.com/education/languages/articles/37641.aspx>.

Formation of the modal conjugations. <http://www.fortunecity.com/bally/durrus/153/grammaticalO.html>

Modal Verbs. // <http://linguistic.ru/index.php?id=68&op=content>.

Modal Forms, <http://www.englishpage.com/modals/modalforms.html>.

Modal Verb Tutorial. <http://www.englishpage.com/modals/modalintro.html>.

Modal Verbs and their Equivalents [http:// native. narod. Ru / theory / grammar / modal. htm.](http://native.narod.ru/theory/grammar/modal.htm)

Modal Verbs. [http:// www.english-the-easy-way .com/English ESL/Modal Verbs. html.](http://www.english-the-easy-way.com/English%20ESL/Modal%20Verbs.html)

Modal Verbs, <http://www.advanced-english-grammar.com/modal-verbs.html>.

Modal verbs. [http:// www. Elearn english language. Com / esl / grammar / modal verbs. Html](http://www.Elearnenglishlanguage.com/esl/grammar/modalverbs.html)

Modal Verbs. <http://www.perfect-english-grammar.com/modal-verbs.html>

Modal verbs, <http://esl.fis.edu/grammar/rules/modal.htm>

Modal auxiliary verbs. [http ://www.waylink-english.co.uk/? page=31320](http://www.waylink-english.co.uk/?page=31320)

Modal verbs and their meaning. [http://www.myenglishpages.com/sitephp files/grammar-lesson-modals.php](http://www.myenglishpages.com/sitephp/files/grammar-lesson-modals.php)

Modal verb. [http://en.wikipedia.org/wiki/Modal verb](http://en.wikipedia.org/wiki/Modal_verb)

А) Основные положения диссертации отражены

в следующих публикациях:

[1-А]. Шарипов Б.А. Исследование категории модальности в разноструктурных языках (на материале русского, таджикского и английского) / Б.А. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». №7, 2018. – С. 73-77.

[2-А]. Шарипов Б.А. Средства и способы выражения субъективной модальности в русском, таджикском и английском языках / Б.А. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». №8, 2018. – С. 91-96.

[3-А]. Шарипов Б.А. Модальные фразеологизмы как средство выражения субъективной модальности / Б.А. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». №2, 2019. – С. 102-107.

[4-А]. Шарипов Б.А. Особенности модальных фразеологизмов как средство выражения субъективной модальности / Б.А. Шарипов // Вестник Таджикского национального университета. Серия «Филология». №5, 2019. – С. 97-106.

б) статьи и тезисы опубликованные в других изданиях и сборниках материалов научно-практических конференций

[5-А]. Шарипов Б.А. Исследование категории модальности в лингвистической науке // Материалы международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной филологии».- Душанбе. -2019. -С.60-65

[6-А]. Лексико-грамматические средства выражения субъективной модальности в разносистемных языках // Маҷмӯаи мақолаҳои илмӣи магистрантони факултети забонҳои хориҷӣ. – Бохтар-2019. –С. – 129-133.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Русский-Таджикский-Английский

Без сомнения – бешак - patently;

Быть может – мумкин – may be;

Верите (ли)-бовар мекунед-(do'y) believe;

Вероятно - шояд -probably;

Видимо – хулоса - apparently;

Видите, (ли) – оё, медонед - do you see;

Вне всяких сомнений - Бешубҳа - No doubt;

Во-вторых-дуюм - secondly;

Возможно - эҳтимол - perchance

Вообразите - Тасаввур кунед - Imagine;

Во-первых-аввалан-firstly;

Впрочем - Бо вучуди ин - However;

В самом деле - Дар асл - Indeed;

В частности - Махсусан - In particular;

Главное - Асос - the main;

Действительно - Дар ҳақиқат - Really;

Должно быть - бояд - must;

Знаете, (ли) - Оё медонӣ - Do you know;

Значит – яъне – It means;

Итак – Хуб –Well;

Кажется – Дар назар аст, ки – It seems;

Как-либо – Ягонхел - Somehow

Как видите – Чӣ тавре мебинед – as you can see;

Как оказалось – Чуноне, ки маълум шуд - as it turned out;

Как впоследствии узнали - Чӣ тавр, баъдтар фаҳмиданд - How subsequently learned;

Как вскоре выяснилось - Тавре, ки ба зудӣ ошкоршуд -As it soon turned out;

Как вы ... видите – чӣ тавре, ки шумо ... мебинед - as you can see;

Как известно - Тавре маълум аст - As known;

Как обычно -Чун маъмулан – as usual;

Как и ожидалось - Чуноне, интизор будем - As expected

Как показалось - Ин ба назар мерасад - It seemed;

Как поняла -Тавре маълум шуд - As understood;

Как сами понимаете - Тавре ки шумо мефаҳмед - As you understand;

Как-то - Мисли ин - somehow

Как утверждал – чуноне тасдиқ карданд - As claimed;

Конечно - Албатта - Of course;

Короче говоря - Қисса кӯтоҳ - Shortly speaking;

Кроме того - Ғайр аз ин - Besides;

К сожалению - Мутаассифона - Unfortunately;

Кстати - Дар омади гап - By the way;

К удивлению - Тааччубовар аст, ки - To the surprise;

К удовольствию - Ба ... хушнудӣ - To ... pleasure;

К счастью - Ба ... хушбахтӣ - Luckily;

Между нами говоря - Гап байни худамон - Speaking between us;

Между прочим - Дар омади гап - By the way;

Может – мумкин - Can;

Может быть - Мумкин аст - May be;

Наверное – Шояд - Probably;

Надо сказать - Бояд гуфт - Need to say;

Наконец – Хайрият, Дар охир - Finally;

Наоборот - Баръакс – Vice versa;

Например – Мисол - for example;

Несомненно - Бешубҳа - Undoubtedly;

Нет сомнений – Бешак - No doubt;

Нет спору - Ҳеч баҳс нест - No dispute;

Откровенно говоря – Равшан гап занем - Frankly speaking;

Очевидно - Аён (Аён аст, ки) - Obviously;

Пожалуй - Беҳтараш - Perhaps;

По-видимому – Хулоса - Apparently;

Помимо этого - Илова бар ин - Besides;

По мнению... - Мувофиқи... - According to...;

По словам... - Бо гуфтаҳои... - According to...;

По ... счастьем - Бу ... happiness - Бо ... хушбахтӣ;

Правда – Ҳақиқат, Дуруст аст - Verity;

Представьте - Тасаввур кунед - Imagine;

Прежде всего - Пеш аз ҳама - First of all;

Разумеется – Албатта - Of course;

Сколько мог – Ҳар (Чӣ) қадар тавонистам - How much could;

Следовательно - Бинобар ин - Consequently;

Собственно говоря – Асли гап гапзанем - As a matter of fact;

Согласись – Розӣ шудем - Agreed;

Таким образом – Ҳамин тавр - In this way;

Точно – Комилан, Аниқ - Exactly.

Точикӣ-Русӣ-Англисӣ

Аввалан-Во-первых- firstly

Аз афти кор-очевидно- obviously

Айнан-буквально- literally

Албатта – Конечно – Of course

Ба назарам-кажется- seems

Ба назари ман - на мой взгляд - in my opinion

Баръакс-наоборот- conversely

Ба таври ин - наверняка, определенно - for certain, definitely

Бегуфтугӯ-безусловно- certainly

Бешак, бешубҳа - несомненно – undoubtedly

Бе чуну чаро – несомненно - undoubtedly

Бинобар ин- следовательно- so

Бо вучуди он-впрочем- though

Бо вучуди ин (он) - несмотря на это - несмотря на это

Бояд - должно быть – probably

Гӯё-видимо- apparently

Дар омади гап – кстати - by the way

Дуруст-верно- right

Дуюм-во-вторых- secondly

Зимнан- кстати- incidentally,

Зоҳиран-по-видимому- presumably
Ин тавр бошад - раз так – if so
Инхел гӯем- если так сказать - if to say so
Қисса кутоҳ - короче говоря- to put it briefly
Мебахшед-извините- excuse me,
Мефаҳмӣ-понимаешь-do you see
Мумкин-вероятно- likely
Мутлақо, бегуфтугӯ - безусловно - surely
Муҳим-главное- main thing
На кам, на зиёд – Ни больше, ни меньше – If a day
Ниҳоят, дар охир-наконец-at last
Оё медонед-знаете ли- do you know
Оё медонед-видите ли- if you please
Пас, инак-итак- well
Рости гап - по правде говоря - to tell the truth
Ростӣ - на самом деле- actually
Тахминан-предположим- guess
Умуман-вообще- overall
Фарз кунем-допустим- suppose
Фаҳмидан-видать- to see
Хулласи калом – следовательно - therefore

Хуш, ки бошад - таким образом - thus

Ҳақиқатан - действительно - indeed,

Ҳатман - разумеется – certainly, naturally

Ҳақ-право- right

Чизе-что ли- that

Шояд - может быть - may be

Эҳтимол дорад - вряд, ли -hardly

Эҳтимоли қавӣ меравад, ки -по всей вероятности – in all probability,

Эҳтимол-авось- perhaps,

Эътироф-признаться- recognize

English-Tajik-Russian

avowedly - Рушод, кушод - Прямо, открыто ,

clearly – Фаҳмо - Ясно

decidedly – Қатъиян - Решительно,

evidently - Албатта - Равшан,

incontestably – Бетафовут - Неопровержимо,

indeed - дар ҳақиқат - в самом деле,

indisputably - бесабаб нест - неоспоримо,

indubitably - номаълум аст - несомненно,

inevitably - ногузир аст - неизбежно,

manifestly - ошкорона - явно,

necessarily – ҳатман - обязательно,

(2) Doubt or uncertainty:

Allegedly – гӯё - якобы

Arguably - бесабаб нест – не спроста

Conceivably - тахминан - предположительно

Seemingly аз афташ – судя по виду,

(3) Actuality and reality:

Actually - на самом деле – дар ҳақиқат,

Basically - асосан – в основном,

Formally – расмӣ - формально,

ideally – Олиҷаноб - Идеально,

officially – расман - официально,

ostensibly – гӯё, ки - как будто бы,

outwardly - берун аз он - внешне,

superficially – рӯякӣ - поверхностно,

theoretically - назариявӣ - теоретически

(1) ‘Hedging’ expressions:

I believe - Бовари дорам - я верю,

I guess - Гумон мекунам - Похоже,

I think - Ман фикр мекунам - Я думаю,

I expect – Интизорам, (Ман интизор ҳастам) - Я жду,
I feel - Ман ҳис мекунам - Я чувствую,
I hear – Мешунавам, Ман мешунавам - я слышу,
I hope - Ман умедворам - Я надеюсь,
I presume - Ман фикр мекунам - Я предполагаю,
I understand - Ман мефаҳмам - я понимаю,
I suppose - Ман гумон мекунам - Я полагаю,
I'm told – Ба ман гуфта буданд - Мне сказали,
I have read - Ман хондаам - я прочитал,
I have heard - Ман шунидаам - я слышал,
I can see - Мефаҳмам - Понимаю,
I dare say - Бо боварии комил гуфта метавонам - Смею сказать,
I venture to say – Таваккалкунон мегӯям (Ҳар чи бодо бод гӯён) - Рискну
сказать,
Anybody hears – Касе мешунавад – Кто-то слышать,
They tell me - Онҳо ба ман мегӯянд - Они говорят мне,
They allege – Онҳо тасдиқ мекунанд - Они утверждают,
It is said – Мегӯянд - Говорят,
It is reported – гуфта мешавад - сообщается,
It is rumored – аз рӯи шунидаҳо - по слухам,
It seems, it appears - ба назар мерасад, ки - кажется, похоже

(2) Expressions of certainty:

I know – Медонам - Знаю,

I see – Фаҳмо - Понятно,

I remember – Дар ёд дорам - Помню,

I agree – Розиям - Согласень,

I admit - Ман эътироф мекунам - Я признаю,

I'm sure - Боварӣ дорам - Я уверен,

It's true – Ҳақиқат дорад - Правда,

It is certain – Ин аниқ - это точно,

I must say – Бояд гӯям - Должен сказать,

I must admit - Бояд эътироф кунам - Должен признать,

I must tell you - Бояд ба шумо гӯям - Должен тебе сказать,

It is likely - Эҳтимол аст - Вероятно,

It is apparent - Равшан аст - Это очевидно.